

95/1

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Издатель Н. П. О. издает под редакцией
Секретаря Общества А. В. Гринберга

ТОМЪ XX. 1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1885

п. 26477.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
—	7	спизу	Чирей
428	16	сверху	турменъ
429	18	"	Бурнеказа
—	17	спизу	Янг-Татцъ
430	1	"	башни
431	19	"	золотомъ
432	7	"	Тарка
433	6	"	азербейджански
—	5	"	Ритцель-угалъ
434	5	сверху	Кхильба
—	6	"	между словами „завбада“ и „рауга“ должна стоять точка съ запятой (;)
—	19	"	ѣмбекулибъ
—	22	"	чунъ
—	27	"	хелибъ
—	80	"	бетца-руъ
435	15	"	туртлю
—	17	"	хуходилибъ
—	19	"	чааргуду
436	21	спизу	Кочера
—	18	"	Кочеръ
—	13 и 10	"	Кочера
437	8	сверху	киртами
439	20	"	Оугратли
440	14	спизу	манты
—	5	"	урусъ-санави
441	6	"	връати
442	2	сверху	тутача
—	11	"	Кюринли
443	4	"	Кудинскаго
—	"	"	Дибаръ
444	7	"	Зуберку
445	5	спизу	Дархлибъ
446	2	сверху	Зано-Миръ
—	10	спизу	Ишкарты
448	17	сверху	Джалганъ
—	23	"	Кастаръ-кала
691	въ заглавіи статьи напечатано „особенно метеорологической комиссіей“ должно быть „особенно метеорологической комиссіи М. М. Помор- ныхъ д. чл. Русскаго Физико-химическаго общества“.		

ЗАМѢТКИ О ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ

II
СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СТРАНАХЪ.

П. М. Лессафа.

ПУТИ ИЗЪ АСХАВАДА КЪ ГЕРАТУ.

Въ полбѣрѣ и декабрѣ 1881 года, сдѣлавъ я первое путешествіе по Атеку и Хорасану ¹⁾. Хотя съ того времени до второй моей поѣздки, въ апрѣлѣ 1882 года, прошло всего четыре мѣсяца, но весьма многое измѣнилось въ положеніи края, вслѣдствіе того, что отношенія русскихъ какъ къ ахальцамъ, такъ и къ сосѣднимъ непокореннымъ туркменамъ разныхъ племенъ успѣли вылиться. Штурмъ Геоктепе, 12-го января 1881 года, былъ послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ въ Закаспійскомъ краѣ: о дальнѣйшемъ сопротивленіи въ Ахалѣ не могло быть и рѣчи. Но значительная часть жителей, обжавшихъ во время войны и послѣ штурма въ Мервъ и на Тедженъ, несмотря на полное прощеніе, объявленное верховнымъ, не могла отрѣшиться отъ азіатскихъ понятій объ участи побѣжденныхъ и все еще не увѣренная, что ее ждетъ, не рисковала явиться на прежнія свои мѣста.

Большое впечатлѣніе произвелъ на текинцевъ прѣздъ въ Асха-

¹⁾ Сообщеніе о немъ читано въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, 26-го января 1882 года.

бадь Тьема-сердара ¹⁾). Милостивый приемъ, оказанный ему въ Петербургѣ, высокая награда, полученная сердаромъ, успокоили самыхъ недоверчивыхъ, и когда онъ поѣхалъ въ Мервъ, то рассказы его обо всемъ видѣнномъ, о силѣ и величии Россіи значительно охладили шель той части меридовъ, которая думала о дальнейшей борьбѣ; жители же Ахала, убѣжденные его утѣхами, что все прошлое забыто, что прошлое ничто, а будущее зависитъ отъ поведения ихъ самихъ, рѣшили, по соборѣ сдѣланныхъ ими въ Мервѣ и на Тедженѣ посовѣтъ, вернуться въ свои селенія. На это рѣшеніе, конечно, немало повліяло и то обстоятельство, что въ Мервѣ охотно принимаютъ чужихъ, такъ какъ сами мервцы начинаютъ терять отъ недостатка земли и воды и ищутъ новыхъ мѣстъ для поселенія. Обратное движеніе началось въ сентябрѣ и послужило сигналомъ полнаго умиротворенія края. Бывшіе до того времени рѣдкіе случаи грабежей, какъ на персидской границѣ, такъ и въ степи, по путямъ въ Хиву и Бухару, совершенно прекратились. Мервскіе текинцы, населившие Атекъ, при моей поѣздкѣ въ ноябрѣ, до этого времени никогда не видѣли френги ²⁾ и потому принимали насъ хотя и дружелюбно, но все же со сдержанностью и боязливостью азіатцевъ, первый разъ видящихъ европейца; съ тѣхъ поръ они ознакомились съ русскими, являлись все чаще и чаще въ Асхабадъ, сначала изъ любопытства, а потомъ и для покупки. Изъ Мерва и съ Теджена еще ранѣе были депутации для выраженія чувствъ дружбы къ Россіи; въ доказательство своей дружбы текинцы освободили артиллерійскаго солдата Киджена, бывшаго у нихъ въ плѣну съ хивинскаго похода, и возвратили имущество, ограбленное, въ августѣ, у ахальцевъ, шедшихъ съ караваномъ изъ Хивы. Въ февралѣ нынѣшняго года караванъ купца Коншина съ краснымъ товаромъ проникъ даже въ самый Мервъ. Въ это время край уже былъ настолько умиротворенъ, что для поѣздки изъ Асхабада въ Серахсъ не требовалось никакого прикрытія; совершенно достаточно было двухъ-трехъ человекъ прислуги, необходимыхъ при путешествіи, вооружить ружьями противъ случайныхъ воровъ. Жители Атека не только принимали съ почестями русскихъ гостей, но постоянно являлись просить какой-нибудь службы. Этими я и воспользовался, когда мнѣ потребова-

лось прикрытіе для поѣздки по Гери-руду и землямъ сариковъ. При настоящемъ положеніи края, и въ этихъ мѣстахъ большой опасности для русскаго путешественника быть не можетъ; но все же ѣздить по нимъ необходимо съ приличнымъ конвоемъ, такъ какъ во всякомъ племени всегда могутъ найтись мелкія шайки разбойниковъ, а при разнообразіи племенъ, населяющихъ эту мѣстность, и при отдаленности ея отъ русскихъ владѣній, мало вѣроятія даже узнать, кѣмъ было сдѣлано нападеніе, и потому разбойники могутъ гораздо болѣе расчитывать на безнаказанность, нежели въ близкомъ къ намъ Атекѣ.

Доставить мнѣ прикрытіе взялись старшины деревни Кахка. Они обязались поставить 20 туркменъ-аліевъ на хорошихъ лошадяхъ; жалованье имъ было положено по 40 рублей въ мѣсяцъ; люди должны были сами заботиться о прокормленіи себя и своихъ лошадей. Десяти человекамъ были даны берданки изъ Асхабада, а остальные десять были вооружены своими ружьями, заряжающимися съ дула; кромѣ ружей, всѣмъ аліевцамъ имѣлъ еще на себѣ цѣлый арсеналъ: два или три старые пистолета, пашку и ножъ.

I.

Атекъ.

16-го апрѣля, вечеромъ, выѣхалъ я изъ Асхабада и 21-го прибылъ въ Серахсъ, сдѣлавъ дневку въ Кахка для снаряженія прикрытія, которое, несмотря на обѣщаніе старшинъ, къ моему прибытію не было готово.

Для сбереженія силъ лошадей, я разрѣшилъ аліевцамъ двигаться въ Серахсъ по почтамъ и, вообще, какъ имъ удобнѣе; я ѣхалъ на простой, но весьма крѣпкой кабардинской лошади почти все время рысью; а текинскія лошади рыси вовсе не имѣютъ, идуть или шагомъ, или вскачь, и, слѣдуя за мною, слишкомъ утомлялись. Дорога же вполнѣ безопасная; въ прошломъ году, мѣстные жители, при переѣздахъ изъ деревни въ деревню, пробирались горами и то партіями, но нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ; теперь же, по дорогѣ встрѣчались очень часто отдѣльные, невооруженные люди на ишакахъ ¹⁾ и даже пѣшкомъ.

¹⁾ Бѣлый предводитель текинцевъ подъ Гокотепе. Онъ умеръ въ юнѣ прошлаго года въ Баки.

²⁾ Обобщающее вообще европейца.

¹⁾ Осязкъ.

Вся дорога от Асхабада до Серакса, длиною 280 верст, идет на протяжении разстояній от горъ, параллельно имъ, по совершенно ровной мѣстности. Только подъ Апнау и близъ Гуарса въ двухъ мѣстахъ приходится пересѣкать невысокіе песчаные бугры.

Описание Атека, по даннымъ моей прошлагодной поѣздки, помещено въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества“¹⁾; здѣсь, въ дополненіе, я сообщу тѣ новыя свѣдѣнія, которыя собраны мною въ нынѣшнемъ году.

Слово Атекъ (т. е. подножіе горъ) служило прежде для наименованія всей мѣстности отъ Казанджика до Серакса; впрочемъ, это было названіе, весьма мало употребительное. Часть оазиса до Гуарса, занятая текинцами, называлась Ахаломъ; полоса мѣстности далѣе на юго-востокъ извѣстна въ окрестныхъ странахъ подъ именемъ Аракаджъ. Слово Атекъ, ни въ Афганистанѣ, ни въ Персіи жителей неизвѣстно. Необходимости отдѣльныхъ названій для покоренной нами и для независимой части оазиса дала право гражданства названію Атекъ, причѣмъ оно получило вполне опредѣленное значеніе: такъ, въ настоящее время, называется подножіе горъ отъ нашей восточной границы до Серакса.

Гуарсъ есть послѣдній населенный пунктъ ахалтекинскаго оазиса. Баба-Дурмазъ, лежащій на границѣ папихъ владѣній, въ 71-й верстѣ отъ Асхабада, никакъ не занытъ. Въ Атекѣ только два пункта, Лютфабадъ и Шильганъ, населены персами шитами, подданными Насръ-Эдинъ шаха. Всѣ остальные пункты заняты туркменами: Кахка и частью Кюренъ племенемъ алиели, а остальные главнымъ образомъ текинцами изъ Мерва. Все это населеніе весьма недавнее. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, часть Ахала до Дуруна была занята племенами эмрала и карадаглы, а далѣе на юго-востокъ, около Янги-кала, Хурмана; близъ Геоктене, и Асхабада, кочевали алиелинцы. Въ это время туркмены-теке перекочевывали изъ Мангышлака къ Кизиль-Арвату и стали тѣснить жителей Ахала; борьба длилась около полустолѣтія и въ началѣ нынѣшняго вѣка текинцы взяли верхъ: карадаглы ушли въ Хиву, эмралы въ Меана и Чача, алиелинцы частью въ Персію и Чинаранъ, частью въ Казиръ (около Нухура), остальные въ Кюренъ и Абийвертъ.

Пятьдесятъ шесть лѣтъ назадъ, Алла-кули, ханъ хивинскій, разбивъ туркменъ, увелъ гоклановъ, алиелинцовъ и эмралы въ Хиву,

а съ текинцевъ взялъ данъ и заложниковъ. Послѣ смерти Медеміяхана, убитаго въ Серахсѣ въ 1855 году, какъ гокланы, такъ и алиелинцы ушли изъ Хивы на свои старія мѣста; но притѣсненіе персовъ заставило алиелинцевъ еще разъ вернуться въ Хиву и только въ 1873 году, послѣ хивинскаго похода, они окончательно переселились въ Атекъ и построили новое укрѣпленіе Кахка. Переселеніе текинцевъ въ Атекъ началось въ послѣдніе годы: тѣснимые обдѣленіемъ почвы и недостаткомъ воды, мерцы уходять изъ своего оазиса и селятся на рѣчкахъ, вытекающихъ изъ хребтовъ Даманъ-и-ку; здѣсь дѣйственная почва и достаточное количество воды—ручательство за хорошіе урожаи; бѣда одна—сосѣдство персидскихъ пограничныхъ владѣтелей (ильханы), Дергега и Келата, которые, набравшись храбрости послѣ покоренія русскими Ахала, не пропускаютъ случая тѣснить своихъ прежнихъ притѣснителей текинцевъ.

Живетъ населеніе Атека и въ глиняныхъ постройкахъ, и въ кибиткахъ. Впрочемъ, кибитокъ довольно мало: въ селеніяхъ отъ Лютфабада до Кахка ихъ совсѣмъ нѣтъ, а въ Душанѣ, Меана и Чача число ихъ уменьшается съ умноженіемъ края. Только самыя осторожные мерцы приходятъ теперь въ Атекъ для посѣвовъ и сбора жатвы и оставляютъ при этомъ свои семейства въ Мервѣ; большая же часть жителей перешла въ Атекъ окончательно. Прежде каждое поселеніе состояло изъ укрѣпленія (кала), внутри котораго были глиняныя постройки и снаружи располагались кибитки, которыя, въ случаѣ опасности, могли быть перенесены въ калу; теперь въ Чача всѣ новыя постройки изъ глины строятся внѣ стѣнъ укрѣпленія.

Относительно распредѣленія и обилія воды, этого существеннѣйшаго вопроса для каждой среднеазиатской страны, Атекъ находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Ахаль, т. е. вода имѣется въ очень ограниченномъ количествѣ и ручьи расположены на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ Атекѣ къ этому прибавляется еще то неудобство, что истоки и значительная часть протяженія рѣчекъ находится въ горахъ, принадлежащихъ персамъ, которые имѣютъ, вслѣдствіе этого, возможность обижать текинцевъ, отвода воду отъ ихъ полей. Это случается очень часто и тогда требуется весьма много хлопотъ и времени, чтобы добиться отъ ильханы правильнаго распредѣленія воды. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ неимѣніе во-время воды можетъ погубить всю жатву; если онъ не будетъ разрѣшенъ удовлетворительно въ скоромъ вре-

¹⁾ Т. XVIII, Отд. II, стр. 127.

мени, то легко может случиться, что жителям придется покинуть запятые ими мѣста и Атекъ обратиться въ пустыню.

Распределение воды и населенныхъ пунктовъ отъ Асхабада слѣдующее:

Аннау (13 верстъ отъ Асхабада, 200 кибитокъ) получаетъ воду изъ рѣки Кельтечинаръ, вытекающей изъ хребта Зыры-ку. Аннау принадлежитъ Россіи, да и Асхабадъ очень близокъ, и потому здѣсь недоразумѣній относительно воды не бываетъ.

Гауарсъ (20 верстъ отъ Аннау, 40 кибитокъ) и *Баба-Дурмазъ* (38 верстъ отъ Гауарса, жителей нѣтъ) имѣютъ отдѣльные рѣчьи также изъ хребта Зыры-ку, на всемъ протяжении протекающія въ русскихъ владѣніяхъ. Вода въ первомъ пунктѣ прѣсная и въ достаточномъ количествѣ, во второмъ—слабосолоноватая, но вполне годная для питья.

Артыкъ (16 верстъ отъ Баба-Дурмаза, 20 кибитокъ) получаетъ воду изъ рѣки Дурангара, снабжающей всю богатѣйшую Дерезгскую долину. За Артыкомъ Дурангаръ теряется въ небольшихъ развалинахъ.

Лютфабадъ и *Кюренъ* (пять верстъ отъ Артыка) и всѣ слѣдующія селенія, которая здѣсь весьма часты, до Кахка, питаются водою изъ развѣтлений рѣки Рудхана, или Рудбаръ, берущей начало въ хребтѣ Алла-Эмберъ. Это богатѣйшая изъ всѣхъ рѣкъ Атека; воды здѣсь изобиліе и мѣстность отъ Лютфабада до Кахка составляетъ собственно оазисъ. Здѣсь въ двѣнадцати пунктахъ, разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, до 500 кибитокъ; всѣ селенія окружены садами; посѣвы гораздо значительнѣе, нежели въ въ другихъ мѣстахъ.

Кахка (28 верстъ отъ Лютфабада, 650 кибитокъ), самое значительное поселеніе въ Атекѣ, получаетъ воду изъ рѣкъ Ланъ и Арчинъ-янъ, которая, снабдивъ водою, при проходѣ своемъ въ ущельяхъ Келата, небольшихъ персидскія поселенія, соединяются на равнинѣ въ одну рѣчку, проведенную въ Кахка. Во времена существованія Абиверда, большая часть воды рѣкъ Рудхана и Ланъ шла на снабженіе этого города; Арчинъ-янъ тогда доходила до укрѣпленія Караханъ, нынѣ разрушенное. Въ ущельи, выше развалинъ *Ходжамедъ* (17 верстъ отъ Кахка), въ поселеніи *Наурекъ* (около 20-ти кибитокъ) текинцы занимаются хлѣбопашествомъ; вода ручья, которымъ они пользуются, только весной доходитъ до дороги.

Душакъ или Чаардей (21 верста отъ Ходжамеда, 160 кибитокъ), на рѣкѣ Чаардей, проходящей черезъ весь Келатъ и снаб-

жающей всѣ его поселенія водою. Жители Душака менѣе всего зависятъ отъ персовъ, такъ какъ вся рѣка протекаетъ въ узкомъ ущельи, гдѣ увеличить посѣвы почти невозможно, да и отвести воду некуда.

Меана (44 версты отъ Душака, 130 домовъ) и *Чача* (16 верстъ, 70 домовъ) получаютъ воду изъ двухъ параллельныхъ рѣчекъ, вытекающихъ также изъ массива велатскихъ горъ. Оба поселенія терпятъ очень много отъ притѣсненій персовъ.

Затѣмъ, на 55 верстахъ до *Серахса* воды нѣтъ; посрединѣ, около развалинъ Робата-Абдула-ханъ былъ когда-то хоузъ (система для сбора дождевой воды); во времена текинскаго владычества робать разрушенъ, хоузъ не чистился и не поддерживался и въ настоящее время ровень съ краями занесенъ землею.

Итакъ, на всемъ протяжении отъ Баба-дурмаза до Серахса (не считая Лютфабада и Шильяна, населенныхъ персами), живетъ около 7000 туркменъ-алиели и текинцевъ (именно около 1400 кибитокъ, считая на кибитку въ среднемъ по пяти человѣкъ). Цифра эта измѣняется изо дня въ день, такъ какъ только въ Кюренѣ и Кахка можно считать населеніе постояннымъ, а въ другихъ пунктахъ, съ умноженіемъ края, оно увеличивается. Впрочемъ, значительнаго возрастанія ожидать нельзя, такъ какъ Атекъ не можетъ пропитать большаго населенія; хотя почва вездѣ плодородная, но имѣющееся въ распоряженіи весьма ограниченное количество воды скоро положитъ предѣлы дальнѣйшему переселенію меряповъ и текинцевъ въ Атекъ.

Небольшое населеніе Атека все занято земледѣіемъ и разведеніемъ бахчей (огородовъ). Воздѣляются предметы первой необходимости: пшеница, ячмень, клеверъ, только въ Чача встрѣчаются хлопчатъ; на бахчахъ въ изобиліи арбузы и дыни—главная пища текинцевъ лѣтомъ. Фруктовыя деревья и сады существуютъ только между Лютфабадомъ и Кахка; отъ Кахка до Серахса нѣтъ вовсе деревьевъ. Вообще, бѣдность очень большая. Пожитно, изъ Мерва выселяются не богачи, и переселенцы сильно бѣдствовали, особенно первый годъ. Привезли они съ собою только сѣмена для посѣвовъ, надѣясь остальное купить въ Келатѣ; персы брали громадныя цѣны, да еще притѣсняли всѣми способами явившихся за покупками текинцевъ. Весною въ Чача, Меана и Душакѣ нельзя было найти фуража для нѣсколькихъ лошадей. Прекрасный урожай 1882 года поправилъ положеніе края.

Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ о торговлѣ въ

Атеки не может быть и речи. У туркмен вообще потребностей весьма немного, да и, при бедности их, имь не на что покупать даже самое необходимое; базары въ Лютфабадѣ и Какха болѣе чѣмъ достаточны для удовлетворенія нуждъ всего Атека.

II.

Дороги изъ Серакса и Мерва въ Герать.

Изъ Серакса предстоятъ пути въ пять или шесть переходовъ по мѣстамъ, совершенно ненаселеннымъ. Необходимо было снарядиться основательно, и въ Серахсѣ я сдѣлалъ дневку. Немало измѣнился съ осени 1881 года видъ этого укрѣпленія: мервцы прекратили свои грабежи не только нашихъ владѣннй, но и въ сторону Хорасапа; спокойствіе полное; персы стали ѣздить въ Мешхедъ по муздеранской дорогѣ, безъ всякаго прикрытія, партіями въ два-три человѣка. Даже семидесятилѣтній комендантъ Серакса, персидскій полковникъ (сертибъ) Абасъ-рей-ханъ, нескѣтъ прежде показаться за стѣны своей крѣпости безъ копья въ 50 всадниковъ, теперь спокойно разъѣзжаетъ всюду съ десятью. Встрѣтилъ меня сертибъ уже какъ стараго знакомаго; пошелъ обхвѣтъ любезностей. Съ трудомъ уговорилъ я старика, чтобъ, по крайней мѣрѣ, алиелинцамъ было разрѣшено купить необходимые на дорогу припасы и фуражъ у жителей. Сертибъ непремѣнно хотѣлъ дать все даромъ; онъ настоялъ, чтобъ я для своихъ лошадей взялъ фуражъ изъ его складовъ и угощалъ меня и алиелинцовъ во все время нашего пребыванія у него въ гостяхъ.

Пока люди заботились о снаряженіи, я занимался разспросами о дальнѣйшемъ пути. Хотя проводникъ мой, мервецъ Ана-Гельды-сердаръ, много грабившій въ сѣверномъ Афганистанѣ и Хорасанѣ, хорошо зналъ всѣ дороги, да и между алиелинцами было нѣсколько человѣкъ, не впервые ѣздившихъ по Гери-рудъ, по на нихъ полагаться не слѣдовало. Одна мысль о путешествіи по странѣ между Гери-рудомъ и Мургабомъ приводила ихъ въ ужасъ: съ наглостью, съ которою глутъ текинцы всѣхъ племенъ, они старались меня увѣрить, что въ Серахсѣ нѣтъ переправы черезъ Гери-рудъ даже вливавъ, что далѣе нѣтъ никакой дороги; напротивъ, всѣ въ одинъ голосъ хвалили дорогу, идущую по западному персидскому берегу; привлекательную сторону этой дороги для алиелинцовъ составляла ея безопасность.

По текинцы глутъ неумѣло и настолько наивно, что человѣка, немного привыкшаго къ ихъ хитростямъ, никогда не обманутъ. Свѣдѣннй, собранныя мною изъ другихъ источниковъ, заставляли предполагать, что лучшіе пути изъ Серакса на югъ идутъ между Мургабомъ и Гери-рудомъ, а никакъ не по Персін. О существованіи брода у Серакса я узналъ еще ранѣе отъ купцовъ, ѣздившихъ изъ Мерва въ Асхабадъ, и потому утромъ, 28-го апрѣля, выступивъ изъ Серакса, я приказалъ проводнику, дающему мнѣ сертибомъ для указанія брода, переправиться на восточный берегъ Гери-руда.

Окрестности Серакса замѣтно оживляются. По обоимъ берегамъ Гери-руда, вокругъ укрѣпленій, располагаются поселенія мервцовъ, получающихъ отъ персидскаго правительства разрѣшеніе занимать землю и отводить для обработки полей воду изъ Гери-руда, взами́тъ уплаты серахскому коменданту подати въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части жатвы. Уже у Даулетъ-абада рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и разливается во многихъ мѣстахъ очень широко, вслѣдствіе чего во время низкой воды, начиная съ августа, а иногда и іюля, Гери-рудъ не доходитъ до Серакса. Въ 16-ти верстахъ выше его сдѣланы плотины, направляющія воду въ глубокіе каналы (арыки), которые проводятъ ее не только къ Сераксу, но и въ версты на 10—12 сѣвернѣе. У плотинъ берутъ начало три главные канала: одинъ на персидскомъ берегу, два другіе на восточномъ; всѣ три идутъ почти параллельно рѣкѣ. Каналь западнаго берега поддерживался всегда для снабженія Серакса и Кале-и-Нау водою; остальные два возобновлены только въ этомъ году мервцами, поселившимися около нихъ и у стараго Серакса. Каналы эти существовали еще въ тѣ времена, когда персидскаго укрѣпленія въ Серахсѣ не было, а жили тутъ мервцы: одинъ принадлежалъ племенн отамышъ, другой тохтмышъ. Каналы эти нынѣ доходятъ до стараго Серакса, а прежде шли еще далѣе на сѣверовостокъ до Нязъ-абада.

До взятія Геоктепе, персы не смѣли заявлять претензіи на земли по восточному берегу Гери-руда; да и на западномъ берегу не было поселеній далѣе 50-ти верстъ отъ Мешхеда. Теперь обстоятельства измѣнились и персы начинаютъ хозяйничать около Стараго Серакса, пользуясь тѣмъ, что салары, которымъ эти мѣста прежде принадлежали, не въ состояніи отстаивать свои права на нихъ. А мѣстность эта одна изъ лучшихъ по всему теченію Гери-руда отъ самаго Кусана, отъ котораго рѣка течетъ въ пологихъ и удобныхъ

для обработки берегах только до Пешь-робата. Далее Гери-рудъ входит въ ущелье между двумя кряжами высокихъ горъ; долины на которыхъ можно вывести ороительные арыки, очень рѣдки и весьма незначительнаго протяженія; только отъ Пуль-и-Хатупа на перисекомъ берегу и отъ Кассай-калы на восточномъ (16 верстъ на югъ отъ Серахса) возможны поселенія въ большихъ размѣрахъ.

Гери-рудъ отъ Кусана до Пуль-и-Хатупа течетъ, болѣею частью, однимъ рукавомъ, шириною отъ 15-ти до 20-ти сажень. Высота воды бываетъ отъ начала января до конца марта; въ это время броды рѣки вслѣдствіе быстроты теченія очень опасны, но уже въ апрѣлѣ можно переправляться во многихъ мѣстахъ, при глубинѣ не болѣе четырехъ футовъ. Къ лѣту вода въ рѣкѣ быстро уменьшается и въ июлѣ и юлѣ переправы возможны вездѣ, гдѣ крутизна береговъ не составляетъ препятствія. Въ сентябрѣ же, на переправѣ изъ Кусана въ Кифиръ-калу, при глубинѣ воды около трехъ футовъ, Мак-Грегоръ не замѣтилъ почти никакого теченія.

По всей долинѣ рѣки склоны горъ поросли, болѣею частью, фиштакковыми деревьями; кой-гдѣ встрѣчались тутовныя; въ самомъ разливѣ почти исключительно ивыякъ, кустарникъ и камыши, настолько густые, что во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ настолько невозможно подѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ. Кормъ для лошадей вездѣ въ изобиліи и хорошаго качества. Вода въ Гери-рудѣ хотя мутная, но вкусная и здоровая.

Въ Серахсѣ утверждаютъ, что въ прежнее время воды въ Гери-рудѣ было болѣе; вѣрить этому нѣтъ оснований. Борись, проѣзжавшій черезъ Серахсъ въ сентябрѣ 1832 года, замѣтилъ русло Гери-руда совершенно сухимъ и настолько незначительнымъ, что прикладъ его за русло особой рѣчки Тедженъ, будто бы берущей начало въ соседнихъ холмахъ и отрицающъ связь ея съ гератскою рѣкою.

Продолженіе Гери-руда на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Серахса извѣстно подъ именемъ Теджена; теченіе въ этой части рѣки бываетъ только во время половодія: тогда вода здѣсь очень глубока и во многихъ мѣстахъ переправа вовсе невозможна. О'Доновалъ, въ февралѣ, переправился немного сѣвернѣ Кангалы-Гузари въплывъ. Пропорщикъ Алихановъ и хорунжій Соколовъ, отправившіеся, въ въ началѣ 1882 года, съ караваномъ купца Кошпина въ Мервъ, переправлялись черезъ Тедженъ у плотины Кары-бенте; въ срединѣ февраля Тедженъ здѣсь имѣлъ ширину около 12-ти сажень и глубину 3 1/2 футовъ. Часто вода бываетъ здѣсь гораздо

глубже, и тогда переправа въ теченіи одного или полудтора мѣсяцевъ для каравановъ возможна только у Аламанъ-Джунгула, куда Тедженъ не доходитъ, а доходить отдѣльные, выведенные изъ него каналы. Разливы рѣки и затопленіе этой мѣстности бываютъ только въ случаѣ прорыва плотины, построенной нѣскольکو выше Герата для орошенія афганской части долины Гери-руда.

Лѣтомъ теченіе въ Тедженѣ прекращается; мѣстами онъ вовсе пересыхаетъ, а болѣею частью состоитъ изъ длинныхъ озеръ, питаемыхъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, ключами, а можетъ быть, и подземнымъ продолженіемъ рѣчекъ Чача, Меана и Душакъ, исчезающихъ въ болотахъ въ 15—20-ти верстахъ отъ Теджена. Такое мнѣніе основано на томъ, что вода въ этихъ озерахъ прохладная и не пересыхаетъ въ теченіи самаго жаркаго лѣта, что едва ли могло бы быть, еслибы эти озера были только скопленіемъ весенней воды въ глубочайшихъ впадинахъ русла Теджена.

Поселенія текинцевъ, кочующихъ на Тедженѣ, сосредоточены сѣвернѣ Кары-бента, по направленію къ Аламанъ-Джунгулу; остальные названія, встрѣчаемыя на картахъ, обозначаютъ переправы; жителей же близъ нихъ нѣтъ.

Мѣстность между Мургабомъ и Гери-рудомъ, до нынѣшняго времени, была совершенно неизвѣстна. По Мургабу, южнѣ Мерва, идутъ поселенія сарыковъ: Юлатанъ, Пенде и Бала-Мургабъ; еще далѣе на югъ, на склонахъ Парамизъ живутъ джемшиды и теимуръ. На западъ отъ Мургаба до Гери-руда нѣтъ ни одного населеннаго пункта; всѣ укрѣпленія до Кушки въ развалинахъ, и брошены жителями. Дорога изъ Мерва въ Гератъ, идущая вдоль этой рѣки, описана проѣзжавшими по ней въ 1840 и 1841 годахъ англійскими путешественниками Шекспиромъ и Абботомъ. Относительно же мѣстностей между Кушкой и Гери-рудомъ свѣдѣній не имѣлось: туда не заѣзжалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, да и изъ жителей окрестныхъ странъ дороги въ ней извѣстны только сердарамъ, предводителямъ разбоевъ. Сарыки Юлатана пожелавъ не вели открытой борьбы съ слишкомъ близкими своими соседями текинцами Мерва; напротивъ, сарыки-Пенде и Мургаба постоянно грабили мервцовъ. Мервцы имъ платили тѣмъ же; отношенія обоихъ племенъ къ джемшидамъ и теимурамъ ничѣмъ не отличались отъ отношеній ихъ между собою. Но главное и постоянное занятіе какъ мервцовъ, такъ и сарыковъ составляли грабежи селеній сѣвернаго Афганистана и Хорасана. Куда бы ни былъ направленъ разбой, путь шайки всегда пролегалъ до описываемой

мѣстности, и потому селиться здѣсь никто не смѣлъ и существовавшая прежде по Кунъшъ и Гери-рудъ укрѣпленія, такъ же какъ и роботы по дорогамъ, всѣ брошены; ни караваны, ни путешественники никогда не рисковали бы показаться сюда изъ страха встрѣтить или сарыковъ, или мервцовъ на пути въ Афганистанъ или Персію. Въ настоящее время грабежи мервцовъ—дѣло только отхлѣбныхъ воровскихъ шаекъ, и сарыки единственное племя, которое еще грабить открыто. Сопровождавшіе меня аліелинцы чрезвычайно боялись встрѣчи какой-нибудь большой партіи: они имѣли счеты и съ мервцами, и съ сарыками. Ана-Гельди-сердаръ, проводникъ изъ Мерва, въ разное время получилъ три нашенныя раны отъ сарыковъ, и сознавался, что получилъ недаромъ; всѣ откровенно говорили, что вся надежда ихъ на то, что въ настоящее время русскаго никто не осмѣлится тронуть.

Какъ отнеслись бы къ намъ сарыки, не представилось случая выяснить—мы не встрѣтили ни одной партіи ихъ. Встрѣчи же съ мервцами и афганцами вполне подтвердили мнѣніе аліелинцевъ. Первый случай, въ 15-ти верстахъ отъ Серакса, едва не кончился перестрѣлкой только въслѣдствіе недоразумѣній. Я отхлѣбалъ въ сторону; въ это время показались люди, какъ потомъ оказалось, мервцы изъ-подъ Серакса, вышедшіе на работу для починки канала; аліелинцы потерялись, начали скакать, отыскивая меня; мервцы приняли насъ за партію сарыковъ и приготовились къ защитѣ; наконецъ проводникъ Ана-Гельди-сердаръ рискнулъ выхлѣать и объяснитьсѣ, и дѣло обошлось счастливо. Чтобы избѣгнуть подобныхъ случаевъ, я приказалъ при встрѣчѣхъ съ людьми всѣмъ останавливаться и выхлѣать съ переводчикомъ впередъ; мервцы, обыкновенно, завидѣвъ насъ, сейчасъ спрыгивали съ лошадей и прятались въ ближайшій оврагъ для защиты. Видъ челоука въ неизвѣстномъ костюмѣ, подъѣзжавшаго къ засадѣ безъ прикрытія, успокоивалъ спрятавшихся, а когда они узнавали, что я русскій, то заглаживалъ разговоръ и аліелинцамъ давался сигналъ подъѣхать; пронеходилъ обмѣнъ привѣтствій, курение кальяна и мы разхлѣзались самымъ дружелюбнымъ образомъ. Афганцевъ мы встрѣтили только вблизи Кусана; они гораздо храбрѣе мервцовъ; они не прятались при встрѣчѣхъ, а, увидѣвъ выхлѣавшихъ къ нимъ двухъ челоуковъ, высылали двухъ-трехъ изъ своей среды для объясненій. Текинцы считаютъ, что афганцы очень храбры, и только при большомъ численномъ превосходствѣ рѣшаются нападать на нихъ, когда они вооружены. Набѣги на Афганистанъ дѣлаются всегда очень боль-

лыми партіями и, главнымъ образомъ, стараются нападать на отхлѣбныхъ невооруженныхъ людей.

Дорога изъ Серакса въ Кусанъ (218 верстъ) пройдена была въ пять переходовъ.

Изъ *Серакса* дорога сначала идетъ на юго-востокъ и, не доходя одной версты до укрѣпленія Старый Серахсъ, поворачиваетъ прямо на югъ. Въ полуверстѣ отъ персидскаго укрѣпленія мы переправились черезъ Гери-рудъ въ бродъ, который здѣсь очень удобенъ; рѣка протекаетъ четырьмя рукавами, только въ одномъ изъ нихъ глубина воды по брюхо лошади, въ остальныхъ менше; берега пологіе, грунтъ плотный гравелистый—пѣтъ ни ямъ, ни карчей ни камней. При нашемъ проѣздѣ вода уже немного спала; случается, что и у Серакса пѣтъ брода, но это никогда не длится болѣе нѣсколькихъ дней. Прямо противъ брода мервскіе текинцы, съ согласія персидскаго правительства, строятъ на восточномъ берегу укрѣпленіе¹⁾; на три версты отъ него дорога проходитъ черезъ арыки и поля новыхъ поселенцевъ. До развалинъ Деу-кала дорога идетъ вдоль выведенныхъ изъ-подъ Даулетъ-абада большихъ каналовъ, о которыхъ было писано выше. Мѣстность все время совершенно ровная, грунтъ песчаноглинистый; песковъ, означенныхъ на картахъ, нѣтъ нигдѣ.

Деу-кала (14 верстъ отъ Серакса)—развалины небольшого укрѣпленія; здѣсь дорога оставляетъ каналъ вправо и, пройдши до Кассанъ-кала около пяти верстъ равниною, далѣе идетъ по холмистой мѣстности до персидскаго укрѣпленія *Наурузъ-абадъ* (на западномъ берегу). На этомъ протяженіи Гери-рудъ подходитъ вплотную къ невысокимъ обрывамъ восточнаго берега и оттѣняетъ дорогу на возвышенности, впрочемъ, всюду незначительная, съ пологими спусками и подъемами; грунтъ глинистый; колесное движеніе здѣсь не потребовало бы никакой раздѣлки дороги. Противъ Наурузъ-абада персидскаго, дорога снова сходитъ къ рѣкѣ на низменность и въ четырехъ верстахъ опять проходитъ мимо развалинъ Наурузъ-абада текинскаго (21½ верста отъ Деу-кала). Оба эти пункта брошены жителями въслѣдствіе нападеній текинцевъ и сарыковъ. Еще около десяти верстъ на югъ, почти до бугра Шаръ-тепе, дорога идетъ вдоль Гери-рудъ, затѣмъ уклоняется на юго-востокъ, оставляя рѣку вправо, и болѣе не подходитъ къ ней до самаго Кусана. Отъ поворота до развалинъ ро-

¹⁾ По имени стариннаго укрѣпленія называется Попитъ-Пелуанъ-кала.

бата у входа на перевалъ черезъ горы Борхутъ (около 50-ти верстъ отъ Кусана) общій характеръ дороги почти одинаковъ: частью она идетъ по ровной мѣстности, частью по холмистой, причемъ возвышенности нигдѣ не достигаютъ значительныхъ размѣровъ; грунтъ, за рѣдкими исключениями, песчаноглинистый. Круглые подъемы и спуски рѣдки, несмотря на то, что въ настоящее время существуетъ только выучная дорога, которая часто, для избѣжанія самаго небольшого объѣзда, выбирается на холмы и спускается въ овраги. Колесное движеніе измѣнило бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ направленіе дороги, а въ другихъ — потребовала бы раздѣлки ея, по вѣздѣ въ мягкомъ грунтѣ и съ небольшими работами. На всемъ этомъ пространствѣ во многихъ мѣстахъ имѣется хорошій кормъ для лошадей. По склонамъ горъ довольно часто встрѣчаются отдѣльно стоящія фисташковыя деревья.

Въ 29-ти верстахъ отъ Наурузъ-абада, на полуверстѣ дорога идетъ вдоль засореннаго кѣрза ¹⁾; въ нѣкоторыхъ колодцахъ еще имѣется вода. По словамъ проводниковъ, горьковатый вкусъ она только отчасти зависитъ отъ того, что колодцы давно не чищены и вода въ нихъ застоилась; даже въ то время, когда кѣрызъ содержался въ порядкѣ, вода была не вполне прѣсная, хотя годная для питья. Присутствіе солей въ породахъ окружающихъ горъ подтверждается еще тѣмъ, что на небольшомъ разстояніи отъ дороги (на западъ у подножія горъ, которые тянутся вдоль Гери-руды) видны два значительныхъ размѣровъ солончака, покрытыхъ палетомъ, по словамъ текинцевъ, горьковатой соли, очевидно, выносимой дождями изъ окружающихъ горъ.

Колодцы *Адамъ-Елэнъ* (41 верста отъ Наурузъ-абада), числомъ два, лежатъ въ эллиптической впадинѣ между холмовъ; при напѣмъ проходѣ вода была совершенно прѣсная, несмотря на то, что колодцы давно не чищены. Впрочемъ, и тутъ мерзцы передавали, что въ очень жаркое время вода имѣетъ слабосоленоватый вкусъ; надо думать, что вѣрнѣе не солоноватый, а горьковатый отъ застою воды. Колодцы — глубиною около 1 1/2 сажень до воды и двѣ сажени до дна; по словамъ проводниковъ, вода не выбирается вовсе. Прежде число колодцевъ было болѣе, но въ настоящее время, всѣ, кромѣ двухъ, засыпаны. Кругомъ кормъ для лошадей прекрасный.

Агаръ-чимше (12 1/2 верстъ отъ Адамъ-Елэна) родникъ съ прекрасною прѣсною водою; въ полуверстѣ вверхъ по долинѣ второй родникъ, въ настоящее время засоренный. Кругомъ по всѣмъ долинамъ въ большомъ изобиліи кормъ для лошадей.

Развалины робата *Кунгрюзли* (8 1/2 верстъ отъ Агаръ-чимше); колодцы здѣсь дадутъ на глубинѣ 2 1/2 сажень много воды, но слабосоленоватой, притомъ, при хорошемъ содержаніи колодцевъ, очевидно, годной для питья, такъ какъ около нихъ былъ расположенъ большой робатъ, отъ котораго въ настоящее время остались только развалины. Изъ Кунгрюзли къ Афганистану ведутъ двѣ дороги: одна на Кизиль-булакъ и Хомбоу, по которой мы пошли, а другая на Акъ-робатъ, разспросная свѣдѣнія о которой будутъ помѣщены ниже. Дорога изъ Кунгрюзли до Кизиль-булака идетъ почти все время по ровному мѣсту.

Кизиль-булакъ (39 1/2 верстъ отъ Кунгрюзли) богатый родникъ съ прѣсною водою, лежитъ въ 200 саженахъ въ сторонѣ отъ дороги, въ ущельи, ведущемъ къ Гери-руду; стороны ущелья изъ краснаго песчаника; вѣроятно, отъ него и получили свое названіе родникъ. На 20-й верстѣ дорога пересѣкаетъ ручей Шоръ-аба, съ водою настолько солоноватой, что не всѣ лошади ее пьютъ; берегомъ этого ручья дорога идетъ пять верстъ по ровному мѣсту до развалинъ робата, у котораго входить въ ущелье горъ Борхутъ; здѣсь на самомъ берегу Шоръ-аба есть небольшой прѣсный родникъ.

Подъемъ на перевалъ черезъ Борхутъ не представляетъ затрудненій; даже по нынѣшнему направленію при небольшой раздѣлкѣ возможно колесное движеніе; конечно, для большой колесной дороги пришлось бы нѣкоторые подъемы развить по боковымъ оврагамъ, но это не потребовало бы значительныхъ работъ. Горы состоятъ изъ песчаника, дорога идетъ по ущелью рѣки Шоръ-аба, поросшему густымъ камышомъ; начинается ручей почти у вершины перевала изъ болота, шириною мѣстами до 200 сажень. Высота перевала 3.100 футовъ надъ поверхностью моря и около 900 надъ окружающею мѣстностью. Спускъ въ сторону Кусана положе и удобнѣе подъема и годенъ даже въ настоящее время для движенія телегъ. Около середины спуска, гдѣ онъ переходитъ въ совсѣмъ пологую дорогу, лежитъ прѣсный родникъ *Хомбоу* (36 верстъ отъ Кизиль-Булака), а въ двухъ верстахъ далѣе въ концѣ ручья, вытекающаго изъ родника, находятся развалины робата Абдула-ханъ. Отъ Хомбоу пологій спускъ продолжается еще шесть верстъ, потомъ дорога раздѣляется: одна идетъ въ Пешъ-

¹⁾ Кѣрызъ — рядъ колодцевъ, которые дѣлаются на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга и соединяются между собою подземнымъ ходомъ; они служатъ для собиранія воды и проведенія ея на поля для орошенія.

робать на западномъ берегу Гери-руда, другая въ Кусанъ; обѣ по совершенно ровной мѣстности.

Кусанъ (45½ верстъ отъ Хомбоу) первое афганское поселеніе на берегу Гери-руда по пути изъ Мешхеда въ Афганистанъ. Далѣе отъ Кусана къ Герату дорога описана многими путешественниками, какъ русскими, такъ и англійскими; она идетъ сѣвернымъ берегомъ Гери-руда и по совершенно ровной мѣстности.

Изъ сравненія съ другими пройденными мною дорогами и по вѣзмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, пути въ мѣстности между Мургабомъ и Гери-рудомъ лучше между Серахсомъ и Кусаномъ, а слѣдовательно, между Асхабадомъ и Гератомъ. Дороги къ Герату отъ Каспійскаго моря черезъ Мешхедъ, проходя, большею частью, по населеннымъ, хорошо воздѣланнымъ и богатымъ водою мѣстамъ, представляютъ значительныя удобства для большого движенія. Недостатокъ этихъ дорогъ — необходимость пересѣчь нѣсколько горныхъ хребтовъ; устройство удобнаго колеснаго пути черезъ нихъ, а тѣмъ болѣе проложеніе желѣзной дороги потребуетъ немалыя значительныхъ работъ. Еще въ худшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находятся дороги изъ Асхабада въ Гератъ черезъ Мешхедъ: чтобы попасть изъ Ахала и Атека въ Хорасанъ, надобно перейти хребты Даманъ-и-Ку. Гермабскій перевалъ въ Геоктепе въ Буждурдъ считается самымъ удобнымъ, но и онъ для устройства желѣзной дороги представилъ бы громадныя затрудненія, которыя едва ли окупились бы преимуществами движенія по Хорасану, вмѣсто Атека. Еслибъ потребовалась скорая постройка желѣзной дороги, то о другихъ направленіяхъ, какъ черезъ Серахсъ, не могло бы быть и рѣчи.

Дороги изъ Серахса въ Гератъ по персидскому берегу будутъ описаны ниже; онѣ богаты водою, но перевалы черезъ пересѣкаемые здѣсь горы потребовали бы несравненно болѣе работъ, чѣмъ по дорогѣ черезъ Хомбоу. Вся длина этого послѣдняго пути отъ Асхабада до Герата 585 верстъ. Устройство желѣзной дороги на этомъ протяженіи не требовало бы никакихъ работъ на первыхъ 300 верстахъ и на послѣднихъ 135-ти; участокъ около 150-ти верстъ посрединѣ почти весь находился бы въ тѣхъ же условіяхъ, какъ большинство нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ частью по ровной, частью по холмистой мѣстности. Перевалъ принадлежитъ къ числу легкихъ; работъ, конечно, будутъ; еслибъ потребовалась быстрая постройка, то, при допущеніи крутыхъ уклоновъ, принятыхъ въ этихъ случаяхъ, перевалъ не за-

держалъ бы остальной части линіи, что безусловно невозможно по вѣзмъ остальнымъ направленіямъ.

Дорога черезъ Хомбоу вполнѣ удобна для колеснаго движенія; но, кромя нея, есть еще нѣсколько дорогъ, также идущихъ по мѣстности между Гери-рудомъ и Мургабомъ съ сѣвера на югъ и соединенныхъ между собою поперечными путями. О нихъ при проѣздѣ собраны разспросныя свѣдѣнія. Наиболѣе интереса, какъ колесный путь изъ Мерва въ Гератъ, представляетъ дорога, отдѣляющаяся отъ пройденной мною у развалинъ робата Кунгрюли; отсюда она идетъ въ Акъ-робатъ, мѣстности, чрезвычайно обильную прѣсною водою, получаемою на глубинѣ не болѣе одной сажени изъ колодезевъ, которые могутъ быть выкопаны въ любомъ мѣстѣ на очень значительной площади. Затѣмъ дорога проходитъ черезъ Гюрленъ и Чипме-и-себъ — два обильные прѣсные ручья; перевалъ Каруанъ-ашанъ черезъ Борхутъ вблизи Чипме-и-себъ, суди по описаніямъ, не хуже, какъ у Хомбоу. За переваломъ одна дорога идетъ въ Кусанъ по совершенно ровной мѣстности, а другая въ Шекиванъ черезъ невысокія линіи холмовъ. Дорога изъ Мерва въ Акъ-робатъ идетъ сначала вдоль рѣки Мургаба, затѣмъ рѣки Кушка до Джеппенейда ⁴⁾, гдѣ сворачиваетъ и проходитъ мимо родника Ислимъ-чипме въ Акъ-робатъ. Этимъ путемъ совершенно избѣгаются Паронамизскія горы у истоковъ Кушка, перевалъ черезъ которыя заставилъ признавать дорогу изъ Мерва въ Гератъ недоступною для большого колеснаго движенія. Вся длина дороги изъ Мерва въ Гератъ по этому направленію около 380 верстъ.

III.

Четыре дня въ Афганистанѣ.

При составленіи плана путешествія, я не предполагалъ попасть въ Афганистанъ, но судьба рѣшила иначе. Изъ Хомбоу прямая дорога въ Персію идетъ на развалины Пешт-робата; вблизи этого мѣста есть два или три брода, которые въ концѣ апрѣля не представили-бы никакихъ затрудненій для переправы, еслибъ нашлись

⁴⁾ Эта часть дороги описана Шекспиромъ и Абботомъ, какъ удобная для движенія; она обильна водою, проходитъ все время вдоль рѣки, и богата кормомъ для лошадей.

проводникъ; но никто изъ нашихъ людей не зналъ этого пути, и потому оставалось только идти въ Кусанъ, взять тамъ проводниковъ и пробхать въ Персію по большой дорогѣ изъ Герата въ Мешехъ.

Къ Кусану мы подъѣхали въ девять часовъ утра. Оставивъ аліеинцовъ, ѣхавшихъ шагомъ, верстахъ въ четырехъ отъ укрѣпленія, я съ двумя переводчиками ¹⁾ пробхалъ впередъ.

Много еще развалинъ въ Кусанѣ, но послѣдствія умиротворенія Средней Азіи послѣ паденія Ахала видны и здѣсь: разрушенныя зданія возобновляются; много полей обрабатывается не только у самой крѣпости, но и на значительномъ разстояніи отъ нея. Когда мы приблизились, караулъ у воротъ встрѣтилъ насъ безъ непріязни, но съ величайшимъ недоумѣніемъ; особенно удивляла дорога, по которой мы прѣхали — для афганцевъ она и въ настоящее время недоступна.

Послали предупредить начальника крѣпости Ата-Мамедъ-хада. Я остался разговаривать съ солдатами. Одинъ изъ нихъ подомель поздороваться по-русски: онъ былъ проданъ тейнцами въ Хиву и освобожденъ въ 1873 году, нѣкоторое время находился въ услуженіи у русскихъ и потомъ вернулся къ себѣ на родину.

Ханъ вышелъ къ воротамъ крѣпости и просилъ въ свое почтѣніе. Пройдя нѣсколько узкихъ улицъ между полей и садовъ, мы вошли въ двухэтажное зданіе среди прекраснаго сада съ бассейномъ. Воды, проведенной армяками изъ Гери-руда, вездѣ изобилие и потому растительность богатѣйшая. Ханъ очень любезно пригласилъ закусить и началъ хвастать передъ своею свитою, что въ Кабулѣ онъ видѣлъ много френги и знаетъ ихъ привычки; по этому случаю онъ отдалъ приказаніе, когда будутъ жарить курицу, не крошить ее на малые куски, какъ это дѣлается въ Афганистанѣ, а разрѣзывать только на половини, какъ всегда дѣлаютъ френги. Когда подали чай, въ комнату набралось человѣкъ двадцать, которые, вѣстѣ съ ханомъ, стали обсуждать, что можетъ обозначать мой пріѣздъ: европеецъ, и особенно русскій, нападаетъ въ Кусанъ

разъ въ нѣсколько лѣтъ; а тутъ еще дорога, по которой я прѣхалъ, казалась такою необычайною. Люди осторожные говорили, что правитель Герата, Кундузъ-ханъ, можетъ быть недовольнымъ, если его не извѣстятъ о моемъ пріѣздѣ; другіе, напротивъ, утверждали, что, задержавъ русскаго, ханъ навлечетъ на себя непріязни. Ханъ долго колебался, не зная, какъ поступить; наконецъ, первое мнѣніе взяло верхъ, и Ата-Мамедъ сталъ меня упрощать: потогостить у него день или два, пока онъ напишетъ письмо и получить отвѣтъ изъ Герата. Я былъ вовсе не прочъ посвятить день или два Гератской долины, но, конечно, не съ тѣмъ, чтобы сидѣть все время въ Кусанѣ; поэтому, я объявилъ хану, что если для переправы изъ Кусана въ Кафиръ-калу необходимо разрѣшеніе изъ Герата, то ждать его я поѣду въ Горіанъ. Ата-Мамедъ очень обрадовался событію меня своему начальнику, горіанскому хану, и, такимъ образомъ, отклонить отъ себя неудовольствіе Кундузъ-хана, елибъ онъ не одобрилъ затрудненій, которыя мнѣ дѣлались. Проводить меня въ Горіанъ были назначены помощникъ хана (наибъ) и три всадника.

Когда я вышелъ съ Ата-Мамедъ-ханомъ изъ воротъ, то нашелъ аліеинцевъ, все время остававшихся внѣ укрѣпленія, чрезвычайно смущенными и растерянными: я провелъ въ укрѣпленіи болѣе двухъ часовъ, и аліеинцы страшно боялись, чтобы со мною что-нибудь не случилось, такъ какъ участь ихъ послѣ этого не подлежала бы сомнѣнію. Страхъ ихъ еще увеличился, когда я приказалъ садиться на коней и ѣхать въ Горіанъ. То, что насъ сопровождало только четыре человека, нисколько не успокоило аліеинцовъ, а лишь внушило имъ чисто текинскую мысль: они стали черезъ переводчика просить разрѣшенія убить въ удобный моментъ афганцевъ и ѣхать. „Лучше попробовать счастье, чѣмъ отдаваться живыми въ руки, говорили они: — граница недалеко, нагнать не успѣютъ, а преслѣдовать далеко за свою границу не посмѣютъ“. Я запретилъ переводчику передавать мнѣ такіа глупости. Всѣ старанія мои убѣдить аліеинцевъ, что мы находимся въ организованной странѣ, а не между ворами, какъ шли до сихъ поръ, и что бояться нечего, — были напрасны: совершенно заслуженными чувства ненависти и отвращенія, которыя разбойничьи туркменскія племена внушаютъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ, были хорошо извѣстны аліеинцамъ; въ Афганистанѣ и Персіи пощады они могутъ ждать гораздо менѣе, нежели отъ сарыковъ. Даже въра въ мою неприкосновенность, какъ русскаго, колебалась; но все-же это

¹⁾ Въ Хорасанѣ и Афганистанѣ всѣ говорятъ по персидски и почти никто не понимаетъ татарскихъ нарѣчій, на которыхъ можно объясняться въ западной Персіи и съ туркменами. Переводчикъ же съ русскаго языка на персидскій въ Ахсабадъ — большая рѣдкость; поэтому, приходилось разговаривать при помощи двухъ человекъ: одинъ переводить съ русскаго на тюркскій языкъ, другой — съ тюркскаго на персидскій. Нечего и говорить, что этотъ способъ крайне утомителенъ и въ высшей степени затрудняетъ разговоры.

была послѣдняя надежда на спасеніе и аліединцы гнали своихъ измученныхъ лошадей, стараясь какъ можно менѣе отъ меня отставать.

Дорога изъ Кусана въ Горіанъ отдѣляется отъ дороги въ Гератъ вблизи укрѣпленія, идетъ вдоль оросительныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Гери-руда, и на 12-й верстѣ проходить черезъ мостъ въ Тирпулъ. Мостъ этотъ, построенный Яр-Мамедъ-ханомъ, выстроенъ съ выѣздами, длиною 40 сажень (120 шаговъ). Рѣка у Тирпула течетъ однимъ рукавомъ по довольно широкой долинѣ; въ самыя высокія воды не бывало случая, чтобы вода обходила мостъ. Кладка устоевъ и арокъ кирпичная; только ледорѣзы облицованы твердымъ камнемъ, такъ какъ въ суровыя зимы ледъ настолько толстъ, что можетъ выдерживать всадника и ледоходы бывають весьма значительныя. Въ высокую воду дорога изъ Герата въ Мешхедъ также идетъ не черезъ Кусанъ, а черезъ Тирпулъ и далѣе вдоль берега въ Кяфиръ-калу. Изъ Тирпула есть дорога въ Хафъ; надобно перевалить горы у самого моста. Гери-рудъ подходитъ весьма близко къ возвышенностямъ южнаго берега и дорога какъ въ Кяфиръ-калу, такъ и въ Горіану лѣнится въ видѣ узкихъ тропинокъ, иногда по довольно крупнымъ косяграмъ. Вслѣдствіе этого, въ низкую воду черезъ мостъ обыкновенно не ѣздятъ, а предпочитаютъ переходить рѣку въ бродъ и двигаются по ровнымъ дорогамъ. Въ десяти верстахъ отъ Тирпула, долина Гери-руда расширяется, по берегу тянутся богатѣйшіе луга, на которыхъ пасутся большіе табуны лошадей, по увѣренію афганцевъ, болѣе 40.000 головъ. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Гератской провинціи въ Персію; лошади малорослыя, простыя породы (абу), но крѣпкія и выносливыя. Сверхъ того, у жителей имѣется въ значительномъ количествѣ и другой скотъ.

Отъ Горіана до Герата одинъ переходъ (45 верстъ). Долина еще расширяется и все также плодородна. Нѣсколько выше Герата, на Гери-рудѣ устроена плотина, которая направляетъ воду въ каналы, разводящіе ее по этой долинѣ, безспорно богатѣйшей во всей Средней Азіи на югъ отъ Амударьи. Въ настоящее время главные продукты: асафетида, шафранъ, фишанцовый орѣхъ, всякіе фрукты, виноградъ прекрасныхъ сортовъ, хлѣбъ, ячмень и клеверъ. Шелководичныя червь разводится въ довольно значительномъ количествѣ. Но лѣса и даже кустарники существуютъ лишь мѣстами въ разнѣхъ Гери-руда; склоны горъ совершенно обнажены; всякое селеніе имѣетъ богатые фруктовые сады, топливомъ же служитъ только колючка, привозимая изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ.

По дорогѣ встрѣчались лишь кочевья пастуховъ; селенія всѣ въ развалинахъ и брошены жителями, вслѣдствіе набѣговъ туркменъ. Намъ показывали деревни, ограбленныя въ ноябрѣ прошлаго года мервацами. Я въ то время производилъ изысканія линіи желѣзной дороги между Асхабадомъ и Серахсомъ; слухъ, что 3.000 всадниковъ вышли изъ Мерва и направились неизвѣстно куда, произвелъ панику во всемъ Атегѣ; мервацы же разными дорогами кинулись на югъ, ограбили всѣ деревни между поселеніями Шебешъ и Шекиванъ. Нападеніе было произведено такъ быстро, что разбойниковъ не успѣли преслѣдовать и они ушли, угнавъ много скота и захвативъ плѣнныхъ. Это былъ послѣдній аламантъ мервцовъ. Съ тѣхъ поръ изрѣдка являются сарани, но и то небольшими парціями.

Въ Горіанѣ я провелъ два дня. Ханъ горіанскій всѣми силами старался мнѣ угодить; я же все время выражалъ неудовольствіе на то, что меня задерживаютъ изъ-за формальностей, изъ-за какого-то разрѣшенія даже не путешествовать по Афганистану, а переправиться черезъ рѣку, недалеко отъ афганскаго укрѣпленія. Я подсиживался, спрашивалъ, какъ въ Самаркандѣ поступаютъ съ афганскими купцами: посылаютъ-ли также изъ-за каждаго человека спрашивать разрѣшенія Ярмъ-падишаха ¹⁾? Рассказы, какъ русскіе путешествуютъ безпрепятственно всюду по Персіи и персы по Россіи, особенно не нравились афганцамъ. Ханъ старался объяснить необходимость существующихъ у нихъ порядковъ. „Россія—государство большое, говорилъ онъ; бояться ей некого, а намъ и одинъ человекъ можетъ сдѣлать вредъ; оттого и законъ у насъ такой, что высшія власти должны знать, когда кто прѣзжаетъ. А тутъ еще судоба привела на нашу землю человека изъ такого большаго государства, какъ Россія; мы должны его принять, угостить и проводить, какъ подобаетъ. Развѣ мы не люди,—приваляемъ обремененнымъ тономъ ханъ,—что у насъ нелзя погостить; чтѣ же мы вамъ сдѣлали, что вы хотите пробѣжать мимо нашего дома, не останавливаясь отдохнуть. Вы не плѣнный у насъ, а гость; вся земля ваша, требуйте, чего хотите“. Ханъ запретилъ намъ продавать что-нибудь, велѣлъ вернуть деньги, которые я далъ по дорогѣ одному афганцу за хлѣбъ для людей и все время нашего пребыванія присылать все необходимое для меня и для

¹⁾ Ярмъ-падишахъ значитъ полуцарь; подъ этимъ именемъ извѣстенъ во всей средней Азіи генералъ-губернаторъ Туркестана.

алишипцев. Для меня поставили огромную палатку и поминутно являлся кто-нибудь, спрашивая, не нужно ли мне чего-нибудь.

Къ вечеру этого дня прибылъ изъ Герата съ большою свитой Низаметдинъ-ханъ, помощникъ и главный совѣтникъ гератскаго правителя Сердаръ-Куддусъ-хана. Низаметдинъ-ханъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Ахундъ-Заде (сынъ какого-то афганскаго ученаго), считается въ Гератѣ очень умнымъ и хитрымъ человекомъ и былъ посланъ вычитать у меня, съ какимъ порученіемъ я ѣду. Онъ привезъ подарки: конфеты, чай и сахаръ. Разговоръ начался, какъ всегда, о здоровьи, о благополучіи дома и имуществе; всё-ли я доволенъ въ Афганистанѣ? Я поблагодарилъ за гостепріимство и выразилъ сожалѣніе, что побеспокоилъ такого человека, у котораго должно быть и безъ того много дѣла по управленію страной. „Что за безпокойство — говорилъ Ахундъ-Заде — гость изъ такого великаго государства есть дорогой гость; вся страна ваша; прикажете, всё готово вамъ служить“.

Наконецъ, обмѣнъ любезностей кончился; ханъ сказалъ, что имѣетъ переговорить со мною наединѣ. Онъ удалилъ свою свиту, а своихъ людей и тутъ почалась дипломатическая часть порученія Ахундъ-Заде: правитель Герата прислалъ его узнать, не желаю-ли я чего? можетъ быть, мнѣ дано какое нибудь порученіе въ Афганистанъ; всё такъ рады будутъ мнѣ служить; много людей изъ Афганистана ѣздятъ въ Самаркандъ и имъ всегда оказываютъ хорошій приемъ, а афганцамъ такъ рѣдко случается принять русскаго. Мнѣ жаль было, что вся хитрость и мудрость Ахундъ-Заде пропадаютъ даромъ и я поспѣшилъ ему отвѣтить: „Выѣзжая изъ Ахсабада, я и не думалъ быть въ Афганистанѣ; необходимости взять проводниковъ для переправы въ Персію привела меня въ Кусанъ, а исполненіе формальностей, требуемыхъ афганскимъ закономъ отъ иностранцевъ—въ Горіанъ; я былъ-бы очень счастливъ быть гостемъ хана въ Гератѣ, но обстоятельства мнѣ этого не позволяють—мнѣ необходимо ѣхать въ Хафъ, куда и прошу Ахундъ-Заде дать мнѣ проводниковъ“. — „Вся страна ваша, куда прикажете, туда и проведутъ“, отвѣтилъ Ахундъ-Заде и предложилъ конвой для сопровожденія до персидской границы. Отъ этого я отказался и мы порѣшили, что на слѣдующій день на разсвѣтъ два проводника будутъ къ моимъ услугамъ.

Наконецъ, когда стемнѣло, ханъ извинился дальностію пути и уѣхалъ, наговоривъ на прощаніе массу любезностей и отдавъ приказаніе, чтобы всё мои желанія были исполнены въ точности. Те-

перь для мѣстныхъ властей уже было ясно, какъ къ моему прѣѣзду отнеслись въ Гератѣ, ханы не знали удержу и странно надобѣдали: не пужно-ли мнѣ чего нибудь, они посидятъ со мною, чтобы мнѣ не было скучно и т. д. Напрасно я наводилъ разговоръ на необходимость очень рано встать на слѣдующій день; ханы намековъ не понимали и уѣхали только въ девять часовъ вечера; на прощаніе они взяли, для представленія въ Гератѣ, съ меня росписку въ томъ, что я вполне доволенъ оказаннымъ мнѣ пріемомъ. Интересно-бы знать, кто ее будетъ читать, такъ какъ я отклонялъ просьбу приложить печать къ роспискѣ, написанной но персидски, и написалъ самъ всею по-русски.

IV.

Горіанъ. Турбетъ-и-Гайдаръ. Мешхедъ.

30-го апрѣля на разсвѣтѣ мы выступили изъ Горіана. Дорога сначала проходитъ по богатымъ пастбищамъ, на которыхъ паслись большіе стада барановъ и табуны лошадей; по направленію ея NW 80° и потому она быстро уходитъ отъ Гери-руда. Скоро мы стали подниматься, чтобы перелезть черезъ невысокій отрогъ горъ; его легко избѣгнуть для колесной дороги небольшимъ обходомъ. Высшая точка перенала надъ окружающею мѣстностію около 45 сажень. Въ широкой долині, лежащей за нимъ, мы проходили мимо нѣсколькихъ хузовъ и развалинъ робатовъ; въ бассейнахъ хузовъ есть вода, но самыя зданія ихъ, также какъ и роботы, разрушены мурвами и сарыками; здѣсь каждый шагъ дороги носилъ на себѣ слѣды подвиготъ этихъ негодяевъ и вся долина до самаго Герата брошена жителями.

Мѣстность вообще небогата водою. Около середины дороги, изъ сѣверныхъ отроговъ вытекаетъ небольшой ручей, называемый Шору; теченіе въ немъ бываетъ только послѣ дождей; при нашемъ прохождѣ, въ руселѣ мѣстами стояли лужи со слабо солоноватою водою. Кюризмы, снабжавшіе прежде роботы и поселенія по этой дорогѣ, теперь засорены и не даютъ воды. Въ одной верстѣ отъ Шору проводникъ мнѣ указалъ персидско-афганскую границу, которая, впрочемъ, на картѣ показана гораздо восточнѣе, но афганецъ утверждалъ, что въ былыя времена, когда жители еще не бросили край, Шору-кала было афганское поселеніе. На сѣверѣ

отъ дороги, по которой мы шли, тапетелъ долина Бахаръзъ. Нѣсколько далѣе Керата вытекаетъ изъ горъ ручей Тейбадъ-су, разбираемый на орошеніе у селенія Тейбадъ; только послѣ сильныхъ дождей этотъ ручей, также какъ и остальные овраги Бахаръза, обыкновенно сухіе, шестъ свои воды къ Гери-руду.

Вправо и лѣво отъ дороги встрѣчаются искусственные бугры такого-же вида, какъ, въ Атекѣ: они насыпаны, какъ объясняютъ афганцы, по приказанію Надиръ-шаха для устройства укрѣпленій и караульных или сигнальных башенъ.

При приближеніи къ Керату, издали видѣется большой столбъ, построенный во времена Надиръ-шаха балхскими жителями, тогда державшими здѣсь караулъ. Столбъ служилъ сторожевою башнею, вершина его обвалилась, оставшаяся кругомъ верхняя часть наклонилась и, вѣроятно, скоро упадетъ. Внутри столбъ пустой и въ немъ помѣщается витая лѣстница, ведущая на вершину.

Кератъ имѣетъ теперь большое значеніе, какъ опорный пунктъ для охраненія персидской границы отъ набѣговъ сарыковъ и мерводовъ: онъ расположенъ при выходѣ изъ горъ большой дороги изъ Хафа въ Горіанъ; изъ Керата же высылаются караулы въ остальные горные проходы. Такимъ образомъ, большая дорога изъ Хафа въ Мешхедъ совершенно обезпечивается отъ нападенія разбойничьихъ шаекъ.

Изъ Керата дорога идетъ шесть верстъ по оврагу ручья Серъи-чипме и потомъ пересѣкается ручей Дердеевъ, оба незначительные, такъ что Кератъ получаетъ воду изъ эризовъ; далѣе дорога переваливается на западную сторону кератскихъ горъ и спускается къ роднику Шишоу, у котораго есть небольшой лужокъ съ хорошо травой. За нѣсколько дней до нашего проѣзда, въ этихъ горахъ захвачены были сарыками шесть жителей Хафа, шедшихъ съ верблюдами въ Гератъ. Вслѣдствіе этого паника была обща. Завидя аліелинцовъ, проходившіе съ навьюченными ослами персы пробрали животныхъ и выюки, а сами побѣжали въ горы. Напрасно бывшій съ нами персидскій проводникъ вѣзжалъ на высоты, вызывалъ и успокаивалъ бѣглецовъ; они спрятались гдѣ-то далеко и не рѣшались показаться.

Изъ Шишоу дорога спускается въ долину, съ поперечнымъ скатомъ къ Хафу, который виденъ персть за 15; не доходя этого города, пересѣкаются два ручейка, текущіе на югъ. Топлина по всей дорогѣ, начиная отъ Горіана, почти нѣтъ; съ трудомъ можно было набрать его для приготовленія обѣда или чаю! Корма для лоша-

дей, когда кончается богатая лугами долина Гери-руда, также немного.

Хафъ состоитъ изъ нѣсколькихъ укрѣпленій, построенныхъ другъ около друга; чтобы проникнуть на базаръ, приходится проѣхать черезъ трое воротъ. Снаружи укрѣпленія, у первыхъ воротъ, расположены большой, прекрасно построенный хуузъ. На базарѣ каравай-сарай почти въ пустѣи и ничего нельзя найти; лавки же разбросаны по укрѣпленіямъ среди прекрасныхъ садовъ, посѣвовъ тирака (опіумъ) и богатѣйшихъ тутовыхъ и фруктовыхъ плантацій. Предметы торговли почти всѣ мѣстные персидскіе; красный товаръ частью русскихъ, частью англійскихъ фабрикъ, что видно по ярлыкамъ, которыми, по мѣрѣ продажи тканей, вунды оклеиваютъ свои лавки.

Хафъ—мѣстопребываніе полковника Стюарта, англійскаго агента въ Гератѣ. Послѣ печальной участи, постигшей Кавальери, англійскіе агенты въ Афганистанѣ предпочитаютъ жить не во вѣренихъ ихъ наблюденію провинціяхъ, гдѣ, при ненависти афганцевъ къ англичанамъ, жизнь ихъ всегда въ опасности, а гдѣ-нибудь неподалеку. Стюартъ, во время тѣкинской экспедиціи въ 1880 и 1881 годахъ, переодѣвшись армяниномъ, подъ предлогомъ покупки лошадей, проѣхалъ въ Дерегезъ и оттуда слѣдилъ за дѣйствіями русскихъ войскъ. Въ настоящее время, Хафъ составляютъ, такъ сказать, главную квартиру полковника; большую же часть времени онъ разъѣзжаетъ и занятъ съѣзками по границѣ Персіи и Афганистана. Весною этого года онъ былъ въ Кератѣ, Кяфиръ-калѣ, доходилъ до Мосынъ-абада и Пешъ-робата; затѣмъ, спаридивъ нѣсколько неудавшихся экспедицій, желавшихъ проникнуть въ Мервъ, отправился на югъ Персіи.

Дорога изъ Хафа идетъ до Турбетъ-и-Гайдари на сѣверозападъ по широкой долинѣ; съ восточной стороны все время виднѣются горы; съ западной онѣ переходятъ въ невысокіе холмы и часто на горизонтѣ ничего не видно. На равнинѣ дорога идетъ по удобному гравелистому грунту. Черезъ всѣ овраги съ крутыми берегами сдѣланы мостики, по которымъ можетъ проѣхать несильно нагруженная телега.

Какъ на русскихъ, такъ и на англійскихъ картахъ по дорогѣ въ Мешхеду показаны не всѣ поселенія, которые существуютъ въ дѣйствительности; вѣроятно, съ умиротвореніемъ края (теперь уже сюда не смѣютъ являться сарыки) явились новыя деревни. Растительность вездѣ очень богата, но дальнѣйшаго большаго разви-

тия жизни здѣсь ждать нельзя: предѣль ему положить недостаток воды. Всѣ деревни, лежащія по дорогѣ, представляют собою темноезеленое пятно садовъ среди свѣтлозеленаго цвѣта окружающих ихъ полей: ячменя, пшеницы, клевера, тиріака и т. п. Эти небольшие пятна рѣзко отличаются отъ мрачнаго, печальнаго, пыльнаго цвѣта остальной долины: вся вода изъ нихъ впитана кѣрзами и проведена къ деревнямъ, и затѣмъ остальная, безплодная часть земли не производит даже травы и кустарника. Корма для скота нѣтъ нигдѣ до самаго Мешхеда; лошадей держатъ только ханы; иногда въ цѣлой деревнѣ нѣтъ ни одной лошади. Всѣ передвиженія дѣлаются на ослахъ; это относится какъ къ товарамъ, такъ и къ путешественникамъ, ѣдущимъ, большую частью, на богомолье въ Мешхедъ; какъ мужчины, такъ и женщины ѣдутъ на ослахъ, причемъ женщины, обыкновенно, поверхъ цѣлой кучи одѣжды и выюка. Верблюды встрѣчаются рѣдко; только при большихъ караванахъ, идущихъ издалека; при гористой мѣстности, изъ Турбета къ Мешхеду перевозка на верблюдахъ невыгодна. Фруктовыя деревья есть въ каждомъ селеніи, въ садахъ; лѣсовъ же нѣтъ нигдѣ. Отъ отсутствія дерева зависитъ типъ персидскихъ построекъ, какъ отдѣльно стоящихъ, такъ и составляющихъ цѣлыя роботы и караванъ-сарай. Помѣщеніе нѣсколько значительныхъ размѣровъ подраздѣляется столбами на небольшіе квадраты, покрываемые купольными сводами. Деревя ни куска. Роботы для остановки путешественниковъ очень часты; они расположены по дорогѣ около родниковъ, а въ случаѣ отсутствія ихъ, около коузловъ. Иногда зданія стоятъ вдали отъ поселеній, иногда около нихъ, но всегда въ укрѣпленіи. Внутри робота состоитъ изъ нѣскольکو возвышенной части около стѣнъ, въ видѣ глиняныхъ, иногда вымощенныхъ, наръ для людей и части ровень съ землею—для скота и лошадей. Въ стѣнахъ около наръ очаги для варки пищи; въ углу вѣтанъ лѣстница на крышу, гдѣ всѣ купола окружены стѣною съ бойницами для обороны; теперь эта часть постройки обыкновенно не поддерживается. Роботы часто изъ обожженнаго кирпича, иногда сырцовые. Какъ всѣ азіатскія постройки, они недолговѣчны; много встрѣчается развалинъ. Въ роботахъ ничего не платится за помѣщеніе; построены они, обыкновенно, благочестивыми людьми на общее пользованіе.

Недостатокъ дерева—одно изъ важныхъ неудобствъ этой дороги при путешествіяхъ: купить дровъ не вездѣ можно; кустарника же нѣтъ вовсе, нѣрѣдко даже нельзя набрать и колочки, которая здѣсь

почти исключительно служитъ топливомъ и подвозится къ поселеніямъ часто изъ-за очень большихъ растояній.

У небольшой карауль-калы, у Гиндабада, дорога изъ долины входитъ на невысокіе холмы. Послѣ переправы черезъ нихъ виденъ Турбетъ-и-Гайдари. Сады, окружающіе укрѣпленіе, разбросаны на много верстъ; мы около нихъ проходили болѣе часа; вода изъ родниковъ и кѣризовъ. Турбетъ-и-Гайдари—одинъ изъ большихъ городовъ этой части Персіи; въ калѣ находится базаръ, прекрасное кирпичное зданіе въ видѣ буквы Т, крытое сводами; средняя часть его оставляетъ весьма широкій проѣздъ; мы ѣхали верхомъ трою рядомъ, не стѣсня прохившихъ по сторонамъ; лавки весьма вмѣстительныя, съ жильемъ сзади для продавцовъ. Главные предметы торговли тѣ же, что и въ Мешхедѣ: ткани, принадлежности верховой ѣзды (войлоки, сѣдла, уздечки, хурджимы⁴⁾, чай, французскій сахаръ, лампы, желѣзные издѣлія, стеклянныя и ювелирные произведенія; потомъ лавки съ мясомъ, зеленью, крупю, ячменемъ, хлѣбомъ и т. п.

За Турбетомъ начинается горная часть дороги и продолжается до самаго Мешхеда. Приходится перейти три перевала, болѣе 6½ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Дорога часто идетъ по камню, по которому скользятъ и падаютъ даже ослы; спуски и подъемы очень крутые, дорога совершенно не раздѣлана и вообще весьма трудная; самая плохая часть—ближайшая къ Мешхеду, отъ Кафиръ-калы почти до Тирока. Воды вездѣ много; корма же для лошадей нѣтъ, лѣса и топлива также. Чѣмъ ближе къ Мешхеду, тѣмъ чаще и чаще приходится обогнать караваны съ товарами и особенно много богомольцевъ, направляющихся въ святой городъ. За 15 верстъ съ горъ уже видно мерпаніе золоченаго купола надъ гробницей имама Риза.

Въ Мешхедѣ я предполагалъ провести два дня въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему путешествію. Благодаря гостепріимству и любезности русскаго коммерческаго агента въ этомъ городѣ, г. Пасырбекова, снаряженіе не представило никакихъ затрудненій и пребываніе въ Мешхедѣ обратилось въ весьма пріятный отдыхъ. Оказалось, что слухи о моей побѣдѣ въ Горіанъ уже достигли Мешхеда, но въ весьма извращенномъ видѣ; говорили, что я былъ захваченъ въ плѣнъ горіанскимъ ханомъ и потомъ освобожденъ по приказанію гератскихъ властей. Въ такомъ видѣ и даже съ при-

⁴⁾ Переметныя сумки.

бавлениемъ, что мнѣ было запрещено возвращаться въ Гератъ, слухи были переданы въ Тегеранъ и оттуда черезъ телеграфныя агентства попали въ наши и англійскія газеты.

Наканунъ моего отъѣзда, выступили изъ Мешхеда хорасанскій генералъ-губернаторъ (вали), принцъ Рухнудъ-Дауле, братъ шаха, для отъѣзда восточной персидской границы и для постройки укрѣпленій въ Каушутъ-каль, Старомъ Серахсѣ и на ливии Теджена. Этими путемъ хорасанскія власти захватываютъ никогда непринадлежавшій имъ, весьма удобный для заселенія и обработки восточный берегъ Гери-руда и надѣются утвердить свое вліяніе между мервацами, какъ здѣсь поселяющимися, такъ и живущими въ Мервѣ. Мервцы, стѣсненные въ своихъ грабежахъ сосѣдствомъ Россіи, уже перестали быть прежнимъ страшилищемъ для персовъ и, напротивъ, стараются снискать ихъ расположеніе: фиктивное покровительство слабой державы, какъ Персія, было-бы чрезвычайно выгодно мервацамъ, такъ какъ позволяло-бы имъ дѣлать все, что они хотѣли.

Весьма упорно держался слухъ, что сношенія обѣихъ сторонъ происходятъ при участіи англійскихъ агентовъ, одинъ изъ которыхъ, будто-бы, долженъ былъ сопровождать принца Рухнудъ-Дауле при его путешествіи. Для сопровожденія принца шелъ отрядъ изъ 1.000 человекъ пѣхоты, 1.200 всадниковъ и четырехъ орудій, со свитою и прислугою до 3.000 человекъ, а выѣстъ съ транспортомъ всего до 5.000 человекъ. Маршрутъ вали былъ по Кара-су (Хешфъ-рудъ) въ Пуль-и-Хатунъ и оттуда въ Серахсъ. Путешествіе это произвело въ Мешхедѣ большое волненіе, такъ какъ подъ транспортъ требовалось множество верблюдовъ и ословъ, которые собирались реквизиціей; караваны, предупрежденные во время, предпочитали по десяти и болѣе дней ждать отъѣзда принца гдѣ-нибудь въ двухъ-трехъ переходахъ отъ Мешхеда, чѣмъ рисковать своими верблюдами. Полученіе денегъ за работу взятыхъ реквизиціей верблюдовъ и ословъ болѣе чѣмъ гадательно, а неполученіе обратно самихъ животныхъ, напротивъ, весьма вѣроятно.

V.

Мешхедъ. Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ. Догару. Серахсъ.

Изъ Мешхеда мы выступили, 9-го мая, на Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ, чтобы пройти до Гери-руда и оттуда берегомъ рѣки въ

Серахсъ. Дорогъ изъ Мешхеда къ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джаму нѣсколько: на англійскихъ картахъ показана самая близкая къ горамъ; она послѣдалась въ тѣ времена, когда большая дорога изъ Мешхеда въ Гератъ подвергалась постояннымъ нападеніямъ мервцевъ и сарыковъ. На русской картѣ означена вторая дорога гораздо ниже, но и она частью проходитъ по косогорамъ и пересѣкаетъ весьма неудобные овраги. Теперь, при полной безопасности пути, эта часть дороги оставлена, и движеніе происходитъ прямо по долині изъ Феримуна, на Батты-Шимширъ, развалины Хейрабада и Ленкара, причемъ, не говоря объ улучшеніи пути, длина его сокращается почти на десять верстъ.

Сравнительно съ дорогою изъ Хафа, описываемый теперь путь безлюденъ и пусты. Здѣсь вездѣ видны еще слѣды подвиговъ туркменъ, хотя послѣднее время и тутъ почти прекратились разбои, но край только-что начинаетъ оживать и еще не успѣлъ оправиться отъ перенесенныхъ бѣдъ.

Дорога, болѣею частью, ровная, только мѣстами, особенно между Гусынъ-абадомъ и Феримуномъ, на шести верстахъ есть овраги и холмы при пересѣченіи водораздѣла между Кара-су и Джамомъ; для желѣзной дороги здѣсь трудностей не представлялось бы никакихъ. За Феримуномъ же мѣстность совершенно ровная. Вода по дорогѣ въ изобиліи, населеніе есть во всѣхъ пунктахъ, кромѣ Гусынъ-абада, Хейрабада (развалины), Хоузъ-Сефиды и Абасъ-абада, причемъ, въ Хейрабадѣ и Абасъ-абадѣ водоснабженіе было изъ кривовъ, и когда эти укрѣпленія были брошены жителями, изъ страха текинцевъ, то водоснабженіе погибло. Въ Хоузъ-Сефидѣ зданіе хоуза разрушено, но сестерна съ водою существуетъ и теперь. Населеніе—персы, кромѣ Ленкара, гдѣ много салпыръ, поселившихся здѣсь лѣтъ тридцать назадъ; говорятъ они какой-то смѣсью тюркского и персидскаго языкомъ.

Въ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ бѣжалъ Эйюбъ-ханъ по взятіи Герата нынѣшнимъ его правителемъ Сердаръ-Кундузъ-ханоми. По настоянію англійской миссіи, Эйюбъ-хану было предложено переселиться въ Тегеранъ, что онъ и сдѣлалъ; но семейство его и большая часть бѣжавшихъ съ нимъ приверженцевъ все еще живетъ въ Турбетѣ. Я встрѣчалъ многихъ изъ нихъ; они чрезвычайно настойчиво просили какой-нибудь работы и всегда стоило большого труда отъ нихъ отдѣлаться. По дорогѣ, какъ только узнавали, что я русскій, сейчасъ же начинались разговоры о русскомъ, который былъ въ плѣну въ Гератѣ. Наиболѣе догадливые спрашивали, не

обо мнѣ ли идетъ рѣчь; я не отрекался и этою откровенностью совершенно сбивать съ толка своихъ собесѣдниковъ, привезшихъ къ тому, что на Востокѣ никто въ дѣлахъ не говоритъ правды. Многие приходили къ убѣжденію, что я нарочно стараюсь ихъ ввести въ заблужденіе, а въ дѣйствительности ѣду хлопотать объ освобожденіи гератскаго плѣнника.

Для преслѣдованія разбойничьихъ шайкъ и защиты дороги, на востокъ отъ нея выдвинуты два пункта: Буджгунъ и Мосинъ-абадъ; въ Буджгунѣ стоятъ 400 всадниковъ милиціи, въ Мосинъ-абадѣ 100. Мосинабадъ въ пяти верстахъ отъ большой дороги; въ немъ до 300 домовъ; водоснабженіе весьма обильное изъ кѣризовъ. Показанный на картахъ, подъ названіемъ Мосинъ-абадъ-су, притокъ Гери-руда, извѣстенъ у жителей подъ именемъ Равасъ; въ дѣйствительности это не рѣка, а оврагъ: вода въ немъ бываетъ только послѣ сильныхъ дождей и теченіе ея бываетъ непродолжительно. Вообще, при пользованіи картами этой мѣстности, весьма легко впасть въ ошибку и придти къ убѣжденію, что весь бассейнъ Гери-руда чрезвычайно обилѣнъ: на картахъ показано множество рѣкъ и ихъ притоковъ, на самомъ же дѣлѣ это все овраги, дренаирующие бассейнъ отъ дождей. Рѣкъ только двѣ: Кара-су и Джамъ. Постоянное теченіе Джамы начинается лишь у развалинъ Хейрабада; притоковъ же рѣки не имѣютъ. Тейбадъ-су не доходитъ до Гери-руда и разбивается вся у Тейбада. Вообще эта мѣстность, такъ же какъ и весь Хорасанъ, скорѣе бѣдна, нежели богата водою.

Изъ Мосинъ-абада я проѣхалъ въ Кѣризъ. Дорога совершенно ровная, большая часть селенія въ развалинахъ, робатъ разрушенъ; жители только недавно начали возвращаться. Не въ лучшемъ состояніи и находящійся на афганской границѣ робатъ Догару — града развалинъ; бывшее здѣсь водоснабженіе не существуетъ. Изъ Догару ясно видно укрѣпленіе и робатъ Кяфиръ-кала; въ этотъ послѣдній пунктъ ежедневно высылаются изъ Кусана пять человѣкъ для наблюденія за переправою; на ночь они возвращаются въ Кусанъ. Изъ Догару мы повернули на сѣверосѣверо-востокъ и шли въ этомъ направленіи до Гери-руда у Пешъ-робата, построеннаго, по словамъ мосинабадскаго хана, дочерью Тимура. Какъ объявлялъ ханъ, это и гласитъ надпись на фасадѣ, высѣченная въ полосѣ сѣраго камня, вѣдланнаго въ кладку. Зданіе изъ прочной кирпичной кладки сохранилось, сравнительно, хорошо, только одинъ уголъ упалъ; своды, покрывающіе отдѣльныя части робата, безъ трещинъ; размѣры грандіозныя; всюду внутри можно проѣхать вер-

хоть. У Пешъ-робата дорога подходитъ къ Гери-руду; оба берега поросли густымъ камышомъ, кустарникомъ и деревьями; во многихъ мѣстахъ къ рѣкѣ нельзя не только подѣхать, но даже подойти пѣшкомъ.

Изъ Догару въ Зурабадъ три дороги. Одна переходитъ рѣку, удаляется внутрь страны для обхода горъ, составившихъ ущелье Гери-руда и недалеко отъ Зурабада возвращается на персидскій берегъ. Главное неудобство этого пути — двѣ переправы черезъ рѣку, доступныя не во всякое время года, да и проходить онѣ по ущельямъ, гдѣ двигаться, судя по разспросамъ, нелегко. Второе, кратчайшее направленіе, по которому я шелъ, черезъ горы, не можетъ быть собственно названо дорогою — тутъ мѣстами нѣтъ даже вьючной тропы. Наконецъ, третья дорога, длиннѣйшая, но лучшая — черезъ Турбетъ-и-Шейхъ-и-Джамъ и Ленкаръ въ Зурабадъ; по ней только одинъ переходъ въ горахъ.

Вторая изъ этихъ дорогъ отъ Пешъ-робата идетъ по берегу Гери-руда до Кассанъ-калы, потомъ удаляется на западъ и пересѣкаетъ Джамъ въ трехъ верстахъ отъ впаденія его въ Гери-рудъ. Отъ этого пункта мѣстность холмистая; дорога проходитъ мимо развалинъ Кале-и-Меду у прѣснаго ручья и восемь верстъ далѣе входитъ въ горы; отсюда почти все время приходится двигаться узкими тропинками въ ущельяхъ, болѣею частью по голому камню, то поднимаясь на высокіе перевалы, то спускаясь въ глубокия долины; дороги нѣтъ вовсе, часто нѣтъ и слѣда пути, даже вьючное движеніе здѣсь крайне затруднительно; устройство же колесной дороги потребовало бы громаднхъ работъ. Воды много; почти въ каждомъ ущельи течетъ ручей; кормъ для лошадей прекрасный. Склоны горъ покрыты деревьями, около ручья Голетбъ есть даже довольно густой лѣсъ.

Изъ горъ мы вышли верстахъ въ 12-ти отъ поселенія салпровъ и прошли мимо нѣсколькихъ линій брошенныхъ кѣризовъ и потомъ вдоль обильнаго ручья, проведеннаго на поля въ Зурабада.

Зурабадъ, въ настоящее время, пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Сюда, съ разрѣшенія персидскаго правительства, переселилось до 2000 кибитокъ салпуръ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, они жили у Старога Серакса. Мервцы напали на нихъ, угнали весь скотъ и принудили большую часть племени переселиться въ Мерв; тамъ имъ не было дано ни земли, ни воды и они или занимались скотоводствомъ, или поступали на работы къ текинамъ. Во время экспедиціи 1880—1881 года, въ Мервѣ было до 4000

кибитовъ салпырь; остальные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: между саричами по Мургабу кочевало 1000 кибитковъ, у Чарджуа 400, близъ Маймене 200, близъ Герата въ Пуль-и-Саларъ было около 100 домовъ.

По совѣту Тикма-серадара, лѣтомъ прошлаго года, мерцы рѣшили болѣе не задерживать салпырьовъ, а отпустить ихъ на старшія мѣста. Они, въ числѣ 2000 кибитковъ, явились къ Серахсу; но здѣсь очень ужъ хорошія мѣста, на которыхъ всегда найдутся охотники; наконецъ, персы на нихъ имѣли другіе виды, и потому салпырямъ назначили мѣста для поселенія у Зурабада для того, чтобы образовывать вдоль Гери-руда кордоны отъ набѣговъ саричковъ и мерцевъ. Салпыри — самое слабое изъ туркменскихъ племенъ; не пользуясь ничѣмъ покровительствомъ, они не могли сопротивляться и отстаивать свои права на Старый Серахс, который имъ еще такъ недавно принадлежалъ, тѣмъ болѣе, что явились они совершенно разоренные, нуждаясь въ сѣменахъ для посѣвовъ. Отказъ въ этомъ со стороны персовъ поставилъ бы персехенцевъ въ безвыходное положеніе и они должны были поселиться гдѣ имъ указали, хотя Зурабадъ имъ очень не нравится; въ горахъ вода въ изобиліи, но ручьи текутъ въ узкихъ ущельяхъ и нѣтъ мѣстъ для посѣвовъ; у самаго же Зурабада равнина, годная для обработки, невелика и воды весьма немного, такъ какъ приходится пользоваться арыками изъ кизирбовъ, а выведеніе каналовъ изъ Гери-руда представило бы слишкомъ большія затрудненія. Салпыри заняли отъ Пуль-и-Хатуна до Зурабада и далѣе на югъ по берегу рѣки всѣ мѣста, годныя для посѣвовъ: земли едва хваляютъ, а между тѣмъ, оставшіяся въ Мервѣ 2000 кибитковъ желаютъ поселиться вмѣстѣ со своими единоплеменниками, зурабадцы же старшины идутъ еще далѣе и толкуютъ о необходимости собраться всѣмъ салпырямъ въ одно мѣсто.

Главное поселеніе салпырьовъ — на бугрѣ около стараго укрѣпленія Зурабадъ. Тутъ же недалеко персы предполагаютъ построить новое укрѣпленіе.

Приняли меня салпыри въ высшей степени гостеприимно, съ выраженіями глубочайшей преданности и благодарности Россіи: свое освобожденіе изъ Мерва, гдѣ имъ такъ плохо жилось, они приписываютъ исключительно покровенію русскими Ахала и совѣтамъ Тикма-серадара. Конечно, это не помѣшало имъ звать съ меня за все въ-три-дорога.

Изъ Зурабада къ Пуль-и-Хатуну ведутъ двѣ дороги: первая,

кратчайшая, идетъ черезъ горы; вторая же переходитъ на восточную сторону рѣки и черезъ Гермау-Дербентъ возвращается на персидскій берегъ, гдѣ соединяется съ первой. Горная дорога до Деана-Дербентъ неудобная и трудная; она почти такого же характера, какъ дорога изъ Кале-и-Мелу въ Зурабадъ. Близъ Деана-Дербентъ дорога спускается изъ Гери-руды и его берегомъ идетъ до самаго Серахса; здѣсь, съ восточной стороны рѣки горы продолжаютъ почти до Пуль-и-Хатуна; на персидскомъ же берегу онѣ отходятъ отъ рѣки и дорога лишь мѣстами пересѣкаетъ невысокіе выступы ихъ, а отъ Пуль-и-Хатуна къ Серахсу идетъ по чрезвычайно пологому и совершенно ровному косягору. Прежде дорога изъ Серахса въ Пуль-и-Хатунъ проходила черезъ Даулетъ-абадъ и Шурдже, въ сторонѣ отъ рѣки, по холмистой и довольно трудной мѣстности. Это направленіе предпочиталось вслѣдствіе его сравнительной безопасности; въ настоящее же время, по умиротворенію края, оно почти оставлено.

Пуль-и-Хатунъ значитъ въ переводѣ мость женщины. Здѣсь черезъ Гери-рудъ былъ построенъ очень давно женщиною (текиницей не знаютъ подробностей) мостъ; четыре арки его существуютъ и по настоящее время; средняя же, пятая, разрушена Медемій-ханомъ во время похода его противъ Мерва. Вся длина моста 28 сажень. Близъ моста въ Гери-рудъ впадаетъ Кара-су (Кешефъ-рудъ). Ширина его здѣсь около шести сажень; глубина весьма незначительна, не болѣе, какъ по колѣна лошади, но бродъ чрезвычайно неудобный, вслѣдствіе громадныхъ булыжъ, составляющихъ дно рѣки.

Въ Пуль-и-Хатунѣ мы остановились на ночлегъ около лагеря принца Рухнудъ-Дауле. Пока и большими переходами прошелъ на Догару и Пуль-и-Хатунъ, принцъ успѣлъ пройти по Кара-су 120 верстъ. Онъ и состоящіе при немъ начальники военной и гражданской части ѣхали въ каретахъ, свита верхомъ; обстановка всего лагеря весьма роскошная. При движеніи, всѣ части, кромѣ артиллеріи, шли чрезвычайно нестройно и въ разбродъ; обозъ растянулся болѣе чѣмъ на десять верстъ. Чисто одѣты только лица, ближайшія къ принцу; другіе же оборванные. Насколько можно судить по войскамъ, сопровождавшимъ вали, сапоги въ пѣхотѣ не обязательны, да и вообще форма соблюдается весьма мало. Вооруженіе все старинныхъ системъ; скорострѣльные ружья встрѣчаются только у офицеровъ, и то весьма рѣдко.

На слѣдующій день, 18-го мая, обогнавъ персидскій отрядъ у Наурузъ-абада, я прѣхалъ въ Серахсъ, гдѣ дѣлались большія

приготовления для встречи на и были собраны люди для предполагавшихся работ.

Во все время по дорогѣ въ Асхабадъ пришлось выслушивать жалобы жителей Атека на бѣдственное положеніе: персы систематически отнимаютъ у нихъ воду въ моменты, когда она необходима для посѣвовъ; текинцы не смѣютъ силою поддерживать свое право и видятъ для себя только два исхода: или сдѣлаться передскими подданными и платить пограничнымъ ильхани подать, или бросить свои поселенія и откочевать въ Мерв или Тедженъ, не смотря на сопряженное съ этимъ полное разореніе.

ПОВѢДѢНІЕ ВЪ ПЕРСІЮ, ЮЖНУЮ ТУРЕМЕНІЮ, МЕРВЪ И ЧАРДЖУЙ.

Въ 1882 году я проѣхалъ по разнымъ частямъ Средней Азій болѣе 5000 верстъ; разработка собраннаго при этомъ свѣдѣній, конечно, потребуетъ не мало времени, и потому не ожидая вычислений и окончательной разработки собраннаго матеріала, я предварительно сообщу нѣсколько замѣтокъ о своихъ путешествіяхъ во второй половинѣ того года. Главное мѣсто при этомъ отведено описанію проѣзженныхъ дорогъ и нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ мѣстностей; я вездѣ по возможности избѣгалъ повторенія свѣдѣній ранѣе сообщенныхъ путешественниками, не имѣя въ виду представить что-либо полное и законченное о посѣщенныхъ странахъ, а лишь изложить отдѣльные интересные факты.

Также отрывочны свѣдѣнія о характерѣ и жизни текинцевъ: я упоминаю лишь о тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ истина наиболѣе расхождется съ господствовавшими у насъ до сихъ поръ понятіями. Вообще представленія о текинцахъ и Мервѣ у насъ самыя несоотвѣтствующія дѣйствительности: въ англійскихъ источникахъ, въ виду политическихъ соображеній, факты часто извращены, выводы же почти всегда пристрастны. Мы, русскіе, только въ послѣднее время стали въ условія благоприятныя для изученія этого народа; до войны, сношенія съ текинцами были весьма рѣдки, свѣдѣнія о нихъ болѣею частью собирались у ихъ сосѣдей и конечно не могли имѣть большой цѣны; по взятіи Геокъ-тепе сближеніе происходило медленно, люди, возвращавшіеся изъ Закаспійскаго края, незнакомые съ дѣйствительностью и великодушные, надѣялись текинцевъ всевозможными добродѣтелями. Отсюда и пошли рассказы

о храбрости, честности и рыцарствѣ текинцевъ, о совершенствѣ ихъ государственнаго устройства; неволью являлся страхъ, что покоривъ текинцевъ, мы разрушили что-то столь совершенное, что не суждено ничѣмъ лучшимъ замѣнить. Тѣ, которымъ пришлось остаться въ Закаспійскомъ краѣ и имѣть частныя сношенія съ текинцами, быстро разочаровались: недостатки и пороки ихъ такъ рѣзки и грубы, что никакія иллюзіи невозможны.

Приступая къ описанію путешествія, мнѣ необходимо сдѣлать двѣ оговорки.

Во первыхъ, ниже часто встрѣчаются соображенія о пригодности того или другаго направленія къ проложенію желѣзной дороги, хотя таковую, насколько извѣстно, вовсе не предполагается строить; въ Россіи едва-ли отъ кого можно услышать предположеніе о проведеніи въ настоящее время желѣзной дороги на юго-востокъ отъ Асхабада; даже вопросъ о продолженіи Закаспійской желѣзной дороги къ Бами и Асхабаду обсуждается главнымъ образомъ въ Англіи. Важно было произвести изслѣдованіе теперь-же, пользуясь спокойнымъ состояніемъ степи, такъ какъ обстановка въ ней мѣняется иногда совершенно неожиданно; изслѣдствія, изслѣдованія могутъ быть сопряжены съ большими трудностями, а между тѣмъ, если когда нибудь возникнетъ вопросъ о продолженіи Закаспійской дороги, то весьма важно будетъ знать впередъ лежащую мѣстность; всѣ соображенія о дорогѣ записаны отъ того, можетъ ли она быть введена въ связь съ другими линіями, или же останется навсегда отдѣльною вѣтвью.

Во вторыхъ, необходимо высказать степень достовѣрности сообщенныхъ мною свѣдѣній. Замѣчу при этомъ, что я передаю или то, что вижу и наблюдаю самъ, или же то, что узнаю изъ распросовъ; въ послѣднемъ случаѣ, всегда оговариваю это, такъ какъ при живности туркменъ и персовъ трудно ругаться за собранныя среди нихъ распросы свѣдѣнія, даже проверенныя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Ошибки и неточности, замѣченныя мною въ описаніи прежнихъ путешествій, я исправляю въ моемъ трудѣ. Но нигдѣ, при изложеніи фактовъ, я не руководствуюсь политическими соображеніями. Обыкновеніе это взводить на меня Лондонское географическое общество. Читая переводы русскихъ статей о Средней Азій на англійскій языкъ, нельзя было не обращать вниманія на то, что многіе факты переведены не вѣрно; конечно, это можно было приписать недостаточному знанію русскаго языка у лицъ переводившихъ статьи; труднѣе объяснить неточную передачу словъ

английских авторов, которая допущена въ отчетѣ о моемъ путешествіи (засѣданіе Лондонскаго географ. общества 15 (27) ноября 1882 г.). Хотя полковникъ Стюартъ въ запискахъ этого же общества рѣшительно заявляетъ: „Ханъ Дерегеза, находи невозможнымъ существованіе курдскаго или тюркскаго населенія въ этихъ пограничныхъ деревняхъ, убѣдилъ текинцевъ и другихъ туркменъ занять ихъ“ ¹⁾, что вполне согласно съ моими словами о составѣ населенія; но желая доказать присутствіе въ Атекѣ персовъ, составитель отчета говоритъ: „полковникъ Стюартъ передаетъ, что населеніе Атека состоитъ изъ курдовъ, персовъ и туркменъ“ ²⁾. Въ дѣйствительности же факты таковы, какъ я ихъ передалъ ³⁾. Точно также неосновательно, что аліиинцы въ Кяхка пришли изъ Афганистана; близъ Андоя есть аліиинцы; но тѣ, которые населяютъ Кяхка, пришли изъ Хивы, гдѣ и теперь еще есть туркмены этого племени. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ не только въ Атекѣ, но и въ Келатѣ и Дерегезѣ и его не могутъ не знать английскіе путешественники ⁴⁾, посѣщавшіе эти страны.

Эта вторая оговорка необходима, такъ какъ при отсутствіи разъясненій съ моей стороны, эти искаженія могли бы быть приняты за истину, а при изложеніи фактовъ подобныхъ недоразумѣній слѣдуетъ избѣгать.

По возвращеніи въ Асхабадъ, въ маѣ 1882 года, выяснилась необходимость продолжать изслѣдованіе мѣстности между Герирудомъ и Мургаб-омъ; у ней имѣлось слишкомъ мало свѣдѣній: была пройдена только одна дорога черезъ Хомбу. Сопровождавшие меня аліиинцы и теке увѣрили, что это дорога лучшая изъ Серакса въ Кусанъ, напротивъ персы говорили, что болѣе восточный путь черезъ Акъ-робатъ, Гюрлэнтъ и Каруанъ-Ашанъ несравненно лучше пройденнаго, но что, будучи близокъ къ поселеніямъ сарыковъ, онъ очень опасенъ и что по этой причинѣ мои спутники скрываютъ его преимущества, боясь какъ бы я не заинтересовался имъ и не пожелалъ его осмотрѣть.

Продолжать путешествіе въ маѣ было совершенно невозможно;

¹⁾ Proceedings R. G. Society. 1881. № 9.

²⁾ Тамъ же. 1883. № 1.

³⁾ См. см. стр. 41 и слѣд., помѣщены подробныя свѣдѣнія о населеніи Атека.

⁴⁾ Extracts from a diary of a tour in Khorassan, by Cap. Napier. Journal of the R. G. S. V. ol. XLVI p. 91.

въ 35 дней мы прошли 1600 верстъ; люди жаловались на утомленіе; конечно, это препятствіе можно было устранить общаіемъ хорошей награды, но лошади дѣйствительно были не въ состояніи идти далѣе; по дорогѣ изъ Догару въ Зуръ-бадъ нѣкоторые изъ нихъ захромали и вообще всѣ были совершенно истощены: туркмены, вслѣдствіе своей жадности, даже при самыхъ трудныхъ переходахъ не кормятъ достаточно лошадей и потому онѣ ни въ какомъ случаѣ неспособны на путешествіе болѣе 20—30 дней. Пришлось отложить на время дальнѣйшія изслѣдованія.

Липъ 3-го августа могъ я вновь выступить въ путь. Прикрытіе, состоявшее въ прежнюю поѣздку изъ 20 человѣкъ, я уменьшилъ до десяти. Теперь я уже зналъ страну, которую требовалось пробхать, и для снаряженія не нуждался въ указаніяхъ мѣстныхъ жителей. Къ указаннымъ этимъ слѣдуетъ прибавить только въ крайности: туркмены никогда не говорятъ правды и всегда стараются обмануть человѣка, съ которымъ имѣють дѣло. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ старшина селенія Кяхка, желая, чтобы я поболѣе нанялъ людей, старался меня убѣдить, что пробхать даже по персидскому берегу изъ Серакса въ Кусанъ невозможно безъ прикрытія по крайней мѣрѣ во сто всадниковъ; впрочемъ, когда я заявилъ, что болѣе 20 ни въ какомъ случаѣ не возьму, то старшина согласился и на это. Въ дѣйствительности 10 человѣкъ совершенно достаточное прикрытіе; на разбои туркмены выходятъ партіями въ пять, десять человѣкъ; партія въ тридцать, сорокъ человѣкъ очень рѣдки; встрѣтить же болѣе 50 разбойниковъ вѣрнѣе — совершенно исключительный случай; при этомъ они вооружены очень плохо; если къ текинцамъ и попало нѣсколько берданокъ во время войны съ Россією, то у сарыковъ скорострѣльнаго оружія вовсе нѣтъ; въ виду этого 10 хорошо вооруженныхъ всадниковъ вполне обезпечиваютъ безопасность движенія. Говорить нечего, что двигаться надобно весьма осторожно: если прикрытіе будетъ даже и въ 20 или въ 30 человѣкъ, а по ночамъ около лагеря не будетъ часовыхъ, то самая небольшая партія весьма легко можетъ перерѣзать спящихъ или по крайней мѣрѣ угнать лошадей.

Взятые мною 10 человѣкъ были всѣ текинцы. Кромѣ нихъ меня сопровождалъ переводчикъ и одинъ афганецъ Маммедъ-Аламъ въ качествѣ повара и конюха. Этотъ послѣдній уже нѣсколько лѣтъ служилъ при русскихъ и научился немного говорить по русски. Онъ былъ человѣкъ ловкій и расторопный, но слугѣ, уже въ Асхабадѣ онъ не пропускалъ случая чѣмъ-либо воспользоваться при покуп-

кахъ. Какъ всякій афганецъ, онъ выдавалъ ржанчину на своей шапкѣ за кровь англичанъ и увѣрялъ, что отецъ его былъ приверженецъ Эюбъ-хана, и что поэтому онъ, Маммедъ-Аламъ, не можетъ вернуться въ Афганистанъ. Неизвѣстно почему, въ этой странѣ сложилось весьма странное мнѣніе. Хотя Эюбъ-ханъ никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ Россією и былъ врагомъ бывшаго русскаго гостя Абдурахманъ-хана, всякій афганецъ, желающій поступить на службу къ русскому или получить отъ него что-либо, считается вѣрнѣйшимъ способомъ для достиженія своихъ цѣлей заявить, что онъ изъ приверженцевъ Эюбъ-хана и слѣдовательно (?) пострадалъ за Россію. Въ началѣ путешествія Маммедъ-Аламъ былъ очень полезенъ. Своимъ знаніемъ персидскаго и тюркскаго языковъ онъ много помогалъ при всѣхъ покупкахъ и, что было особенно важно, выучилъ ничего незнающихъ текинцевъ вѣчать лошадей такъ, чтобы вещи не падали во время дороги и не били бы спящихъ животнымъ.

Хотя главную цѣль путешествія и составляло дальнѣйшее изслѣдованіе мѣстности между Муръгъ-абомъ и Гери-рудомъ, но я не направился по прямой дорогѣ къ Сераксу черезъ Атекъ. Путь этотъ уже былъ вполнѣ извѣстенъ, не представлялъ для меня никакого интереса и потому я предпочелъ болѣе длинный путь черезъ Дерезъ, Келатъ и Мешхедъ.

Дороги Дереза и Келата уже столько разъ описаны, что я не стану о нихъ распространяться. Гораздо интереснѣе водная система ханства въ связи съ орошеніемъ Атека. Сообщаема здѣсь подробнѣе¹⁾ послужать дополненіемъ къ свѣдѣніямъ объ этомъ краѣ, сообщеннымъ мною выше.

I.

Келатъ, Дерезъ и Атекъ.

Всѣ рѣчки, орошающія поля атекскихъ поселеній, берутъ свое начало и частью протекаютъ по Дерезскому и Келатскому ханствамъ. Вслѣдствіе этого турмены разныхъ племенъ, населяющіе Атекъ, относительно своихъ посѣвовъ всегда были въ зависимости отъ персидскихъ пограничныхъ правителей. До покоренія Ахала рус-

¹⁾ Тутъ соединены данныя, собранныя какъ въ описываемую поѣздку, такъ и позже, въ ноябрѣ и декабрѣ того же 1882 года, во время втораго пребыванія моего въ Келатъ и Дерезъ.

скими зависимость эта была весьма мало чувствительна: персамъ было выгодно образоватъ вдоль своей границы отъ текинскихъ нападѣній кордонъ, который не только не требовалъ никакихъ расходовъ, но еще вносилъ ханамъ $\frac{1}{10}$ часть сбора со всѣхъ своихъ посѣвовъ. Въ тѣ времена персы не осмѣливались, конечно, выходить изъ горныхъ проходовъ для какихъ либо работъ въ Атекъ; но даже и въ горахъ они могли обрабатывать земли только вблизи своихъ укрѣпленныхъ поселеній. Мнѣніе о неприступности Келата вѣрно лишь относительно долины р. Чаръ между горными проходами (дербентами) Аргуанъ-шахъ и Нефтѣ; горы же остальной части ханства, такъ же какъ и Дереза, имѣютъ множество проходовъ и дорогъ вполнѣ удобныхъ для разбояничихъ набѣговъ, которые и случались довольно часто.

Жители этихъ мѣстъ не рисковали разбрасываться и только подъ самыми стѣнами укрѣпленій обрабатывали небольшія поля, достаточныя для личной потребности ихъ и для уплаты податей ханамъ. Во всѣхъ рѣчкахъ оставалась неразобранная вода, въ количествахъ даже превращавшемъ потребности Атека. Если къ этому прибавить, что ханы нуждались въ союзѣ съ жителями, для борьбы съ ихъ же единоплеменниками Ахала и Мерва, то понятно, что атекамъ не приходилось часто жаловаться на недостатокъ воды. Когда же это случалось, то у властей Хорасана они находили весьма энергическую защиту отъ притѣсненій.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ между пограничными ханами и атеками господствовало полное согласіе: ханы совершенно не вмешивались въ дѣла поселеній по равнинѣ; жители же предупреждали персовъ о готовившихся на нихъ набѣгахъ и давали ханамъ $\frac{1}{10}$ часть жатвы. (Съ персидскихъ подданныхъ, кромѣ всѣхъ остальныхъ налоговъ, берется $\frac{1}{2}$ часть сбора). За пастбу своихъ небольшихъ стадъ постоянные жители ничего не платили; за стада же, пригоняема въ Атекъ изъ Мерва (въ года неурожая тамъ на травѣ) ханы взимали весьма значительную подать, доходившую до $\frac{1}{2}$ крава (20 гол.) въ мѣсяцъ съ барана; уплата этихъ податей впрочемъ вовсе не означала, что Атекъ признается персидскою территорією, а деньги платились за то, чтобы ханы не нападали на текинскія поселенія и не угоняли бы ихъ стада.

Со взятіемъ Геокъ-тене все измѣнилось: нападенія текинцевъ на персовъ и обратно стали дѣломъ пропалаго, персы болѣе не нуждались въ текинскомъ кордонѣ, а текинцамъ нѣтъ причинъ уплачивать подати ханамъ; по мусульманскимъ обычаямъ подать

за воду совершенно незаконна; вода есть достояние всѣхъ; кто первый займетъ берега, она тому и принадлежит, при чемъ владѣлецъ верховенъ вовсе не есть владѣлецъ всей воды и не имѣетъ права увеличивать свои посылы, если отъ этого произойдетъ ущербъ жителямъ, раѣе занимавшимъ низшія части рѣки. Брать деньги за воду можно было только при прежнихъ разбойничьихъ порядкахъ въ краѣ, постоянно угрожая поселенцамъ разграбленіемъ, въ случаѣ сопротивленія ихъ. Ханамъ Келата и Дерегеза это положеніе дѣлъ было очень выгодно и они всѣми силами стараются его поддерживать.

Граница между обоими ханствами довольно неопредѣленная; принято, что поселенія по Рудбару подчинены Бегларь-беги ¹⁾ дерегезскому, а по Лану—хакиму ²⁾ велатскому. „Шамсханъ—Аллаяръ-хана, говорятъ жители, а Хеба-абадъ—Вехбудъ-хана“. Между этими двумя пунктами лежитъ не населенная полоса земли шириною около 20 верстъ; по ней гдѣ-то проходитъ граница двухъ ханствъ. Что касается до Атека, то съ той части его, которая орошалась водами Дурангиря и Рудбара, брать десятину Аллаяръ-ханъ, а со всѣхъ поселеній далѣе на юго-востокъ (отъ Какха до Чача)—Вехбудъ-ханъ.

Рѣка Дурангиръ, оросивъ дерегезскую долину, выходитъ изъ персидскихъ владѣній у Кале-и-миръ. Здѣсь остатки ея круто поворачиваютъ на сѣверъ и снабжаютъ водою поселенія Гѣбланъ и Артакъ, въ каждомъ изъ которыхъ въ настоящее время не болѣе десяти семействъ теке. Когда-то воды Дурангиря шли еще далѣе на сѣверъ и, снабдивъ нѣсколько кале на равнинѣ, обводили дорогу изъ Гуарса къ Теджену (часть дороги изъ Мерва въ Ахаль, извѣстной подъ названіемъ Мамуръ-юль). По мѣрѣ большаго развитія обработки Дерегеза, количествомъ воды, попадавшее на равнину, все уменьшалось и въ 1883 году даже Артыкъ терпѣлъ недостатокъ въ водѣ.

Изъ р. Козгонъ-су или Рудбаръ берется вода для орошенія всѣхъ остальныхъ селеній Атека Дерегезскаго отъ Лютфъ-абада и Кюрена на западъ до Ходжа-кала на востокъ. Рѣка эта выходитъ изъ предѣловъ Персіи нѣсколько выше туркменскаго поселенія Козгонъ и прежде разливалась по степи въ сѣверо-восточномъ направленіи; для орошенія вся рѣка повернута сначала на сѣверъ и потомъ на сѣверо-западъ по подножію холмовъ, окаймляющихъ Атекъ;

только селеніе Махдумъ получаетъ воду изъ рѣки выше Козгона; остальные всѣ изъ новаго русла отдѣльными каналами, за исключеніемъ Кюрена, который пользуется третьєю воды Лютфъ-абадской канавы. Безполезной работы потрачено весьма много: селенія, лежащая рядомъ, ведутъ каждое свой каналъ на протяженіи семи, осьми верстъ, не смотря на сопряженный съ этимъ лишній трудъ и большую потерю воды на просачиваніе и испареніе въ двухъ, трехъ малыхъ каналахъ, нежели въ одномъ большомъ. Но другой порядокъ здѣсь былъ бы невозможенъ; даже среди жителей одного и того же племени у туркменъ идутъ постоянные споры и драки за воду и конечно нельзя ожидать правильнаго распредѣленія ея при смѣшанномъ населеніи Дерегезскаго Атека ¹⁾.

Козгонъ-су обыкновенно снабжалъ съ излішкомъ всѣ поселенія; въ этомъ году было особенно много воды и отнималась она у жителей Кюрена и Чукуръ-акыла только чтобы мстить имъ за то, что они перестали платить подати. Бывають исключительные годы, когда въ юль и августъ не хватаетъ на всѣхъ воды, но и это легко устранить присмотромъ за каналами: какъ главный каналъ, такъ и разводныя канавы всѣ содержатся очень небрежно и масса воды пропадаетъ въ разливахъ; не смотря на это весною и осенью ея всегда довольно, когда же въ лѣтніе мѣсяцы ея не хватало, то при безпорядкѣ, царившемъ въ Атекѣ, жители не думали объ исправленіи каналовъ, а старались перехватить воду одно селеніе у другаго, разорили чужія плотины и портили чужіе арыки; драки изъ-за этого на главномъ каналѣ были весьма часты. Исправное содержаніе ирригаціи становится особенно важнымъ въ настоящее время: въ нѣкоторыхъ кале населеніе возрастаетъ, послѣ умиротворенія края вездѣ посылы увеличены, а между тѣмъ къ Козгону воды будетъ приходить все менѣе, такъ какъ Аллаяръ-ханъ съ своей стороны увеличиваетъ посылы на части рѣчки, протекающей въ его владѣніяхъ. Выше сел. Зенгиналы (10 дв.) имѣтъ удоб-

¹⁾ Титулъ хана Дерегезскаго.

²⁾ Хакимъ значитъ начальникъ или правитель.

¹⁾ Населеніе это слѣдующее: Лютфъ-абадъ (400 дворовъ) и Шия-инъ (30 дворовъ) населены почти исключительно персами шивитами; по нѣскольку домовъ ихъ есть также въ Хасарѣ (всего 45 дв.) и Месенѣ (всего 30 дв.). Въ остальныхъ деревняхъ какъ Дерегезскаго, такъ и Келатскаго Атека персы нѣтъ; курды нѣтъ ни въ одномъ поселеніи. Въ Чукуръ-акылъ до 50 дв. анузскихъ; въ Кюренѣ преимущественно албаны, но есть нѣсколько домовъ теке. Хосрѣтъ, Маммохъ-оратъ, Кошутъ, Даргана и Ходжа-кала имѣютъ смѣшанное текенское населеніе. Племя Махдумъ занимаетъ 4 укрѣпленія: именно Махдумъ (20 дв.) Кесаули (30 дв.) Козгонъ (60 дв.) и Риза-абадъ (10 дв.)

ных для обработки весьма мало; ниже этого пункта они встречаются; прежде здѣсь почти никто не занимался земледѣліемъ; теперь же около Зенгиналы и особенно Шамсхана расчищены большія поля подъ посѣвы риса. Воздѣлываніе его, требующее большого количества воды, обыкновенно встрѣчается тамъ, гдѣ она въ изобиліи, а никакъ не въ край, гдѣ ей хватаетъ на пропитаніе весьма ограниченного населенія. На сколько этотъ родъ культуры несовѣстенъ мѣстности, видно изъ того, что кромѣ хановъ никто имъ не занимается; во всемъ Атекѣ нѣтъ ни одного рисоваго поля у жителей.

Теперешніе жители Келатскаго Атека начали селиться здѣсь лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, по соглашенію съ Бехбудъ-ханомъ. Кахка было занято племенемъ аледи; въ Душакѣ и Ходжамедѣ поселились теке-тохтамышъ, въ Меана и Чача—отамышъ. Этотъ народъ существуетъ и по настоящее время: приходящіе изъ Мерва теке селятся каждый при своемъ племени и весьма рѣдкимъ исключеніемъ является тохтамышъ въ Меана или Чача и наоборотъ отамышъ въ Душакѣ или Ходжамедѣ. По существующему обычаю, текинцы не имѣютъ права отказать пришельцу въ водѣ, пока ей довольно; при увеличеніи поселенія участокъ каждаго уменьшается, пока обработанное поле хватаетъ на семью; затѣмъ самъ собою копчатся наплывъ новыхъ поселенцевъ. На участки всѣ имѣютъ одинаковыя права и раздача ихъ производится по жребію. На каждый участокъ кладется палочка съ мѣткою; палочки съ такими же мѣтками разыгрываются и всякій получаетъ мѣсто, которое ему укажетъ судьба.

Интересны бывшія отношенія поселенцевъ къ текинцамъ Мерва и Ахала. Эти послѣдніе грабили всѣ поселенія по Атеку, кромѣ занимаемыхъ священными племенами махдумъ и ходжа; текинцевъ въ плѣнь не брали, у нихъ угоняли лишь скотъ и лошадей, и то скрытно. На алелинцевъ и другихъ туркменъ нападали открыто; но взявши въ плѣнь кого-либо изъ нихъ, не продавали въ Хиву или Бухару, какъ дѣлали съ персами-шитами, а держали у себя работниками, пока родственники не выкупали плѣнника.

Алелинцы, живущіе въ Кахка, явились въ Атекъ изъ Хивы по взятіи ея русскими войсками; первоначально они поселились въ Боушотъ и Абивердъ и платили подати Ахаларъ-хану. Въслѣдствіи они переселились въ Кахка и для поливки своихъ полей провели сюда р. Лампъ, прежде орошавшую ихъ же поля у Абиверда, и рѣку Арчингана.

Рѣка Лампъ въ верхнихъ частяхъ своихъ протекаетъ между горъ, гдѣ мало мѣстъ удобныхъ для обработки и она производится безъ поливки, какъ это вообще дѣлается въ высокихъ частяхъ Келата¹⁾; только верстъ за 20 ниже Хеба-абада земледѣіе возможно въ значительныхъ размѣрахъ; прежде приходили сюда для этого лишь курды, живущіе въ верховьяхъ небольшими поселеніями, по три—четыре семейства, но ихъ было немного, посѣвы невелики и требовали самого незначительнаго количества воды, которая почти вся шла къ Кахка. Теперь же правитель Келата нагналъ жителей изъ поселеній по Арчингану, которые повернувъ отъ дербента того же имени къ Науреку, по новому руслу сдѣлали большіе посѣвы и въ Кахка изъ Арчингана въ настоящее время ничего не приходитъ.

На востокъ отъ Арчингана находятся два небольшіе ручья: 1) Наурекъ, дающій воду для посѣвовъ лишь на нѣсколько семействъ, родникъ въ Атекѣ, вѣкъ персидскихъ предѣловъ и 2) Декче-су, когда-то снабжавшій брошенныя нынѣ поселенія Ходжамедъ и Сермечитъ; родникъ заброшенъ и большую часть года въ его руслѣ нѣтъ воды.

Тохтамышское поселеніе Душакъ снабжается водою изъ р. Душакъ или Чарда, одной изъ самыхъ большихъ на сѣверномъ склонѣ горъ Хазаръ-мееджидъ. Рѣчка беретъ начало на южномъ склонѣ Келатскихъ горъ и орошаетъ посѣвы еще до входа въ Аргунъ-шахъ-дербентъ; тутъ выходятъ изъ горъ родники, доставляющіе наибольшее количество воды рѣчкѣ, которая течетъ затѣмъ до Нефте-дербента въ весьма узкой долинѣ. Всѣ годины здѣсь къ обработкѣ мѣста, вслѣдствіе полной безопасности этой части Келата, всегда были воздѣланы подъ рисъ, пшеницу, клеверъ и пр. Въ Ходжа-дербентѣ, при выходѣ въ Атекъ, Чарда еще дополняется весьма богатыми сѣрными родниками. По преданію, эти послѣдніе явились лишь около 150 лѣтъ тому назадъ; здѣсь въ горахъ, и теперь называемыхъ Дивана-кю, жилъ дивана (юродивый) Ходжа-джиганъ; въ Душакѣ тогда пили воду изъ колодезевъ; дивана, довольный благочестіемъ и добротою жителей, повелъ ихъ съ собою въ горы и, ударив посохомъ по камню, приказалъ водѣ течь къ Душаку; при этомъ, принявъ во вниманіе нечистотность жителей и ихъ стада, отъ которой тѣ и другія сильно страдаютъ чесоткою, дивана придалъ водѣ свойство излечивать эту болѣзнь (источники сѣрные). Святой этотъ не умеръ, а исчезъ въ обширной пещерѣ, изъ которой

¹⁾ Способъ земледѣія безъ орошенія называютъ *дамъ*.

вытекает главный родник; остальные меньшие текут из щелей въ скалахъ.

Въ прежнее время персы не осмѣливались выходить на равнину и потому ниже воротъ Нефте посѣвовъ было весьма мало и лишь въ части ближайшей въ казармѣ, защищающей ворота. Въ прошломъ году персы расчистили и воздѣлали почти всё удобныя мѣста между дербентами Нефте и Ходжа (разстояніе около 6 верстъ) и даже сдѣлали посѣвы по косогорамъ окаймляющимъ Атекъ¹⁾.

До настоящаго времени по рѣкѣ Меана въ періодскихъ предѣлахъ было три поселенія: небольшое поселеніе въ горахъ Серъи-рудъ, ниже Инги-кала и Кара-тыянтъ, при выходѣ рѣки въ Атекъ. У укрѣпленія Инги-кала долина расширяется и тутъ жители его и Серъи-руда занимаются обработкою земли; почти на всемъ протяжении отсюда до Кара-тыяла (около 100 домовъ) рѣчка идетъ среди высокихъ скалъ и только у послѣдняго пункта долина снова расширяется. И здѣсь въ этомъ году персы вышли изъ дербента и заняли мѣста по косогорамъ Атека. Текинское поселеніе Меана имѣло въ 1882 году около 130 домовъ постоянныхъ жителей и 300 саллахъ-дехановъ. Рѣчка Хевръ или Чача-су беретъ свое начало въ самомъ массивѣ горъ Хазаръ-мезджидъ. Первое поселеніе Хевръ (около 300 дворовъ) въ горахъ; земель здѣсь мало, воды жители не брали и небольшіе участки свои обрабатывали безъ орошенія. Ниже—Эмиръ-абадъ (20—30 дв.), жители котораго и прежде занимались земледѣліемъ, но немного, такъ какъ вся мѣстность сильно подвержена разбоямъ. Всѣ родники, питающіе Хевръ, выше поселенія Эмиръ-абадъ. Долина рѣки почти на всемъ протяженіи довольно широкая и если воздѣлать всё удобныя мѣста, то въ лѣтніе мѣсяцы воды можетъ не хватить даже для самой долины, не говоря объ Атекѣ. Еще и теперь большая часть долины не расчищена и рѣчка проходитъ по густымъ камышамъ; климатъ всей мѣстности очень плохой; вода, пройдя черезъ камыши и рисовыя поля, вредна для здоровья, жители Эмиръ-абада и Чача почти всѣ страдаютъ отъ весьма злокачественныхъ лихорадокъ, и потому жители Хевра, имѣющіе въ горахъ родники хорошей воды для питья, не хотятъ спускаться ниже; земли тутъ однако вообще мало плодородныя и желающихъ селиться здѣсь немного. Въ 1882 году

¹⁾ Въ 1882 г. въ Душакѣ было, кромѣ постоянныхъ жителей, до 200 чело-вѣкъ пришедшихъ изъ Мерва безъ семействъ лишь на время посѣвовъ и уборки хлѣба. Такихъ земледѣльцевъ называютъ *саллахъ-деханами*.

правитель Келата Бехбудъ-ханъ силой согналъ жителей Хевра для посѣвовъ внизъ и они расчистили большія пространства главнымъ образомъ подъ рисъ. Жители Чача періодскаго (около 60 дв.) также увеличили свои посѣвы и даже воздѣлали земли ниже дербента на равнинѣ. Жители Чача текинскаго (70 дв. постоянныхъ и столько же саллахъ-дехановъ) болѣе всѣхъ терпѣли въ 1882 году отъ недостатка воды.

Вообще положеніе атекцевъ очень тяжелое; какъ бы справедливо къ нимъ ни относились центральныя власти Персіи, полуне-зависимые пограничные владѣтели ничего не хотятъ знать и дѣлаютъ по своему. Пока туркмены кое-какъ все переносятъ, но уже теперь приходятъ къ убѣжденію, что вѣроятно скоро имъ придется бросить свои поселенія и грозятъ жестоко отомстить за при-тѣсненія.

Изъ Асхабада я проѣхалъ въ Мешхедъ черезъ Кельте-чинаръ, Маммедъ-абадъ, Козгонъ, Кабудъ-Гюнбеть и черезъ горы Хазаръ-мезджидъ между деревнями Кардъ и Вардъ. Это лучшая дорога изъ Асхабада въ Мешхедъ; по ней происходитъ почти все торговое движеніе между названными пунктами. Хотя путь изъ Маммедъ-абада черезъ Атекъ и Гуарсъ ровнѣе и удобнѣе для колеснаго движенія, но для вьючнаго всё преимущественно на сторонѣ дороги по долинамъ рѣчекъ Кельте-чинаръ и Дурангаръ; онъ короче, очень обилень водою, поселеніями, а главное безопаснѣе; купцы же и теперь, гдѣ есть возможность, предпочитаютъ не довѣряться спокойному состоянію стѣны: всегда можетъ встрѣтиться шака въ 2—3 человѣка, совершенно достаточная, чтобы отбить у перса всѣ его товары.

Перейдя изъ долины р. Кельте-чинаръ въ долину Дурангаръ черезъ невысокій (около 25 саж.) и легкой перевалъ, дорога у деревни Дурангаръ раздѣляется на двѣ: одна идетъ въ Кучанъ, другая въ Маммедъ-абадъ; эта послѣдняя весьма порядочно раздѣлана для вьючнаго движенія: вездѣ есть мостики, крутые косогоры сры-заны; грунтъ весьма удобный для движенія и дорога эта одна изъ лучшихъ въ краѣ. Дорога изъ Маммедъ-абада переходитъ въ Мешхедъ черезъ перевалъ Алла-зюберъ; склонъ его, обращенный къ Дерезезу, уже теперь весьма порядочно раздѣланъ, хотя, впрочемъ, съ очень крутыми уклонами. Южный же склонъ гораздо хуже и составляетъ трудную часть пути. На немъ находится одинъ изъ

интереснѣйшихъ историческихъ памятниковъ въ этой мѣстности: это лѣстница (нәрбанъ) Надиръ-шаха. Находясь въ сторонѣ отъ дороги, лѣстница эта мало извѣстна и ни у одного изъ путешественниковъ мнѣ не случилось встрѣтить ея описанія. Я натолкнудся на нее случайно. Не далеко отъ вершины горы спускъ къ Мешхеду раздѣляется на два: направо идти болѣе удобна для выюковъ и кратчайшая дорога къ деревнѣ Дербенди; но тропинка настолько узка, что колесное движеніе здѣсь невозможно. Поэтому, когда я, въ ноябрѣ 1881 г., проѣзжалъ изъ Мешхеда въ Маммедъ-абадъ, имѣя съ собою двѣ повозки съ вещами, то пришлось разсѣивать какой либо обходъ выючной тропинки. Жители деревни Дербенди указали на Нәрбанъ. Сначала изъ деревни мы шли нѣсколько времени на сѣверо-востокъ вдоль рѣки Рудбаръ, потомъ, повернувъ на сѣверъ, подошли къ подножію горы, гдѣ и увидѣли въ скалѣ лѣстницу въ 1000 ступеней, вырубленныхъ по приказанію Надиръ-шаха, какъ гласила надпись на камнѣ около 400-ой ступени. Работа громадная: хотя скала выбрана довольно ровная, но все же пришлось сгладить не мало препятствій, кромѣ труда высѣчь ступени въ скалѣ; длина ихъ 5 аршинъ, ширина 1 арш. и высота около $\frac{1}{4}$ арш. Лѣстница, конечно, строилась какъ памятникъ величія Надиръ-шаха; о раздѣлѣхъ дороги никто не думалъ: отъ конца лѣстницы до вершины горъ остается около версты отвратительной дороги, заваленной камнями, улучшеніе которой и до сихъ поръ не сдѣлано, хотя оно не потребовало бы почти никакихъ работъ сравнительно съ трудомъ, потраченнымъ на сооруженіе нәрбана.

Отъ деревни Теберникъ дорога проходитъ до Мешхеда по долиנѣ Кара-су (Кефе-рудъ) по мѣстности совершенно ровной, съ удобными для движенія грунтомъ.

Во время пребыванія моего въ Маммедъ-абадѣ я ѣздилъ по Дерезеу и разспрашивалъ весьма многихъ, не сохранились ли здѣсь какія нибудь преданія о бившемъ въ этихъ мѣстахъ христіанствѣ: никто ничего не могъ сообщить. Вообще историческія воспоминанія между жителями этой части Азіи не восходятъ далѣе Надиръ-шаха и то весьма смутны и сбивчивы. Мнѣніе полковника Стюарта о сохранившихся здѣсь слѣдахъ христіанства есть результатъ грамматической ошибки: полковникъ принялъ особую форму родительнаго падежа турецкаго языка *каласи* (кала—крѣпость) за слово *келаса*, означающее церковь и на этомъ основаніи считалъ развалины персидскихъ укрѣпленій за остатки христіан-

скихъ церквей; также и названія текинскихъ крѣпостей Ходжа-каласи, Кара-ханъ-каласи объясняются какъ происшедшія отъ бывшихъ здѣсь христіанскихъ церквей. Само собою понятно, что правильный переводъ будетъ не церковь Ходжи или Кара-хана, а укрѣпленіе Ходжи или Кара-хана ¹⁾.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ искусственомъ холмѣ Яримъ-тепе, находящемся въ 2 верстахъ отъ Маммедъ-абада. По преданію онъ насыпанъ по приказанію Надиръ-шаха; каждый изъ солдатъ, возвращавшихся изъ похода въ Хиву, долженъ былъ принести отсюда по пашкѣ земли; но большинство сплутало: кто не принесть вовсе, кто принесть половину и вышелъ холмъ вдвоемнѣешихъ размѣровъ, чѣмъ предполагали. Отсюда и произошло названіе Яримъ-тепе (Яримъ—половина). Матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ холмъ, заключаетъ много селитры; она тебѣрь и добывается изъ него для приготовленія пороха.

Дорога изъ Маммедъ-абада въ Келатъ черезъ Козгонъ и Хебабадъ проходить по холмистой мѣстности; тропа выючная, но трудностей при движеніи не встрѣчается. Вообще, какъ Дерезеу, такъ и Келатъ состоятъ изъ нѣсколькихъ почти параллельныхъ хребтовъ, идущихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Поперечныя возвышенности, соединяющія хребты между собою, не высоки и потому дороги какъ по Келату, такъ и по Дерезеу вообще довольно удобны при переѣздахъ изъ пункта въ пунктъ параллельно горамъ, но становятся крайне трудными, если ѣхать поперекъ страны, тѣмъ болѣе, что онѣ нигдѣ не раздѣланы и въ горахъ лѣзятся узкими тропинками на краю пропастей и никто не позаботится расчистить дорогу даже въ самыхъ труднѣйшихъ мѣстахъ. Переналъ изъ Келата въ Мешхедъ черезъ Хазаръ-меджидъ между селеніями Кардэ и Вардо, хуже Алла-экберскаго и движеніе по этой дорогѣ весьма незначительное.

Въ Мешхедѣ все болѣе и болѣе привыкаютъ къ русскимъ; чаще встрѣчаются по улицамъ наши кавказскіе купцы, на базарѣ наши товары; пройдетъ два, три года и святой городъ потеряетъ, вѣроятно, большую часть своей замкнутости.

¹⁾ Объ этой ошибкѣ говоритъ Роулинсонъ: Proceedings of the R. Geogr. Soc. 1888. № 1.

II.

Мешхедъ.—Зуръ-абадъ.—Южная Туркменія.

Изъ Мешхеда я направился на востокъ по р. Кара-су до деревни Бахбаги. Здѣсь я былъ въ ноябрѣ 1881 года; самия поселенія, конечно, мало измѣнились; одно было ново: близъ каждаго изъ нихъ были расположены персидскіе солдаты. Мои текинцы, смѣясь, объяснили, что въ Персіи всегда такъ: войска располагаются тамъ, гдѣ безопасно; теперь край умиротворенъ и хорасанскій вали (намѣстникъ) размѣстилъ солдатъ вдоль рѣки для сбора съ жителей усиленныхъ податей.

Обитатели Бахбаги съ осени 1881 года почти не поправились: деревня такъ же бѣдна какъ и прежде; съ трудомъ удалось достать курицу и немного корма для лошадей. Въ деревнѣ оказался одинъ плѣнный, который воспользовался нашимъ пробѣдомъ, чтобы освободиться. Утромъ, выступивши изъ Бахбаги, въ полуверстѣ отъ укрѣпленія я увидалъ всадника, который прикладомъ ружья билъ какого-то человѣка; несчастный бросился подъ ноги моей лошади и сталъ просить защиты. Это былъ сарыкъ, попавшій въ плѣтъ 8 лѣтъ тому назадъ; сначала онъ работалъ въ Мервѣ, потомъ перешелъ вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ въ Бахбаги; «теперь пришли русскіе, говорилъ сарыкъ, и я свободенъ; русскіе всадъ освободили рабовъ». Мое положеніе было крайне трудное: до настоящаго времени въ Мервѣ много рабовъ персовъ, а въ Персіи туркменъ; обѣдна не происходить и уже, конечно, я не имѣлъ никакого права освободить кого бы то ни было. Но съ другой стороны нельзя было не помочь плѣнному; попытка бѣжать могла ему стоить жизни или, по крайней мѣрѣ, истязаній; приходилось его взять съ собою; надо было только обдумать, какъ оформить дѣло. Помогъ самъ хозяинъ: для него также было аксіомою, что если русскіе пришли, то рабы свободны, и онъ сталъ утѣрять, что сарыкъ вовсе не рабъ, а рабочій и заслужилъ побой лишь тѣмъ, что хотѣлъ уйти безъ спроса. Конечно, за это бить человѣка нечего и, послѣ нѣсколькихъ минутъ переговоровъ, сарыкъ получилъ разрѣшеніе отъ своего хозяина идти за нами. Радость освобожденнаго не знала предѣловъ: снявъ башмаки, онъ весело бѣжалъ, не чувствуя усталости и не отставая отъ лошадей, все время разговаривалъ, смѣялся и старался быть чѣмъ нибудь полезнымъ. Вроде, при приближеніи къ Зуръ-абаду онъ сталъ тревожнѣе; тутъ

были расположены персидскія войска и сарыкъ боялся, какъ бы мои текинцы, при враждѣ, существующей между обоими племенами, не выдали бы его персамъ; верстахъ въ 10 отъ Зуръ-абада онъ исчезъ и болѣе я его не видѣлъ.

Дорога изъ Бахбаги шла прямо на юго-востокъ; она обходитъ съ юга горный хребтъ Пескемеръ, находящійся въ углу между Гери-рудомъ и Кара-су; на всемъ протяженіи отъ Мешхеда до самаго Зуръ-абада дорога колесная даже въ теперешнемъ состояніи; есть лишь два или три мѣста, гдѣ потребуются небольшія исправленія и то въ мягкомъ грунтѣ. На 12 верстѣ отъ Бахбаги отдѣляется дорога черезъ горы Пескемеръ въ Пуль-и-хатунъ. Между Бахбаги и Зуръ-абадомъ одинъ переходъ; вода есть въ двухъ мѣстахъ: 1) въ 4 часахъ ѣзды отъ перваго пункта — ручеекъ, въ весеннее время впадающій въ Кара-су между Акъ-дербентомъ и Бахбаги и 2) въ 3 часахъ ѣзды отъ Зуръ-абада ручеекъ, теряющійся въ оврагѣ. Оба совершенно прѣсны. Зуръ-абадъ назывался персидское; туркмены его зовутъ Зереве. Послѣ умиротворенія края и поселенія здѣсь саларовъ, персы возобновили часть старой крѣпости, построили въ ней казармы, базаръ и поставили 200 солдатъ и одну пушку. Командантъ укрѣпленія, одинъ изъ многочисленныхъ въ Персіи шахъ-заде (принцы крови, родственники шаха), человѣкъ лѣзвѣнный, но очень безтолковый. Онъ хотѣлъ меня задержать на нѣсколько дней и послать спросить въ Мешхедъ, можно ли мнѣ ѣхать далѣе. Дѣйствовалъ онъ на основаніи бумаги отъ властей Хорасана; но въ бумагѣ было ясно сказано задерживать людей, желающихъ проникнуть съ восточнаго берега Гери-руда въ Персію и не желающихъ ѣхать изъ ея предѣловъ. Съ трудомъ выяснилъ я это шахъ-заде; но все же онъ согласился меня отпустить только съ условіемъ, что я съ его провожатымъ пройду въ Серахъ и пусть уже тамъ комендантъ поступитъ какъ хочетъ. Эти задержки были крайне нехотны, Зуръ-абадъ не представлялъ ничего привлекательнаго: салары утѣрали въ своей преданности, жаловались на персовъ, просили о заступничествѣ и принятіи въ русское подданство; я, конечно, не считалъ себя въ правѣ вмешиваться въ мѣстныя дѣла и желалъ только поскорѣе уѣхать. Съ другой стороны существенное условіе для безопаснаго движенія по степи — это держать въ тайнѣ свой маршрутъ; при этомъ встрѣча съ разбойниками можетъ быть только случайная и неопасная; на разбой туркмены собираются не въ одинъ день, для приготовленій нужно время. Если бы я остался въ Зереве 3—4 дня, вѣсти о моемъ

движеніи дошли бы до сарыковъ и снаряженіе шайки намъ на встрѣчу было весьма возможно. Надо было принять рѣшительныя мѣры. Забѣтивъ, что шахъ-заде самъ сомнѣвается въ справедливости своихъ требованій и, садясь на лошади, объявилъ окружающимъ меня салырамъ, выражавшимъ свое неудовольствіе на образъ дѣйствій хана, что подобныя дѣла разбираются не въ Зуръ-абадѣ, а въ Тегеранѣ. Ханъ это слышалъ и угроза подбодствовала.

Выйдя изъ крѣпости, мы перешли въ поселеніе салыровъ, расположенное въ полуверстѣ южнѣе. Здѣсь я объявилъ своимъ спутникамъ мои намѣренія: купить все необходимое для людей и лошадей на 7 дней и немедленно перейти на туркменскій берегъ въ сопровожденіи халскаго человѣка, которому и объяснить, что для познани въ Серахсѣ я выбираю путь черезъ земли сарыковъ; если переу угодно будетъ меня сопровождать, я очень радъ и даже готовъ назначить ему жалованье за указаніе дороги; если нѣтъ, ему предоставляется вернуться въ Зуръ-абадъ. Я не сомнѣвался въ рѣшеніи перса: страхъ сарыковъ навѣрно превесилъ бы желаніе получить деньги. Черезъ два часа снаряженіе было окончено; хлѣбъ и ячмень у всѣхъ въ мѣшкахъ. Салыры всѣми силами старались услужить: при неподвижности туремъ можно считать за подвижъ и за лучшее доказательство расположенія то, что хлѣбъ намъ приготовили въ теченіи двухъ часовъ. Послѣ этого я послалъ просить шахъ-заде поскорѣ прислать назначеннаго человѣка и получить отвѣтъ, что онъ нагонитъ меня по дорогѣ. Мы выступили, направляясь къ Гери-руду и нигде насъ не нагналъ. Только въслѣдствіи у салыровъ близъ Пуль-и-Хатуна я узналъ, что произошло дальѣе: не желая меня раздражать, шахъ-заде пустилъ насъ ѣхать куда хотимъ; съ другой стороны, не смотря на всѣ разныя, онъ все еще боялся ответственности передъ хорасанскими властями и черезъ два часа послѣ моего отъѣзда собралъ конныхъ салыровъ и приказалъ имъ меня нагнать и вернуть, зная хорошо, что это не будетъ сдѣлано. Салыры не сбились и когда собрались, то, зная куда я поѣхалъ, сами отырались по другой дорогѣ и донесли, что меня не могли найти.

Зереве находится въ 12 верстахъ отъ р. Гери-руда; дорога ровная, посреди ручей и дальѣ рукавъ рѣки. Въ самомъ руслѣ Гери-руда теченія не было, только кое-гдѣ сохранились плесы воды,

мѣстами почти прѣсной, мѣстами настолько солоноватой, что лошади неохотно пили ее. Ложе водъ состоитъ изъ круиннаго булыжника и, по утврѣженіи жителей, когда проходятъ высокія воды, то теченіе продолжается, но лишь подземное, и обнаруживается только въ глубокихъ мѣстахъ русла; во всякомъ случаѣ подземный притокъ существуетъ, иначе нельзя объяснить малые плесы, не пересыхающіе всю осень; вода такой глубины даже на глинистой почвѣ высохла бы въ два, три дня. Теченіе прекращается къ концу іюля или въ началѣ августа нѣсколько сѣвернѣе Кафиръ-кале и затѣмъ возобновляется только отъ Пуль-и-хатуна, гдѣ въ Гери-рудѣ впадаетъ рѣка Кара-су, и особенно усиливается около Наурузъ-абада отъ выходящихъ изъ дна богатыхъ родниковъ; здѣсь воды такъ много, что она всегда проводилась каналами къ поселеніямъ салыровъ у Старого Серахса и снабженіе ихъ было непрерывное въ теченіи цѣлаго года. Вода снова появляется во вѣснѣ рѣкѣ въ полурѣ или въ декабрѣ; дальѣ же на сѣверъ къ Кари-банду она проходитъ иногда также въ декабрѣ, а иногда въ январѣ и даже въ февралѣ. На югъ отъ Пуль-и-хатуна по берегамъ русла водъ есть родники; плесы, въ которыхъ льдомъ сохраняется вода, настолько часты, что путь вдоль Гери-руда во всякое время года можетъ считаться очень богатымъ водою; но кое-гдѣ препятствуютъ двигаться вдоль рѣки горы, близко подходящія къ самой водѣ. Осенью водъ можно пройти самымъ русломъ; въ высокую же воду не то: отъ Серахса до Пуль-и-хатуна дорога хорошая по обѣимъ берегамъ, отъ этого послѣдняго пункта на югъ надобно идти по западному берегу черезъ горы Пескемеръ до Зуръ-абада по очень трудной дорогѣ, а по туркменскому можно обойти по ровному мѣсту съ востока горы Келетъ-колъ, тянущейся обрывами по самому берегу рѣки отъ Гирмъ-абъ-дербента до Зюлфугарскаго ущелья. Затѣмъ снова оба берега удобны для движенія. Во второй разъ горы подходятъ къ рѣкѣ въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ впаденія р. Джамъ и тутъ движеніе вдоль рѣки совершенно невозможно.

Дорога изъ Зуръ-абада на югъ выходитъ по ровной мѣстности къ Гери-руду противъ Зюлфугарскаго ущелья, тутъ переходить на текинскій берегъ и въ 10 верстахъ дальѣ оставляетъ рѣку вправо; затѣмъ по оврагу соленого ручья углубляется внутрь страны и черезъ 2½ часа пути доходитъ до вытекающаго изъ кэриза ручья Керизъ-Илиасъ; по дорогѣ есть нѣсколько прѣсныхъ родниковъ, впадающихъ въ соленый ручей главнаго оврага, а въ сторонѣ отъ дороги есть колодцы; вообще чѣмъ ближе къ Гери-руду тѣмъ чаще вода.

У Керизь-Илиаса видны слѣды бывшихъ здѣсь когда-то полей, развалины башни и небольшого укрѣпленія; здѣсь пересѣкается одна изъ дорогъ изъ Кусана и Мосынъ-абада въ Серахъ съ дорогою изъ Зерева въ Кизиль-булакъ и Гюргѣнтъ; по обѣимъ въ прежнее время должно было происходить оживленное движеніе: вездѣ видны развалины башенъ и укрѣпленій. Въ 5 верстахъ отъ Керизь-Илиаса на востокъ недалеко отъ дороги два прѣсные колодца и небольшой родникъ Дынгли-чишме. Въ 10 верстахъ отъ Керизь-Илиаса мы вышли на пройденную въ апрѣлѣ дорогу къ роднику Кизиль-булакъ.

Не смотря на осеннее время, родникъ былъ довольно обилень, но вода застывалась въ камынахъ и пришлось долго расчищать болото, чтобы спустить загнвшую воду. Родники и колодцы здѣсь никто не чиститъ и потому послѣ жаркаго лѣта вода въ нихъ имѣетъ затхлый и горьковатый вкусъ; проводники говорятъ—вода соленая; дѣйствительно соленыхъ родниковъ и колодцевъ немного; остальные требуютъ только расчистки.

Главное зло загнвшихъ родниковъ—масса пивовъ (въ рѣчкахъ на равнинѣ и въ колодцахъ ихъ не бываетъ); онѣ при водоопѣ забиваются въ ротъ лошадиамъ и присасываются очень глубоко въ горло и только послѣ длинныхъ безводныхъ переходовъ, когда горло пересохнетъ, спускаются поближе къ железамъ, откуда ихъ можно вынимать. У нѣкоторыхъ лошадей только на десятый день по выходѣ изъ горъ были вынуты послѣднія пивки.

Въ путешествіи это большое зло: лошади становятся скучными, неохотно ѣдятъ и топаютъ. Случается, что отъ пивовъ страдаютъ и люди. При всемъ этомъ текинцы никогда не чистятъ родниковъ и не заботятся о предохраненіи себя отъ бѣды. Когда я сталъ рассказывать своимъ спутникамъ сколько труда при походѣ по Атреку стоило избавить неосторожныхъ солдатъ отъ забравшихся къ нимъ въ горло пивовъ, отбѣтъ были: „да отъ этого умерло не мало текинцевъ“, и затѣмъ только одинъ послѣдовалъ моему примѣру и пропустилъ воду для питья черезъ платокъ; остальные становились на колѣна и прямо тянули ее ртомъ изъ болота.

По остаткамъ костровъ и слѣдамъ, текинцы опредѣляли, что у родника прошлую ночь были вездники, мѣсто лагеря которыхъ означали дучи скорлупы фисташковыхъ орѣховъ. Одно изъ удобствъ этой мѣстности для разбоевъ, это возможность осенью вездѣ найти хотя какую нибудь пищу, отъ голода человѣкъ не умретъ; разбойники не могутъ взять съ собою въ дорогу много хлѣба и дополняютъ

недостатокъ его фисташками, собранными съ деревьевъ, которыя здѣсь по холмамъ въ изобилии.

Изъ Кизиль-булака въ Хомбоу (36 верстъ) дорога уже описана⁴⁾. Близи робата на берегу Шоръ-аба, по слѣдамъ животныхъ къ водопоймъ, мы нашли еще нѣсколько прѣсныхъ родниковъ; теперь они всѣ впадаютъ въ соленый ручей; очевидно, прежде ихъ отдѣляли и они-то служили для снаженія робата.

На сколько можно судить по времени, проведенному мною здѣсь (одна недѣля въ апрѣлѣ и одна недѣля въ августѣ), мнѣніе текинцевъ, что въ этой мѣстности не бываетъ хорошей погоды, вѣрно; хотя на равнинѣ было вполнѣ спокойно, здѣсь на югъ отъ Пуль-и-хатуна насъ преслѣдовали сильнѣйшіе сѣверные вѣтры, дувшіе на склонахъ горъ Борхутъ съ силою шторма. Часто набѣгали облака и на сѣверномъ склонѣ при нашемъ проходѣ оба раза шелъ дождь, впрочемъ очень мелкій, едва смачивавшій дорогу. На южномъ склонѣ горъ, вѣтры по мѣрѣ удаленія отъ нихъ становятся все слабѣе и на полъ-дорогѣ до Кусана уже вовсе неуловимы. Въ Персіи мнѣ объяснили, что страна, соседняя съ пройденною мною частью южной Турмении и имѣющая одинаковый съ нею климатъ, получила самое названіе *Бадхизъ*, именно отъ этого состоянія атмосферы: бадъ значитъ вѣтеръ; хастенъ (корень хызъ) подниматься, вставать. Текинцы произносятъ это названіе нѣсколько иначе; у нихъ нѣтъ никакихъ письменныхъ памятниковъ и потому всѣ названія съ теченіемъ времени измѣняются; особенно искажены собственныя имена, взятая съ другихъ языковъ: такъ и Бадхизъ у нихъ оборотился въ Бай-хызъ (богатая дѣвушка); въ своихъ письмахъ мухамъ и теперь пишутъ Мервъ, а ничего изъ текинцевъ не называетъ оазиса иначе какъ Мары; также персы говорятъ Кизиль-робатъ, текинцы Кизиль-арватъ; прежде Пянджъ-де называютъ Пенде; Чемеиъ-и-бидъ произносятъ Джевеневейдъ и т. д.

Текинцы и персы, съ которыми мнѣ приходилось говорить, называютъ горы между Хомбоу и Гери-рудомъ—Борхутъ, производя это имя отъ имени святаго дивана Борхутъ, жившаго здѣсь когда-то очень давно. Какъ и обо всемъ относящемся къ сколько нибудь отдаленному времени, текинцы знаютъ объ этомъ свитомъ очень мало: они не могутъ даже приблизительно опредѣлить времени когда онъ жилъ и чѣмъ замѣчательнъ; знаютъ только, что это былъ святой человѣкъ, съ людьми онъ не знался; питался фисташками и

⁴⁾ См. выше.

молокомъ дикихъ козъ; животныя его не боялись и не бѣгали отъ него. Вотъ все, что о святомъ Борхутѣ знали текинскіе муллы; персы объ немъ вовсе ничего не знаютъ, назваше же звали у текинцевъ.

Переночевавъ въ Хомбоу, мы спустились на равнину къ кусанской дорогѣ; потомъ, повернувъ на юго-востокъ, пошли вдоль горъ Борхутъ до пересѣченія съ горянской дорогой и отсюда стали подниматься на перевалъ. Персы были вполне правы, говоря, что дорога на Каруанъ-Ашанъ (что значитъ караванный проходъ) лучше идущей черезъ Хомбоу. Подъемъ съ юга и спускъ на сѣверную сторону почти нигдѣ не круче 0,02; перевалъ на 300 футъ ниже, чѣмъ у Хомбоу; горъ собственно нѣтъ нигдѣ; все бугры; Паропамизъ отдѣляется отъ Борхута пониженіемъ, по которому весьма легко проложить желѣзную дорогу, тѣмъ болѣе, что предгорія съ обѣихъ сторонъ дѣлаютъ всю мѣстность кругомъ болѣе возвышенною и слѣдовательно къ перевалу легко подойти; спускъ отъ Каруанъ-ашана къ Шебешу очень удобенъ, приходится пройти только черезъ невысокіе отроги (баиры) Паропамиза; къ Кусану же совершенно пологій. Родники есть съ обѣихъ сторонъ перевала; особенно обилень ручей, текущій на сѣверъ; онъ прекращается два раза, течетъ подъ гравіемъ и снова выступает на поверхность, обогащается новыми родниками и выходитъ на равнину. У Каруанъ-ашана былъ прежде пограничный афганскій караулъ; сохранились еще башни.

Въ Каруанъ-ашанѣ дорога изъ Мерва на югъ раздѣлялась на три: 1) въ Гератъ, 2) въ Шекнианъ и Горіанъ и 3) въ Кусанъ. Судя по развалинамъ поселеній и робатовъ, слѣдуетъ думать, что движеніе здѣсь было очень оживленное. Между Хомбоу и Каруанъ-ашаномъ есть еще нѣсколько проходовъ, которые, по словамъ туркменъ, хуже этого послѣдняго; ихъ весьма полезно осмотрѣть: неосторожно полагаться на мнѣніе текинцевъ о преимуществахъ того или другаго пути.

Въ 5 верстахъ отъ вершины перевала, уже въ долинѣ, мы прошли мимо развалинъ укрѣпленія; здѣсь брошенный кэризъ, сохранились слѣды полей; теперь сарыки и мервцы сдѣлали это мѣсто совершенно необитаемымъ; караваны не ходятъ и караула болѣе нѣтъ. Нѣсколько далѣе лежатъ развалины большого робата и видны слѣды обширнаго кладбища. Вода проводилась вѣроятно изъ описаннаго ручья по канавѣ и оттуда кэризомъ къ робату. Въ 1 часъ дня мы пришли въ Гюрлэнъ (20 1/2 в. отъ вершины перевала и 61 в. отъ Шебеша). Здѣсь изъ окрестныхъ бугровъ и кэриза вытекаетъ очень

богатый ручей; видны развалины калы и мельница, вообще слѣды большого поселенія; широкая эллиптическая долина была очень удобна для обработки; теперь ручей разлился, все мѣсто покрыто камышами. Послѣ остановки на 20 минутъ, чтобы напоить лошадей, мы продолжали путь въ Кэризъ-суме (34 версты отъ Гюрлэна), куда и прибыли къ 7 часамъ вечера по совершенно ровной дорогѣ, идущей почти прямо на сѣверъ. Дорога идетъ по широкой долинѣ; русло протекающаго здѣсь ручья въ августѣ было почти сухое и по сторонамъ покрыто налетомъ соли; вода въ сохранившихся лужахъ совершенно соленая. Близъ Кэризъ-суме слѣдовъ поселеній не видно; у дороги вырыты 3 колодца; вода на глубинѣ двухъ аршинъ имѣется только въ одномъ изъ нихъ, остальные засорены. Къ водѣ сдѣланъ пологій спускъ; она совершенно прѣсная, но затхлая отъ застоя. Корма кругомъ мало. Отсюда идетъ дорога въ Ахати и Кизиль-коя къ Чемеи-и-биду (по текински Джевенеидѣ) на Кумшѣ.

Въ 12 верстахъ отъ Кэризъ-суме развалины кирпичнаго караванъ-сарая Акъ-робатъ; при немъ нѣсколько колодцевъ съ прѣсною, но затхлою водою на глубинѣ 6 аршинъ. Корма мало.

Пунктъ этотъ очень важный; въ немъ сходятся дороги изъ Пенде, Мерва, Зуръ-абада, Герата и Кусана. Путь изъ Кэризъ-суме почти все время ровный, лишь на небольшомъ протяженіи пролегаетъ по пологимъ, невысокимъ глинянымъ буграмъ.

Приближаясь къ Акъ-робату, мы обратили въ бѣгство 4 человекъ, подъѣзжавшихъ туда же со стороны Адамъ-элэнъ. Мы остановились у колодца и одинъ изъ нашихъ людей, конечно соблюдая при этомъ всѣ требованія предосторожности, поѣхалъ перетоворить съ бѣгунцами, которые оказались мервцами; они просили позволенія явиться. Приняли, рассказали, что они калтаманъ (разбойники), вышли изъ Мерва грабить сарыковъ; ѣдутъ не прямою дорогою, а кружимъ путемъ на Шоръ-калу, Нязъ-абадъ, мимо Старога Сарахса на Адамъ-элэнъ и затѣмъ чрезъ Акъ-робатъ къ Муръ-абу. На прямой дорогѣ всегда много отправляющихся на грабежъ къ Мерву сарыковъ; разбойники же обихъ племенъ предпочитаютъ не встрѣчать другъ друга и нападать на безоружныя случайныя жертвы. По словамъ текинцевъ, Пенде, это — единственное направленіе, куда мервцы еще дѣлаютъ набѣги, но судя по тому, что мы говорили персы и что мы самому пришлось впоследствии видѣть, это не правда: хотя рѣдко, но мервцы ходятъ и въ сторону персовъ и афганцевъ, прикрываясь при этомъ именемъ сарыковъ. Мы уѣхали, оставивъ разбойниковъ на колодцахъ.

Изъ Акъ-робата дорога къ Кунгрюэли (28 верстъ) идетъ по глинянымъ буграмъ; колесная дорога здѣсь не потребовала бы никакихъ работъ, желѣзная—самыхъ незначительныхъ. На небольшомъ разстояніи на востокъ отъ дороги лежитъ соленое озеро Ерь-ойланъ—впадина глубиною до 20 саж.; дно покрыто солью, добываемая на западной половинѣ сарыками, на восточной мерирами; соль хорошаго качества, выламывается большими кусками; по восточную сторону озера идетъ дорога въ Ковнъ-куисы. Ерь-ойланъ значитъ провалъ земли; есть преданіе, что здѣсь когда-то была крѣпость, которая провалилась и на ея мѣстѣ явилось соленое озеро. На впадинахъ по дорогѣ во многихъ мѣстахъ бѣлый налетъ.

Въ Кунгрюэли, дожидая отставшихъ людей, мы расчистили одинъ колодезь; вода вовсе не соленая, а затхлая отъ застоя, какъ и слѣдовало предполагать: робата не построили бы у воды негодной для питья.

Перевалъ черезъ Каруанъ-ашанъ на столько лучше Хомбоу, что 8 верстъ отъ Кунгрюэли къ Акаръ-чипме, хотя не трудныя, но становятся худшими мѣстомъ на всей линіи; здѣсь дорога пересѣкается невысокій яръ, идущій отъ Зюлфагара, на востокъ; неровности встрѣчаются и на дорогѣ изъ Акъ-робата къ Ковнъ-куисы, хотя значительно меньшей высоты. Отъ Гюрэна до Пуль-и-хатунъ весною весьма много корма; теперь же его совсѣмъ не было; все выжжено. Текинцы говорятъ, что это происходитъ отъ неосторожности: закуривъ кальянъ, бросать огонь на траву, выгораютъ громадные пространства. Акаръ-чипме мы не узнали; камыши и трава кругомъ сгорѣли, родники засорены; вырытъ бассейны, въ которомъ стояла гниющая вода; вѣроятно, въ маѣ мѣсяцъ здѣсь пасли лошадей отряда Гухнухъ-дауле, такъ какъ по персидскому берегу неосторожные солдаты еще при маѣ выжили почти всю траву.

Изъ Акаръ-чипме по прежней дорогѣ прошли въ Адамъ-ѣлэна; здѣсь у колодца насъ догналъ одинъ изъ четырехъ калтамановъ, встрѣченныхъ въ Акъ-робатѣ; лошадь его захромала и онъ рѣшилъ вернуться съ нами; остальные три продолжали свою дорогу къ Пенде. Изъ Адамъ-ѣлэна прошли по ровной дорогѣ къ развалинамъ моста Пуль-и-хатунъ (30 верстъ). Ставши здѣсь, мы послали за ячменемъ, а главное за мясомъ въ поселене салмровъ, расположенное въ 3—4 верстахъ отъ развалинъ. Въ 6 дней единственную пищу моихъ текинцевъ составляли хлѣбъ и фисташки; я же хлѣбъ, загнившій вълѣдствіе жары на третій день, замѣнялъ варенымъ рисомъ; запасъ мяса лѣтомъ дѣлать нельзя, куръ же въ Зуръ-абадѣ мы

не нашли. Выступая, мы надѣялись на охоту, но текинцы плохія стрѣлки: мы встрѣчали много жирановъ (антилопъ); было потрачено не мало патроновъ и ничего не убито. Кабановъ считать нельзя, такъ какъ лѣтомъ это очень вредная пища. Также лучше вовсе обходиться безъ мяса, чѣмъ прибегать къ консервамъ; въ большія жары организмъ ихъ совершенно не выноситъ. Съ припасами явилось въ лагерь и нѣсколько салмровъ, сообщившихъ подробности о посланной за нами изъ Зуръ-абада погонѣ. Я снялъ фотографію моста и, пользуясь низкою водою, точно измѣрилъ развалины. Все разстояніе между наружными пятами крайнихъ сводовъ 28½ саж. Изъ нихъ 4 быка неровной толщины занимаютъ 9½ саж., а для пропуска воды служатъ пять патроновъ въ общей сложности 19 саж. Первый отъ туркменскаго берега имѣетъ 4 саж., затѣмъ два по 5 саж., и наконецъ у персидскаго берега по 2½ саж. Разрушена часть арки средняго пятисаяннаго пролета. Ширина моста не много болѣе 2 саж. Мостъ сохранился довольно хорошо, трещинъ въ сводахъ нигдѣ не видно; въ случаѣ возобновленія средней арки онъ и теперь годится для вѣснаго движенія. Подмывовъ у быковъ нигдѣ нѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облицовка ихъ на горизонтѣ высокой воды сорвана теченіемъ; исправленія здѣсь были бы вообще не трудны, такъ какъ отъ конца юлія до декабря мостъ поны на сушѣ: только подъ однимъ, двумя пролетами бываетъ по 2—3 верста воды.

Вечеромъ на привалѣ меня встревожилъ калтаманъ, присоединившійся къ намъ; онъ все бродилъ по лагерю, какъ бы высматривая что-либо; это было тѣмъ болѣе подозрительно, что лошадь его, съ тѣхъ поръ какъ онъ съ нами ѣхалъ, не хромала; конечно могло быть, что она поправилась, но еще вѣроятнѣе было, что все сказанное ложь и что мерзвецъ желаетъ ночью пастъ ограбить или по крайней мѣрѣ угнать лошадей; товарищи его могли быть недалеко. Но мои текинцы объявили, что всѣ хорошо знаютъ разбойника и ручаются за него; въ виду этого я его не удалилъ, но приказалъ ночью лежать спокойно и не ходить по лагерю, предупредивъ, что пустое недоразумѣніе въ такомъ опасномъ мѣстѣ можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Утромъ на слѣдующій день оказалось, что я принималъ предосторожности не съ той стороны, гдѣ слѣдовало. Мой афганецъ Маммедъ-аламъ бѣжалъ, укравъ лучшую лошадь, ружье и нѣсколько мелкихъ вещей. Преслѣдовать мы не могли: побѣгъ произошелъ около 1 часа ночи, оставшіеся лошади все были хуже и угонены;

я предложил награду в 100 рублей за возвращение ружья и лошади. Сначала охотников между салрами набилось много, но когда узнали, что негодий уезз скорострельное ружье, то все отказались. Сто рублей очень приличительная сумма, но отнять ружье и лошадь без борьбы, конечно, было нельзя, а одно название „созонъ“ ^(*) всегда останавливает самого предприимчивого турмена. Стали припоминать: оказалось, Маммед задумал бегство гораздо раньше; когда в Мешхеде я у него потребовал отчет в даных ему на надежды его попользоваться во время путешествия не оправдываются, он стал ждать случая сблать что можно; уже в Акяр-чине он просил позволения на ночь поставить лошадей на гору, подь предложом, что там корм лучше. В Пуль-и-хатунь он объявил караульным, что не будет спать всю ночь, что они могут ложиться, увел лошадь переводчика и усакал на ней по дорогѣ къ Адамъ-еланъ, вбродно направляясь через Хомбоу в Афганистанъ.

Мы продолжали путь по восточному берегу Гери-руда; дорога ровная; желѣзная дорога можетъ быть проведена по берегу до пункта за три версты южнее Ширъ-тепе; здѣсь бугры удалены отъ воды на 50—100 саж. и рѣка имѣетъ пологіе берега. За три версты отъ Ширъ-тепе начинаются берега крутые и обрывистые и потому здѣсь надо подняться на слегка волнистую возвышенность до 5—6 саж. надъ водою и идти по ней до Наурузъ-абада, далѣе по такой-же возвышенности (10—15 саж. надъ водою) вдоль берега между рѣкою и существующею теперь выпюпою дорогою, по которой мы шли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Мѣсто можетъ быть пройдено безъ затрудненій. Бугры кончаются и все дороги пойдутъ по равнинѣ отъ Даулетъ-абада. У этого пункта расположены плотины, направляющія воду въ теперешніе каналы къ Старому Сераху и видны остатки прежней плотины у каналовъ къ Шоръ-кадъ и далѣе.

Изъ Даулетъ-абада сначала вдоль берега Гери-руда, а потомъ по прежней дорогѣ мы прошли въ поселеніе мервцевъ и салмировъ у Старого Серакса.

Въ заключеніе описанія пройденныхъ по Южной Турменіи путей я приведу выводы изъ данныхъ, добытыхъ при обоихъ путешествіяхъ, относительно проведенія здѣсь желѣзной дороги.

(*) Искоренное *сузонъ*, что значитъ по персидски игольчатый и прилагается ко всякимъ скорострѣльнымъ ружьямъ.

Линію отъ Серакса на югъ всего выгоды вести вдоль Гери-руда до Пуль-и-хатунъ; персидскій берегъ роще турменскаго и мѣсто у Пуль-и-хатунъ очень удобно для постройки моста. Но если-бы почему либо встрѣтились къ этому препятствія, то и восточный берегъ вполне пригоденъ для проложенія линіи желѣзной дороги, какъ описано выше; главное преимущество этого направленія по тому или другому берегу — обиліе воды. Версты за три съверхъ развалитъ моста надо повернуть на Адамъ-еланъ, Акяр-чине, Акъ-робатъ, Гюрзанъ, Шебенъ и Горианъ. Необходимо при этомъ изучить еще перевалы между Каруанъ-ашаномъ и Хомбоу. Также важно осмотрѣть, нельзя-ли обойти упомянутый выше кражъ, идущій отъ Зюлфатара на востокъ между Кунгрюзли и Акяр-чине; кражъ начинается не прямо отъ Келетъ-коя, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и, судя по осмотрѣнной части мѣстности и разпросамъ объ остальной, линія можетъ быть проведена отъ Пуль-и-хатунъ по восточную сторону Келетъ-коя къ Кязъ-Иліасу, а далѣе близъ Кизиль-булака къ Гюрзану.

Въ виду недоразумѣній, бывшихъ въ Зуръ-абадѣ, я предпочелъ не ѣхать въ персидское укрѣпленіе Серахъ, и остановился на восточномъ берегу у туркменъ и близъ шалаша старшины Папушъ-Пелвана. Здѣсь все было въ смутѣ: пользуясь беззащитностью туркменъ, персы съ нихъ сначала взяли подать, а потомъ потребовали, чтобы жители имъ продали остальную пшеницу по низкой цѣнѣ и сами переселились къ Мешхеду или же уѣхали обратно въ Мервъ. Туркмены перевезли семейства въ Чача и ждали рѣшенія своей участи изъ Мешхеда. Персидскіе часовые стояли по полямъ и не позволяли жителямъ пользоваться собраннымъ ими хлѣбомъ. Просьбы о заступничествѣ я отклонилъ, не имѣя никакого права вмешиваться въ дѣла персовъ съ текинцами; старшины спрашивали, что имъ дѣлать: они прекратили разбой, конечно, не изъ страха персовъ, а вслѣдствіе ужаснаго наказанія, постигнаго ахалцеевъ; теперь же сами персы ихъ раздражаютъ притѣвленіями; при этихъ условіяхъ трудно удержать буйную часть населенія отъ возвращенія къ грабежамъ.

Пока я расположился у Папушъ-Пелвана и писалъ письма въ Асхабадъ, комендантъ Серакса Сертибъ-Аббасъ-ханъ узналъ о моемъ прѣѣздѣ и тотчасъ прискакалъ съ большою свитою. Онъ меня поздравилъ съ благополучнымъ окончаніемъ втораго путешествія по столь опаснымъ мѣстамъ и сталъ упрекать, что я предпочелъ текинскій шалашъ дому стараго друга. Я ему объяснилъ все недо-

разумнѣя, бывшія у меня съ персидскими властями. Ханъ сказалъ, что онъ уладилъ дѣло, относительно того, что я въ первый прїѣздъ въ Пуль-и-хатунъ не сдѣлалъ визита принцу Рухнуд-Дауле. Принцъ былъ сначала очень обиженъ, но удовлетворился объясненіемъ, которое я тогда же просилъ сергиба передать, что въ путешествіи не имѣю платья, въ которомъ-бы можно явиться столь высокому лицу, какъ зять персидскаго шаха. Но это не должно быть препятствіемъ въ подобныхъ случаяхъ: русскій даже въ текинскомъ халатѣ болѣе дорогой гость, чѣмъ кто-бы то ни было въ шелкѣ и бархатѣ. Много смѣялся ханъ надъ зуръ-абадскимъ происшествіемъ; особенно забавенъ былъ эпизодъ преслѣдованія по той дорогѣ, гдѣ знали, что меня нѣтъ. Этотъ способъ выйти изъ затрудненія всѣ находили очень остроумнымъ.

Вечеромъ я сдѣлалъ визитъ хану и встрѣтилъ у него нѣсколько человѣкъ изъ Мосинъ-абада; они мнѣ сообщили, что послѣ моей первой поѣздки мѣстность между Муртъ-абомъ и Гери-рудомъ перестали полковникъ Стюартъ. Окончивъ работы въ Сеистанѣ, онъ прїѣзжалъ въ Мосинъ-абадъ, откуда направился на Вешъ-робатъ, Гюрзанъ и Ислимъ-чишме и по этой-же дорогѣ вернулся обратно.

Нѣсколько позже, осенью 1882 года, еще одна дорога по Бадхызу пройдена двумя русскими путешественниками: капитаномъ Гладышевымъ, опредѣлявшимъ астрономическіе пункты, и подпоручикомъ Хабаловымъ, производившимъ съемки. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Хабаловымъ, они прошли изъ Мосинъ-абада въ Бенти-каризъ и перешли по трудной дорогѣ черезъ горы Борхутъ у родника Яки-тутъ (западнѣе переваловъ Хомбоу и Каруанъ-апанъ); далѣе прошли въ Кизилъ-булакъ (названный ихъ проводникомъ Туланъ-чишме), направляясь въ Акъ-робатъ; но проводникъ не сумѣлъ найти этого пункта и провезъ ихъ черезъ Адамъ-еленъ въ Серахсъ; такимъ образомъ положеніе Акъ-робата до настоящаго времени не опредѣлено астрономически и нанесено на карту по моей маршрутной съемкѣ.

III.

Дорога изъ Серакса въ Мервъ.

Въ Серахсѣ мы прибыли 22-го августа. Здѣсь я собралъ своихъ текинцевъ и объявилъ имъ, что намѣренъ вернуться въ Асхабадъ не прямо черезъ Атекъ, а кружнымъ путемъ черезъ Мервъ, Чарджуй и Хиву. Первое препятствіе и легко устранилъ: текинцы мало

кормили своихъ лошадей и онѣ такъ утомлены, что не могутъ идти далѣе, но въ Мервѣ у всякаго теке есть родственники и онѣ могутъ обмѣнять лошадей; придачу при обмѣнѣ я уплачу, но, конечно по возвращеніи въ Асхабадъ; такимъ образомъ, въ видѣ награды, мои спутники пріобрѣтали лучшихъ лошадей, для меня же въ Мервѣ являлось нѣсколько человѣкъ, денежно заинтересованныхъ въ моемъ благополучіи. Этими соображеніями никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ дѣлахъ съ туркменами. Обмѣнъ денегъ устранило затрудненіе и явился необходимость выбирать, кто поѣдетъ далѣе и кто вернется въ Асхабадъ.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ, впереди было много безводныхъ переходовъ; лошади же могутъ идти безъ воды не болѣе двухъ дней и слѣдовательно запасы ей придется брать съ собою, нанималъ для этого верблюдовъ. При этомъ каждый не необходимый человѣкъ — только затрудняетъ движеніе. Пять текинцевъ я отправилъ въ Асхабадъ, а съ пятью рѣшилъ ѣхать далѣе. Такимъ образомъ сначала 19, а потомъ 5 человѣкъ — вотъ отрядъ¹⁾, который, по словамъ Вамбери, сопровождалъ меня въ моихъ путешествіяхъ; при спокойномъ состояніи степи, это было вполне достаточное прикрытіе.

Оставался еще одинъ вопросъ: къ обсужденію его я пригласилъ и старшинъ жившихъ у Серакса текинцевъ. Я хочу проѣхать въ Бухару, но пройду черезъ Мервъ только въ такомъ случаѣ, если меня тамъ приютятъ дружественно, какъ гостя. Всѣ единогласно заявили, что сомнѣваться въ этомъ нечего, что ханъ будетъ рады моему посѣщенію и сочтутъ за честь прїѣхать къ нимъ въ гости русскаго бейра (такъ называютъ русскихъ въ форменномъ платьѣ, а первый являлся въ такомъ костюмѣ въ Мервѣ. Бывшія до меня тамъ лица путешествовали неродѣтыми). Я вѣрилъ этимъ заявленіямъ; они вполне согласовались съ собранными мною свѣдѣніями, которыми и считалъ необходимыми провѣрить лишь въ виду разногласій, бывшихъ по этому поводу въ Асхабадѣ. Хотя караванъ съ красными товаромъ куца Коншина, бывшій въ январѣ и февралѣ 1881 г. въ Мервѣ, вернулся вполне благополучно, но все же были толки объ опасностяхъ, которымъ онъ будто-бы подвергся; даже толковали, что караванъ спасенъ отъ гибели лишь близостью русскихъ войскъ. Эти извѣстія были немедленно напечатаны съ приличными комментаріями въ англійскихъ газетахъ,

¹⁾ „Русскій отрядъ дѣйствительно достигалъ Серакса, но отрядъ этотъ личная охрана Лессара“, говорилъ Вамбери корреспонденту газеты „Standard“

но возбуждали къ себѣ мало довѣрія въ людяхъ ближе знакомыхъ съ дѣломъ.

Никто не будетъ утверждать, что русскіе заслужили любовь мерцевъ. Что же дѣлать? Сила, сбѣгающая разбой, не можетъ разсчитывать на симпатіи разбойниковъ; угнѣніемъ могутъ служить благословенія, съ которыми произносятся имя Россіи среди сосѣдей мерцевъ. Но любовь и не требуется для безопасности. Штурмъ Геюкъ-тене еще слишкомъ недавнее дѣло, чтобы въ Мервѣ нашлось много людей, помышляющихъ о борьбѣ съ Россією; съ другой стороны мерцы, знакомыя съ русскими, видятъ, что съ ними не такъ плохо жить, какъ прежде думали, и потому едва ли скоро рѣшатся на враждебныя дѣйствія. Конечно, могутъ быть отдѣльные разбои, но едва ли жители оазиса поддержать человѣка, который нападетъ на русскаго.

Я не вѣрилъ опасностямъ, ожидавшимъ русскаго путешественника въ Мервѣ. Конечно, не надо придавать значенія пустымъ толкамъ; при зависти одного племена къ другому, если تکنичеіъ замѣтитъ безпокойство пробѣжающаго, то, чтобы доказать свою преданность и что-либо за это получить, онъ не пропуститъ случая заявить, что такой-то ханъ и такое-то племя замышляютъ недоброе; но если переговорить съ опаснымъ ханомъ или его людьми, то тѣ же обвиненія посыпятся на перваго собесѣдника; понятно, на сколько всѣ эти заявленія заслуживаютъ довѣрія.

Изъ Серакса мы выступили 23-го августа на разсвѣтѣ, сопровождаемые людьми, которые должны были вернуться въ Асхабадъ; на дорогу каждый считалъ обязанностью надавать совѣтовъ, какъ дальѣ идти; особенно усердствовалъ проводникъ Ана-Гельди-сердаръ, который не могъ явиться въ Мервъ, боясь мести за совершенное тамъ убійство; онъ сообщилъ, что дорога къ Мерву очень опасна, бродятъ шайки сарыковъ; особенно осторожно надо идти между Шегитли и Дашъ-робатомъ въ пескахъ Куче-кумъ; здѣсь бугры и лѣсъ позволяютъ устраивать засады; увидишь разбойника, только когда онъ схватитъ за горло, и т. д.

Дорога шла брошенными полями на сѣверъ вдоль сухаго арыка. Земли у Староа Серакса считаются одними изъ лучшихъ, когда дѣло принадлежитъ туркменамъ. Самыя плодородныя мѣста отъ Касабъ-калы къ Старому Сераху, Коушютъ-калы и Ниязъ-абаду; въ Наурузъ-абадѣ земля хорошая, но ея мало (на 15—20 дворовъ); по холмамъ же, которые на туркменскомъ берегу весьма близки къ рѣкѣ, отличная пастбища; салыры, жившіе у Староа Серакса, всегда по-

сылали свои стада къ Наурузъ-абаду и Шоръ-калѣ; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ земля солончатая и негодна къ обработкѣ: сюда былъ проведенъ изъ Гери-руда каналъ, дававшій солоноватую воду; проба посѣять хлѣбъ была весьма неудачна, едва собрали сѣмена; напротивъ скотоводство идетъ здѣсь весьма успѣшно. На 16-ой верстѣ отдѣляется дорога въ Кумъ-гузеръ и на 17-ой проходить у большого бугра; какъ самый бугоръ, такъ и окрестности его покрыты битымъ кирпичемъ отъ бывшаго здѣсь прежде укрѣпленія и жилищъ. Мѣстность все понижается до развалинъ текинскаго укрѣпленія Ниязъ-абадъ (18 верстъ отъ Серакса). Колодезь здѣсь одинъ, обдѣланъ кирпичемъ; глубина до воды 9 аршинъ. Вода сильно солончатая и имѣетъ затхлый вкусъ, впрочемъ лошади пьютъ ее охотно, люди же только при сильной жаждѣ. „На аламанакъ эта вода считается хорошею“, понесли تکنичеіъ.

За Ниязъ-абадомъ мѣсто сначала ровное, потомъ дѣлается слегка волнистымъ и покрыто кустарникомъ; грунтъ на 10 верстахъ песчаного-глинистый, не представляющій затрудненій для движенія. На 21 верстѣ дорога пересѣкается нѣсколькими оросительными каналами, выходящими изъ большаго арыка, когда-то проводившаго воду изъ Даулетъ-абада къ Шоръ-калѣ и дальѣ почти до Шегитли; здѣсь же видны слѣды прежнихъ полей. Грунтъ дороги до самой Шоръ-калы вездѣ твердый; справа виднѣются бугры песковъ, покрытие кустарникомъ.

Шоръ-кала (37^{1/2} верстъ отъ Ниязъ-абада) развалины обширнаго укрѣпленія и отдѣльно стоящихъ домовъ. Въ 4 часа мы подъѣхали къ двумъ колодцамъ, расположеннымъ недалеко отъ укрѣпленія, на днѣ канала, проводившаго сюда воду изъ Даулетъ-абада вода соленая, нищѣ придастъ горьковатый вкусъ; лошади питью охотно. Яма, дающая воду, вырыта на днѣ углубленія въ арыкѣ. По совѣту текинскаго разбойника, сопровождающаго насъ изъ Адамъ-ѣзана, мы остановились на почлегъ въ сторонѣ отъ дороги, въ 200 саж. отъ колодезя на бугрѣ. Часомъ до двѣнадцати تکنичеіъ, боясь сарыковъ, сидѣли и разговаривали чтобы не заснуть; затѣмъ усталость взяла верхъ и мы пришлось раза два будить часовато.

Чтобы поспѣть въ Мервъ къ ночи, пришлось встать очень рано; развели костры для чайниковъ; два تکنичеіъ отправились понтъ лошадей, но тотчасъ же вернулись; у колодезя были люди; кто та-кіе и сколько — нельзя разсмотрѣть, но много; сейчасъ же спутали лошадей, приготовили ружья и двухъ человѣкъ послали на рекогноспировку. Черезъ нѣсколько времени послышалось: ой! ау! — обик-

повенные возгласы текинцев для начала переговоров съ дальняго расстоянія: „кто вы такіе?“ спрашивали мои спутники; „а ты кто такой?“ былъ отвѣтъ:—„теке, сичмазъ.“ Пошелъ экзаменъ: „а кого знаешь въ Мервѣ изъ племени?“ Отвѣчающій старался высказать возможно болѣе подробностей, доказывающихъ его дѣйствительную принадлежность къ племени сичмазъ. Потомъ то же сдѣлали люди у колодезя и когда обѣ стороны убѣдились, что сарыковѣ нѣтъ, то обнялись и мои люди узнали, что мервцы пришли недавно и подкрадывались къ нашему лагерю: они насъ приняли за персидскій караванъ и только ходившій часовой остановилъ ихъ намереніе кинуться на насъ; они обсуждали какъ поступить, когда у насъ развели костры; возможность нечаяннаго нападенія миновала, а открыто это сдѣлать 20 человѣкъ не рисковали бы.

Мы выступили, едва стало разсвѣтать. Грунтъ по прежнему песчано-глинистый, количество песку все увеличивалось; справа бугры выше и кустарникъ чаще; слѣва, напротивъ, рѣже и мѣстность покрыта болѣею частью лишь колючкою и сорными травами. На первомъ 5 верстахъ отъ Шоръ-калы каналъ изъ Даулетъ-абада идетъ вдоль дороги, затѣмъ сворачиваетъ къ пескамъ и болѣе мы его не видѣли; по словамъ текинцевъ, онъ шелъ почти до Шегитли, но въ настоящее время засыпанъ песками. На 18-ой верстѣ дорога вошла въ болѣе высокіе пески; бугры до 2 саж. высоты покрыты кустарникомъ; самая дорога извивается между ними по твердому грунту, не трудному для лошадей. Въ 2½ верстахъ не доѣзжая Шегитли отдѣляется дорога въ Коушутъ-каду на Тедженъ. У этого раздѣленія дорогъ видно болѣе сотни отверстій полузасыпанныхъ колодезевъ, вырытыхъ въ 1860 г. персидскою арміею, шедшею на Мерв; они лежатъ у самой дороги и по сторонамъ ея. Персы здѣсь останавливались надолго. Колодезь Шегитли (28½ верстѣ отъ Шоръ-калы)—среди маленькаго такира, окруженнаго неширокими грядами сыпучаго песка. Колодезь обдѣланъ сакаулумъ, идетъ внизъ расширяясь; глубина 8 аршинъ; воды много, но въ настоящее время она мало разбирается и гниетъ; запахъ сѣрнистаго водорода, впрочемъ исчезающій при кипяченіи, текинцы объясняютъ тѣмъ, что сарыки испортили колодезь, бросивъ туда трупъ осла, съ тѣмъ чтобы затруднить преслѣдованіе своихъ разбойниковъ. Вообще вода въ колодезяхъ Шегитли считается лучшею по всей дорогѣ. Нѣкоторые лошади пьютъ эту воду неохотно вслѣдствіе ея запаха; чтобы его заглушить, достаточно при водоюфъ поднести къ носу лошади кусочекъ зажженнаго войлока; не чувствуя непріятнаго запаха, лошади отъ

воды болѣе не отворачиваются и пьютъ ее охотнѣе, чѣмъ солоноватую воду въ Шоръ-калѣ.

Дорога отъ Серахеа къ Шегитли все понижается; гдѣ-то около этихъ колодезевъ и находится самая низкая точка ея, до которой могла бы быть проведена вода изъ Гери-руда. Далѣе на сѣверъ идетъ подъемъ къ Мерву; Дашъ-робатъ уже получалъ воду изъ Муртъ-аба. Высота Мерва надъ уровнемъ моря совершенно неправильно показывается на прежнихъ картахъ въ 1900 футовъ; по нѣсколькимъ барометрическимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ разное время года, высота Мерва около 800'.

Шегитли—последняя вода до оазиса; верстахъ въ трехъ отсюда на сѣверъ песчаные бугры становятся выше, кустарникъ обращается въ деревца сакасула и гребенщика; грунтъ, впрочемъ, болѣею частью твердый; только изрѣдка перебѣгаютъ дорогу кражи сыпучаго песка шириною въ двѣ, три сажени; да мѣстами нанесенъ съ боковъ слой песка. По сторонамъ деревья какъ бы выровнялись, образуя аллею, откуда это мѣсто и получило свое названіе; это и есть Куче-кумъ (куче улича, кумъ песокъ); длина его около 5 верстѣ. По разсказамъ текинцевъ, сарыки часто пользуются благопріятными условіями этой мѣстности для нападенія на мервскіе караваны. Далѣе мѣсто дѣлается ровнѣе, пески уменьшаются и попадаются неширокими отдѣльными грядами, кустарникъ исчезаетъ и замѣняется колючкою и сорными травами.

Дашъ-робатъ (18½ верстѣ отъ Шегитли)—довольно хорошо сохранившіеся развалины большаго кирпичнаго робата, напоминающаго Вешъ-робатъ въ Персіи. Надписей нѣтъ, такъ какъ фронтонъ получали воду изъ Муртъ-аба каналомъ. Далѣе до оазиса мѣстность такая же, какъ отъ Куче-кума до робата. Въ 15 верстахъ отсюда мы пересѣкли первый каналъ; воды въ немъ впрочемъ не было. Здѣсь вездѣ почва глинистая, покрытая густою колючкою, составляющей прекрасный кормъ для верблюдовъ, которые сюда и выгоняются на пастбу. Сады Мерва уже видны и въ 5 верстахъ отъ перваго сухаго арыка мы подошли къ прѣсной водѣ: это два колодца, глубиною 2 саж.; сначала идетъ широкая яма сажени полторы въ діаметрѣ, затѣмъ узкое отверстіе, выложенное камнемъ, въ которомъ и держится вода. Крутомъ колодца приспособленія для водоюпа стада; на ночь скотъ угоняется въ укрѣпленія, изъ страха сарыковъ. Остановившись здѣсь на ночлегъ, мы должны были дожидаться возвращенія текинца, котораго я послалъ предупредить

хановъ о моемъ приѣздѣ; ночью посланный вернулся съ извѣстіемъ, что ханы очень рады посѣщенію и къ утру приишутъ людей меня встрѣтить и проводить въ Мервѣ.

IV.

Мервѣ.

Ханы въ Мервѣ смѣняются очень часто; въ августѣ 1882 г. положение дѣлъ было слѣдующее. Какъ извѣстно, мервцы дѣлятся на два большія племени, каждое съ двумя главными подраздѣленіями: отамыши состоятъ изъ племенъ бакши и сичмазъ; тохтамыши — изъ бекъ и векиль. Нынѣшніе наслѣдственные ханы въ обоихъ племенахъ люди безхарактерные, мало способные и не пользуются никакимъ авторитетомъ. Въ началѣ 1882 года, отамыши выбрали себѣ главою Майлы, внука Оразы, бывшаго ханомъ надъ всѣмъ Мервомъ, и сына Берди-Ніаза и племянника Аманъ-Ніаза, двухъ послѣднихъ хановъ отамышей. Но Майлы-ханъ оказался на столько слабъ и не уметь, что никто его не признавалъ и въ іюль того же года бакши выбрали себѣ ханомъ Сары-батыры, человѣка не родовитаго, но очень умнаго и хитраго; въ октябрѣ Майлы былъ снова выбранъ ханомъ; а въ декабрѣ все еще разъ перемѣнилось: у бакши ханомъ опять Сары-батыры, а у сичмазъ Бекъ-Мурадъ, довольно извѣстный разбойникъ, очень обижавшій О'Донована во время его пребыванія въ Мервѣ.

Еще хуже ханы у тохтамышей. — Баба-ханъ, сынъ извѣстнаго побѣдителя персовъ въ 1860 г. Кошутъ-хана (племени бекъ), и Юсупъ-ханъ, сынъ не менѣе извѣстнаго защитника Геокъ-Теле въ 1879 году, Нуръ-Верди-хана (племени векиль); оба не пользуются никакимъ значеніемъ среди своихъ соплеменниковъ. У тохтамышей теперь глава Кара-дули-ханъ, человѣкъ не родовитый, но замѣчательно честолюбивый и энергичный. Впрочемъ и эти ханы имѣютъ весьма мало значенія. Чтобы повѣсть строй жизни мервцевъ, надо прежде всего принять во вниманіе, что это не есть народъ, соединяемый какими-либо ясно сознаваемыми общими интересами; это очень большая воровская шайка. Для нея, конечно, никакого правительства не нужно; достаточно два-три постановленія о дѣлѣхъ доблчи и нѣсколько условныхъ правилъ, какъ жить сосѣдямъ, не грабя другъ друга. Только большая плотина на Мургабѣ, распределяющая воду по всему оазису, дѣло для всѣхъ оди-

наково важное; когда высокія воды рѣки прорываютъ плотину, что случается каждыя 12—15 лѣтъ, то весь оазис переноситъ величайшія бѣдствія. Поэтому — то вопросъ о поддержаніи ея и есть единственный, въ который внесенъ нѣкоторый порядокъ; тутъ что рѣшатъ собравшіеся акт-сакалы всѣхъ племенъ всегда приводится въ исполненіе. Во время опасности отъ внѣшняго врага какая-нибудь партія захватываетъ власть въ свои руки и, пользуясь общимъ страхомъ и непривычкою племенъ сплотиться для общаго дѣла, заставляетъ всѣхъ исполнять свою волю. Въ началѣ 1880 г. Махдумъ-гули-ханъ и Тимъ-сердаръ разбѣжали по поселеніямъ Ахала, сопровождаемые шайкою приверженцовъ, и угрозами и убійствами заставляли всѣхъ принимать участіе въ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Другихъ общихъ дѣлъ у текинцевъ нѣтъ: каждое подраздѣленіе племени заботится только о себѣ; при этомъ относительно пользования самомъ небольшимъ канавою постоянные споры и драки. Маслагать (совѣщаніе) хановъ и старшинъ никогда ничѣмъ не кончается: кричатъ, толкуютъ и разойдутся; кто хочетъ, исполняетъ то, что ему приказалъ ханъ; не хочетъ, поступаетъ какъ найдетъ для себя удобнѣе.

Люди враждебные или несочувствующіе предмету обсужденія на маслагать не являются вовсе, зная, что принятое рѣшеніе ни для кого не обязательно. Также производятся выборы въ ханы: кандидатъ зарѣжетъ нѣсколько барановъ и угощаетъ своихъ сторонниковъ; всѣ нежелающіе его признавать не являются на избраніе; иждь все равно знаніе только номинальное и никакого значенія не имѣетъ: носить его — вопросъ самолюбія; текинцы оказываютъ нѣкоторые наружные признаки почтенія ханамъ, такъ какъ отвѣтомъ на это бываетъ угощеніе со стороны этихъ послѣднихъ; но говорить нечего, что никто бы не сталъ повиноваться хану, который бы попробовалъ проявить чѣмъ нибудь свою власть, напримеръ, собираемъ подати или т. п.

Лучшимъ доказательствомъ неспособности мервцевъ къ какому бы то ни было общему дѣлу служить неумѣніе ихъ справиться съ сарыками, которые, не смотря на свою малочисленность, держатъ въ страхъ весь мервскій оазисъ и дѣлаютъ почти невозможнымъ торговое движеніе между нимъ и сосѣдними странами. Стоило бы текинцамъ собраться вмѣстѣ и Пенде перестало бы существовать. Вмѣсто этого каждое отдѣльное племя предпочитаетъ отправлять небольшія шайки по 4—5 человѣкъ, которыя подбираются къ окрестностямъ сарыкскихъ поселеній, увозятъ оттуда женщинъ и

дтей и угоняют скотъ; въ Мервѣ близъ деревень, выставлены сторожевые посты; объ общей системѣ защиты оазиса нѣтъ и рѣчи.

Выбранный ханъ остается таковымъ недолго: сейчасъ же является партія недовольныхъ, подготавливающая новаго кандидата, отъ котораго требуется лишь нѣкоторая ловкость, чтобы интриговать противъ соперника, а главное—достаточныя средства для угощения своихъ сторонниковъ; если нѣтъ никого на примѣтъ, то снова выбираютъ одного изъ наслѣдственныхъ хановъ, такъ какъ они всѣ люди со средствами. „Кто же у васъ теперь ханъ?“ спрашивали и отамышей, привезшихъ мнѣ вѣсти о бывшемъ переворотѣ. — „Да оба“, отвѣчали они: „и Майли-ханъ и Сары-батыръ“. Одинъ изъ моихъ людей презрительно замѣтилъ: „вѣрно дѣлать было нечего, что занялись избраніемъ новаго хана“. Долго спорили главы племенъ, у кого поставить для гостей кибитку; верхъ взяли Сары-батыръ, люди котораго и придутъ за нами. Каждый желалъ похвастать гостемъ, а главное звать къ себѣ проѣзжающаго, чтобы что-либо съ него заработать, такъ какъ всѣ знали, что русскіе за услуги хорошо платятъ.

Въ октябрѣ Майли былъ снова избранъ ханомъ; по приглашенію его, я прѣѣзжалъ во второй разъ въ Мервѣ, присутствовалъ при его избраніи и имѣлъ случай лично убедиться въ справедливости собранныхъ первоначально изъ разспросовъ свѣдѣній, приведенныхъ выше.

25-го августа, въ 6 часовъ утра явились посланные Сары-батыря; по дорогѣ къ его поселенію, изъ деревень сбѣгались люди, подскакивали всадники, съ жестикуляціей и обыкновенными перемѣнами интонаціи заводили съ моими спутниками шумные разговоры, впрочемъ не заключавшіе въ себѣ ничего враждебнаго: въ селеніяхъ, желая мени лучше разсмотрѣть, каждый зазывалъ моихъ людей покурить чилимъ (такъ текинцы называютъ кальянъ). Посланные Сары-батыремъ люди простили извинить народъ; они знаютъ, что русскіе не любятъ, чтобы на нихъ собирались глѣдѣть, но всякому хочется увидѣть бояра.

Длина дороги, отъ колодезя, гдѣ мы ночевали, до поселенія Сары-батыря 6 верстъ, оттуда до Коушютъ-ханъ-валы также около 6-ти верстъ. Всего до этого послѣдняго пункта отъ Серахса считается 6 мензиль (верблюжьихъ переходовъ, приблизительно по 20—22 версты); по моимъ съемкамъ получилось почти то же, именно 130 верстъ.

Ханы меня встрѣтили у кибитки; пошли разспросы о здоровьѣ,

какъ прошли путь и т. п. Ханамъ передали мой вопросъ о пріемѣ, ожидающемъ меня въ Мервѣ, и они просили, чтобы я считалъ себя какъ дома, вѣдь у текинцевъ одинъ братъ живетъ въ Ахалѣ, другой въ Мервѣ; развѣ есть разница между обѣими странами. Долго шелъ обменъ привѣтствій и любезностей, при чемъ было замѣтно, что Майли-ханъ очень недоволенъ тѣмъ, что я достался Сары-батырю; одинъ изъ однихъ являлись разныя почтенныя лица въ праздничныхъ нарядахъ; почти всѣ они бывали въ Асхабадѣ и были очень заинтересованы тѣмъ, что тамъ дѣлается. Мервцы при проѣздѣ являются русскимъ властямъ и въ разговорѣ каждый старался похвастать предъ слушателями, что онъ былъ у генерала, у штабъ-аги (начальникъ штаба) и всѣ толковали о замѣченной обстановкѣ русскихъ домовъ. Постоянно слышалось: „какъ въ Асхабадѣ, какъ у генерала“. Разговоръ не могъ не коснуться политики: скоро-ли русскіе пойдутъ на Мервѣ. Я имъ объяснилъ, что это зависитъ отъ самихъ мервцевъ: рядомъ съ такимъ государствомъ, какъ Россія, не можетъ существовать разбойничье гнѣздо, не дающее покоя сосѣдямъ; конецъ грабежамъ будетъ положенъ, чего бы ни стоило. Но если жители обратятся къ мирнымъ занятіямъ и будутъ жить въ дружбѣ съ сосѣдями, то, конечно, для Россіи нѣтъ надобности идти на Мервѣ; управленіе Ахаломъ съ 50,000 населеніемъ стоитъ достаточно дорого, только необходимость можетъ заставить тратить еще деньги на вторую такую же провинцію. За Мервѣ когда-то спорили хивинскій ханъ, бухарскій эмиръ и персы, по тогда войны велись для ограбленія побѣжденных; по Ахалу текинцы видятъ, что русскіе дѣйствуютъ иначе; для чего же брать Мервѣ? Впрочемъ надо сказать, что вопросы о приходѣ русскихъ войскъ далеко не всегда внушены страхомъ: съ этимъ сопряжены наплывъ денегъ и много, много есть въ оазисѣ желающихъ, чтобы это совершилось поскорѣе.

Послѣ того, что мы слышали о богатствѣ Мерва, поражаетъ бѣдность, встрѣчаемая всюду и вездѣ въ дѣйствительности. Надо вспомнить сказанное выше по поводу избранія хановъ: текинцы воръ и имѣетъ всѣ недостатки и пороки вора, не уравновѣшиваемые никакими хорошими качествами; онъ лѣнивъ и работаетъ лишь на столько, чтобы не умереть съ голоду; въ Мервѣ хорошая земля и вода есть; но обрабатывается преимущественно то, что требуетъ поменьше труда; клеверъ, засѣваемый разъ на нѣсколько лѣтъ и дающій много сборовъ каждый годъ, имѣется въ большемъ количествѣ, нежели нужно; за прокормъ лошади въ мѣсяцъ брали по

80 копѣекъ. Напротивъ, пшеницы мало и во сколько нибудь урожайные года ее покупаютъ въ Бухарѣ и Персiи.

Разбоями также большого богатства не нажить; кто изъ лучшихъ сердцарей въ Мервѣ не испытывалъ превратностей судьбы: упадѣть въ плѣнъ или самъ, или его сынъ, или братъ, увезутъ кого либо изъ дома разбойники другихъ племенъ или шайки, снаряженныя персидскими ханами—надо выкупать, а съ богатаго человека и выкупъ берутъ большой. „У него 700 барановъ“, сказали мнѣ про одного посѣтителя, желая пояснить, какой это богатый человѣкъ.

Торговли нѣтъ почти никакой; дороги какъ въ Бухару, такъ и въ Мешхедъ постоянно подвергаются нападенiямъ сарыковъ и эрсарей, да при бѣдности мервцевъ и потребностей у нихъ немного. Два раза въ недѣлю бываетъ большой базаръ; собственно купцовъ очень немного, публики же собирается на него по нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ, но за неимѣнiемъ денегъ о покупкахъ мало кто думаетъ; базаръ замѣняетъ мѣсто прогулки и клубъ: сходятся, толкуютъ, узнаютъ новости; крику и шуму всегда много. Если же надо что-либо купить, собираются 2—3 человѣка, берутъ свои произведенiя—нѣсколько ковровъ или войлоковъ и ѣдутъ въ Бухару, Хиву или Мешхедъ, а въ последнее время также въ Асхабадъ, продаютъ привезенное и везутъ обратно зеленый чай, одинъ-два халата, да нѣсколько аршинъ кумачу. Вотъ и вся торговля. Въ Мервѣ большая рѣдкость ремесленники или мастера; шапки, шубы, грубый холстъ и кофры—вотъ все что дѣлается на мѣстѣ, остальное для своихъ потребностей покупается въ окрестныхъ странахъ.

Населенiе Мерва, по опредѣленiю самихъ текинцевъ, не болѣе 200,000 человѣкъ; въ Персiи люди, наилучше знакомые съ положенiемъ дѣлъ, утверждаютъ, что все населенiе лишь 125,000 и ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ 150,000 душъ. Эта послѣдняя цифра наиболѣе заслуживаетъ довѣрiя: вообще численность туркменскихъ племенъ, опредѣленная изъ разспросовъ, когда удавалось ее проверить, всегда оказывалась сильно преувеличенной. Достаточно привести примѣръ Ахала: населенiе его опредѣлялось въ 150,000 человѣкъ; принимая во вниманiе убыль во время войны и даже допуская, что часть жителей еще не вернулась на свои мѣста послѣ бѣгства въ 1881 г.—все же населенiе должно бы быть болѣе 100,000 человѣкъ, а между тѣмъ, по произведенному исчисленiю, оно лишь около 40,000 и, слѣдовательно, до войны ни въ какомъ случаѣ не превосходило 75,000, да и количество воды въ Ахалѣ едва ли хватитъ на большую цифру.

Хорошия лошади въ оазисѣ большая рѣдкость; довольно трудно сказать что-либо положительное о пригодности текинскихъ породистыхъ лошадей для большихъ походовъ; у текинца лошадь, отъ недостатка корма, не можетъ идти болѣе 20—25 дней; впрочемъ, двѣ, три хорошо кормленныя текинскiя лошади, которыхъ мнѣ случилось видѣть, уступали въ выносливости не только нашимъ кавказскимъ лошадямъ, но и персидскимъ.

Вооружены мервцы очень плохо, върѣе народъ вовсе не вооруженъ. Порадочное ружье въ Мешхедѣ стоитъ около 40 рублей, такiя деньги можетъ дать развѣ какой нибудь ханъ и дѣйствительно только у нихъ встрѣчается скорострѣльное оружiе. Но даже самая простая, плохая ружья большая рѣдкость; только въ разбойничьей партiи ими обыкновенно всѣ снабжены; напротивъ, почти во всякомъ караванѣ большинство сопровождающихъ его вооружено только шапками.

При своей лѣни текинецъ замѣчательно жаденъ къ деньгамъ и скупъ. Онъ не кормитъ свою лошадь, самъ почти ничего не ѣстъ; старается вездѣ обойтись угощенiемъ въ деревняхъ; всѣ его расходы—табакъ на нѣсколько копѣекъ и зеленый чай, который пьется безъ сахара и совершенно прозрачный. Цѣлые мѣсяцы ѣздилъ я съ текинцами, и никогда никто изъ нихъ не позволялъ себѣ затратить 10 копѣекъ иначе какъ на вещь, безъ которой безусловно нельзя обойтись. При значительныхъ безлюдныхъ переходахъ мнѣ приходилось самому осматривать у своихъ спутниковъ мѣшки, есть ли въ нихъ хоть немного корма для лошадей. Эта скупость только отчасти объясняется лѣнью текинца; конечно, при небольшихъ деньгахъ можно долго прожить ничего не дѣлая, но часто причина бываетъ другая: если начать доискиваться для чего копить деньги какой нибудь Магомметъ или Ходжа, то почти всегда узнаешь, что для того, чтобы купить вторую или третью жену; романтическiя похищенiя и приобрѣтенiе женъ—вотъ что послѣ воровства болѣе всего занимаетъ текинца. „Если русскiе пойдутъ на Мервъ, случалось мнѣ слышать отъ ахалцевъ, то мы пойдемъ съ ними. А жени, которыхъ мы отнимемъ у мервцевъ, будутъ наши или же послѣ заключенiя мира придется ихъ вернуть? какъ по русскому закону?“ Этотъ вопросъ въ высшей степени интересуетъ текинцевъ, особенно въ виду теперешняго времени, столь тяжелого въ отношенiи добыванiя женъ. Прежде дѣло дѣлалось очень просто: надо жену, укралъ персiанку или же стоворился съ отцомъ понравившейся теинки, сколько онъ хотѣлъ

за дочь плынных персов или краденных персидских лошадей; добывалось все по условию и свадьбы устраивалась. Теперь ни персиянок, ни персиян, ни даже их лошадей уже красть нельзя, надо платить чистыми деньгами. Молодой, красивый теке обходится это: он уговаривает девушку бжзаться съ нимъ, а затѣмъ отцу не остается ничего болѣе какъ согласиться на уплату за дочь по частямъ. Некрасивому или пожилому этотъ способъ рѣже удается и чтобы копить текинецъ деньги, пока не наберетъ 400—500 р., что составляетъ среднюю цѣну за жену.

Но если надѣть на себя брачныя узы не такъ легко, какъ было до прихода русскихъ, то романческія похождения болѣе кратковременнаго характера попрежнему въ большомъ ходу; строгости нравовъ у туркменъ особенной нѣтъ. Оба раза, когда я былъ въ Мервѣ, тотчасъ по прїѣздѣ мои текицы, подъ предлогомъ обмена лошадей, разбжзались по поселеніямъ. Прїѣзжъ ихъ съ русскими, новые черныя халаты, блестящія ружья, все ихъ дѣлало героями дня и, какъ оказалось послѣдствіемъ, они имѣли у мервскихъ дамъ большой успѣхъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ любезниковъ понесли заслуженное наказаніе: не считая другихъ неприятностей, потерялъ и карманъ: два ревнивые мужа воспользовались положеніемъ дѣла, чтобы продать весьма дорого ничего не стоившихъ лошадей.

Что касается гостепримства, то этимъ именемъ у туркменъ называется заиманіе къ себѣ гости съ цѣлью съ него что-либо заработать. Туркмень туркмена долженъ принять и угостить. Поступить иначе нельзя, такъ какъ при разбохъ набрать съ собой запасовъ на всю дорогу невозможно и потому сложился обычай, что туркмень въ дорогѣ прїѣзжающъ къ соплеменнику, какъ къ себѣ въ домъ и прямо требуетъ угощенія, стараясь какъ можно болѣе получить; хозяинъ, напротивъ, старается какъ можно монѣе дать; требовательность одного и скупость другого часто бываетъ причиною ссоръ и вообще всякій очень радъ, если свой же туркмень минуетъ его домъ. Русскій совсѣмъ не то: тутъ извѣстно, что за все будетъ заплачено и очень дорого; чтобы зазвать къ себѣ такого гостя, даже впередъ договариваются съ проводниками. Само собою разумѣется, во все пребываніе потомъ его стараются обмануть, гдѣ только возможно; довѣрять не слѣдуетъ; за вещами нужно хорошо смотрѣть: мелочи пропадаютъ постоянно и хозяинъ потомъ все приписываетъ коварству своихъ враговъ, которые, чтобы его осрамить, сдѣлали кражу у гостя; изъ вѣжливости приходится еще

угнѣвать хозяина, хотя въ дѣйствительности кража совершена его же людьми.

Но все это прощается охотно, такъ какъ мерцы въ послѣднее время, посѣщая Асхабадъ, научились немного принимать гостей, которымъ теперь предоставляется хотя относительное спокойствіе. Прежде цѣлый день и часть ночи посѣщенія не прекращались; я испыталъ это мученіе у саларовъ въ Зуръ-абадѣ. Здѣсь же хозяева спросили меня, желаю ли я, чтобы ко мнѣ пускали посѣтителей или нѣтъ? Конечно, я не прїѣхалъ въ Мервъ, чтобы прятаться и, напротивъ, очень радъ видѣть жителей. Свое любопытство всѣ могли удовлетворить; когда являлись съ визитами ханы или почетные люди, тогда кто успѣвалъ помѣщался внутри кибитки; кругомъ стояла большая толпа, слушающая снаружи происходившіе разговоры, что нетрудно, такъ какъ текины всегда страшно кричать; всѣ старались заглянуть въ середину кибитки; наиболѣе нетерпѣливые продирывались войлоки, чтобы что-либо увидѣть.

Когда все это начинало надоедать, я говорилъ, что лягу спать или собираюсь писать; у туркменъ не считается невѣжливостью заявить своимъ посѣтителямъ, что пора уходить; всѣ вставали съ разными пожеланіями и удалялись; къ двери приставлялся человекъ съ палкою, разгонявшій людей, по временамъ собиравшихся у кибитки.

Первый же день пришелъ ко мнѣ уста (мастеръ), который дѣлаетъ деньги, весьма любезный и веселый человекъ; одѣтъ онъ былъ довольно бдно, въ рукахъ держалъ большой мѣшокъ, въ которомъ помѣщалась вся фабрика: тутъ были и инструменты, и куски металла, и готовые деньги. „Въ Мервѣ нѣтъ падишаха, а потому мерцы сами себѣ дѣлаютъ деньги“, объяснилъ уста монетную систему мервскаго народа. Каждый имѣетъ право этимъ заниматься; но для этого требуется умѣніе и соперниковъ моему гостю во всемъ оазисѣ не было. Мервъ своей монеты не имѣетъ; до сихъ поръ ходили главнымъ образомъ серебряныя персидскія краны (равныя 1 франку), бухарскія теппи (25 к.) и русскіе двугривенныя. Теперь предпочитаютъ наипр кредитныя бѣгеты; конечно, въ этихъ странахъ болѣе всего прїнѣтся ихъ удобство для перевозки. Уста показалъ штампы и образцы своихъ произведеній; онъ дѣлаетъ русскія, хивинскія, бухарскія и персидскія деньги, всѣ маловѣсныя.

Персидскіе краны новой чеканки неудобны для поддѣлки и ихъ

уста дѣлаетъ мало; хивинскія и бухарскія деньги по качеству серебра хороши, но недостаточнаго вѣса; въ Хивѣ и Бухарѣ на деньги изъ Мерва установились курсы, но, впрочемъ, принимаютъ ихъ не вездѣ и неохотно; въ Хивѣ болѣе всего въ ходу наши бумажки и особенно двугривенныя (абазы); своихъ денегъ хивинцы боятся, такъ какъ ихъ очень много поддѣльныхъ. Русскія абазы уста началъ дѣлать лишь недавно; по виду они совершенно не уступаютъ настоящимъ, но хуже качествомъ. На одинъ пудъ персидскаго серебра прибавлено два пуда мѣди. Уста пользуется большимъ уваженіемъ; онъ знатокъ металловъ и человѣкъ нужный: къ нему всѣ обращаются для опѣнки вещей, а главнымъ образомъ при полученіи денегъ для отдѣленія настоящихъ монетъ отъ фальшивыхъ: послѣднихъ въ Азіи, вѣроятно, болѣе чѣмъ первыхъ. Счетъ и сортированіе денегъ при сколько нибудь значительной покупке занимаетъ иногда цѣлые часы.

На обѣдъ мнѣ приготовили пловъ и фазановъ, которыхъ на абазы даютъ 3 или 4 штуки; все готовилось по-русски, т. е. на маслѣ, а не на бараньемъ салѣ. Къ обѣду предлагали водку; продается она недалеко отъ моей кибитки въ боченкахъ, сохранившихся съ тѣхъ поръ, какъ былъ разграбленъ караванъ со спиртомъ близъ Хивы; спиртъ вовсе не былъ вылитъ на песокъ, а весь проданъ и выпитъ. Узнавъ, что я не пью водки, меня стали уговаривать попробовать: „это такъ хорошо: немного выпьетъ, человѣкъ и становится веселымъ; если въ Мервѣ немного пьютъ, то потому, что нѣтъ денегъ, а водку всѣ очень любятъ“. Потомъ мнѣ достали нѣсколько бутылочекъ бухарскаго вина: оно было привезено отъ О'Донована, но онъ не пилъ такихъ слабыхъ вещей и вино осталось; оно успѣло отстояться и было очень порядочное. Въ Мервѣ вина совсѣмъ не пьютъ: здѣсь, какъ въ Персіи, пьютъ, чтобы напиться и скупому текинцу совершенно не понятно, для чего выпить нѣсколько бутылочекъ дорогаго вина, когда одной бутылкой дешевой водки достигаются тѣ же результаты.

На третій день утромъ я отправился въ гости къ Кара-кули-хану. Отъ селенія Сары-хана, гдѣ я стоялъ, все разстояніе около 6 верстъ. Я ѣхалъ съ переводчикомъ и проводникомъ. Дорога шла между садовъ и полей. Муртъ-абъ ми переѣхали въ бродъ; вода была по колѣна лошадямъ, ширина рѣки около 8 саж. Влизъ брода есть мосты; онъ состоитъ изъ 8 пролетовъ около 2 саж. каждый; на сваяхъ продольныя бревна, по которымъ наложень хворостъ и земли; высота надъ низкою водою около 6 аршинъ. Мостъ

узокъ (ширина около 2 арш.) и непроченъ; по немъ ѣздятъ лишь въ половодье; въ остальное время имъ пользуются только пѣшеходы. Почти тотчасъ за мостомъ лежитъ большая крѣпость Коушнотъ-ханъ-кала; на узкой полосѣ между ними базаръ, т. е. рядъ глиняныхъ стѣнокъ въ рядѣ стойлъ, открытыхъ сверху; два ряда лавокъ составляютъ довольно правильную улицу; остальные разбросаны въ беспорядкѣ; земля для стѣнъ берется тутъ же, отчего весь базаръ изрытъ ямами. Недалеко отъ лавокъ валется одна изъ взятыхъ въ 1860 году у персовъ пушекъ; впослѣдствіи я видѣлъ еще нѣсколько изъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ; всѣ старья и могутъ быть опасны развѣ для тѣхъ, кто изъ нихъ будетъ стрѣлять, осаждающимъ же онѣ только принесутъ пользу, такъ какъ неумѣющіе обращаться съ артиллеріею текинцы будутъ напрасно тратить много силъ и труда около нукуда негодныхъ орудій.

Крѣпость Коушнотъ-ханъ-кала названа по имени начинавшаго постройку ея, Коушнотъ-хана, побѣдителя персовъ въ 1860 году. Послѣ пораженія туркменъ во время хивинскаго похода, мервцы, боясь движенія русскихъ войскъ на вѣгъ, приступили къ постройкѣ крѣпости и прекратили работъ тотчасъ, когда убѣдились, что страхъ ихъ напрасенъ. То же произошло и послѣ паденія Геокъ-тепе: не смотря на всѣ убѣжденія О'Донована, за оставшею намъ войскою снова послѣдовало прекращеніе постройки стѣнъ. Вѣдники, которымъ приходится выносить всѣ труды по возведенію этой колоссальной постройки, дѣлаютъ это неохотно и повинуются только въ очень тревожныя минуты; и лишь только опасность нѣсколько отдалится, никто не станетъ работать. Крѣпость въ планѣ имѣетъ фигуру неправильнаго четырехугольника, двѣ большія стороны котораго имѣютъ около полуторы версты; третья меньшая около версты; съ южной стороны работа еще не начата. Стѣна весьма сильно профили (около 70 футъ въ основаніи и до 40 высоты), земля ваята какъ изнутри, такъ и снаружи; образовавшійся ровъ неглубокій и текинцы не въ состояніи его углубить; вода показывается очень близко отъ поверхности; съ сѣверной стороны, которая ниже, ровъ заросъ камышомъ и мѣстами отяготъ лужи грунтовой воды. Стѣны работались отдѣльными племенами и ихъ подраздѣленіями и сдѣланы кусками, которые до сихъ поръ болѣею частью стоятъ отдѣльно, не соединенные другъ съ другомъ. Внутри крѣпости есть огороды, поля и нѣсколько кибитокъ; тутъ живутъ торгующіе въ Мервѣ евреи.

Почти у самой крѣпости находится поселеніе Кара-кули-хана.

У него разговоры были те же, что у Сары-батыры. Впрочем, было видно, что глава тохтайшей čímь-то обижень. Началъ онъ съ разныхъ наговоровъ на отамышей: они меня приняли и сейчас же послали гонца извѣстить англійскаго агента въ Мешхедъ о моемъ приѣздѣ. Я удивился: развѣ это можетъ интересоватъ Аббасъ-хана; если бы я это зналъ, то въ Мешхедѣ самъ бы сообщилъ ему о моей побѣдѣ.

Надежда моя отбѣлѣлась отъ тохтайшей простымъ визитомъ не сбылась. На прощаніе Кара-кули-ханъ объяснилъ переводчику причину своего неудовольствія; я провелъ у отамышей три дня и убѣждаю изъ Мерва, не погостивъ у тохтайшей. Какая можетъ быть этому причина? Тохтайши болѣе могущественное племя, не менѣе дружественны Россіи, за что же это оскорбленіе? Напрасно я объяснялъ, что по нашимъ обычаямъ визитъ замѣняетъ пребываніе въ гостяхъ. Ханъ только больше обижался: конечно, я поступилъ, какъ мнѣ угодно, но тохтайши не заслужили этой обиды. Пришлось уступить; не теряя времени, я переѣхалъ къ Кара-кули-хану съ čímь, чтобы во всякомъ случаѣ на слѣдующій день продолжать путь, обѣщая въ другой разъ подольше погостить у хана. Конечно, во всей этой исторіи немалую роль играла перспектива поставить мнѣ для дороги верблюдовъ и дать проводника, хотя сумма, которую при этомъ можно было заработать, была самая незначительная; но эта причина не единственная: вѣроятно Кара-кули-ханъ готовъ былъ даже самъ что-либо потратить и ничего не получить взамѣнъ, чтобы не дать возможности отамышамъ хвастать передъ нимъ гостемъ. Эта зависть одного къ другому есть одна изъ выдающихся сторонъ характера мервцевъ, какъ и всякой воровской шайки. Нельзя побить 10 минутъ среди тохтайшей, чтобы не услышать чего-либо противъ отамышей. То же въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ: бахи лгутъ на сичмазъ; каждый родъ на своего сосѣда. Постоянно слышишь: таево-то племя ведетъ переговоры съ англичанами, хочетъ начать войну съ Россіей, при чемъ предлагающій услуги свои и своего рода или племени противъ остальныхъ мервцевъ. Конечно, при наступленіи какой-либо внешней опасности внутренніе раздоры въ шайкѣ всегда болѣе или менѣе забываются, но все же общности дѣйствій, бывшей въ Ахалѣ, здѣсь ждать нельзя.

Кара-кули-ханъ самъ живетъ въ кибиткѣ; для гостей же у него встроены весьма приличный домикъ,

Начались обыкновенные визиты; самымъ интереснымъ было по-

сѣщеніе Махдумъ-кули, сына Нуръ-Верды-хана, начальствовавшаго ахальцами въ 1870 г. Послѣ смерти отца своего въ началѣ 1880 г. Махдумъ-кули считался ханомъ ахальцевъ, хотя впрочемъ въ виду его молодости руководилъ сопротивленіемъ въ качествѣ главнокомандующаго Тымъз-сердаръ. Когда Геокъ-тепе пало, Махдумъ-кули бѣжалъ въ Мерв и, обнадѣживаемый обѣщаніями О'Донована, не явился съ покорностью вмѣстѣ съ остальными ханами; послѣ отбѣда О'Донована изъ Мерва, Махдумъ-кули понялъ, что поступилъ неразумно, но было уже поздно: Тымъз-Сердаръ, вслѣдствіе полученнаго имъ чина, приобрѣлъ значеніе въ Ахалѣ и хану пришлось-бы быть вторымъ лицомъ, такъ какъ онъ самъ понималъ, что рассчитывать ему на какія-либо отличія было нечего. Въ Мервѣ жизнь его была также неприятна. Ханомъ племени векиль былъ его младшій братъ Юсупъ. Махдумъ-кули въ Мервѣ не признавали вовсе и друзей онъ имѣлъ мало: его значенію, какъ старшаго сына Нуръ-Верды-хана, завидовали весьма многие. Мой приѣздъ въ Мервъ возбудилъ разныя толки; конечно, если я выѣхалъ изъ Серакса въ Бухару, то путь лежалъ черезъ Мервъ, но всѣ были убѣждены, что у меня есть еще какія-либо другія цѣли. „Ты мусульманинъ, говорили мервцы моему переводчику, — долженъ намъ помочь; скажи правду, для чего? боишься въ Мервѣ?“

У Махдумъ-кули явилась надежда, что я привезу ему какія-либо предложенія со стороны русскихъ властей; его удивляло то полное равнодушіе, которое относительно его выказывали въ Асхабадѣ; онъ старался узнать, что его ждетъ, если онъ вернется; отбѣтъ всегда былъ одинъ: надобности въ его приѣздѣ нѣтъ, пусть вернется, если желаетъ, это зависитъ отъ него; послѣ умиротворенія края онъ русскихъ не грабилъ, а за участіе въ войнѣ въ Россіи не мститъ, слѣдовательно наказывать его не за что.

Ханъ ко мнѣ явился безъ свиты. Всѣ ждали чего-либо конфиденціальнаго и тотчасъ по приходѣ хана бывшіе въ комнатѣ люди встали и вышли, что у туркменъ никогда не дѣлается. Мы остались только съ переводчикомъ. Ханъ былъ взволнованъ; послѣ обѣднаго привѣтствія, онъ на меня все вопросительно смотрѣлъ; я повесть разговоръ о постороннихъ предметахъ; ханъ его не поддерживалъ и самъ ничего не говорилъ; оставивъ его выпить двѣ большія чашки чаю, я прервалъ парившее молчаніе и спросилъ, не имѣетъ-ли онъ чего-либо сказать. „Юкъ“ (нѣтъ), рѣшительно отвѣчалъ Махдумъ-кули. Переводчикъ налилъ ему еще чашку

чаю; ханъ ее пилъ очень медленно; считая свиданіе оконченнымъ. Я сталъ записывать показанія барометровъ, Махдумъ-кули поклонился и вышелъ.

Второй разъ видѣлъ я его уже въ Асхабадѣ, въ октябрѣ, передъ моею поѣздкой въ Мервъ на выборы Майли-хана.

Въ присутствіи командующаго войсками области, Махдумъ-кули приносилъ присягу на вѣрность Бѣлому царю; съ ханомъ прибыло человѣкъ двадцать свиты; кромѣ того собрались ахалцы посмотрѣть на событіе. Отдавъ онъ свою пашку и, все еще предполагая, что его накажутъ за позднее возвращеніе, дрожащимъ отъ волненія голосомъ повторялъ за муллою слова присяги. Когда генералъ Рербергъ объявилъ ему полное забвеніе прошлаго, то ханъ просилъ лишь, чтобы на него было обращено вниманіе, когда онъ заслужитъ этого, доказавъ свою преданность. Махдумъ-кули не пользуется большимъ значеніемъ въ Ахалѣ и потому возвращеніе его не могло имѣть вліянія на спокойствіе края, а было лишь интересно какъ указаніе, что даже самые упорные текинцы приходятъ къ убѣжденію въ безповоротности порядка, водворившагося послѣ 12 января 1881 г. Это убѣжденіе теперь очень сильно.

V.

Дорога изъ Мерва въ Бухару.

Отъѣздъ свой я назначилъ на слѣдующее утро (28 августа). Впередъ были посланы два верблюда, одинъ съ ячменемъ и частью моего выюка, другой съ мѣшками на 12 ведеръ воды для безводныхъ переходовъ; съ верблюдами пошелъ и одинъ персъ, который воспользовался нашимъ проѣздомъ, чтобы отправиться по дѣламъ въ Бухару. Люди Кара-кули-хана проводили насъ нѣсколько верстъ. Я не стѣснялся, производилъ съемку; мнѣнне, что дѣлать ее надобно скртно, чтобы никто не видѣлъ, совершенно неосновательно: мервцы не понимаютъ картинъ или рисунка, а тѣмъ болѣе плана; напрасно имъ старались выяснитъ значеніе карты, они и теперь остаются при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ. „Да, вотъ вы вездѣ, гдѣ ѣдите, говорили мнѣ текинцы, все рисуете и записываете, а приходится ѣхать во второй разъ по старой дорогѣ, все же надо чтобы проводникъ теке ѣхалъ впереди и указывалъ путь.“ Вообще на съемку смотреть какъ на странность френги, ни къ чему не ведущую, и когда я ставилъ бусеоль на треножникъ, никогда никто не противился этому, а всякій старался указать интересные предметы.

Мы шли черезъ поля, арыки, мимо поселеній и развалинъ укрѣпленій, которыхъ здѣсь на первыхъ 40 верстахъ отъ Коушютъ-ханъ-калы много. Уже версты черезъ восемь начали попадаться отдѣльными небольшими грады песковъ, иногда поросшія кустарникомъ, иногда безъ растительности.

На 17 верстѣ прошли мимо Нагымъ-калы; еще 4 версты далѣе перешагнули черезъ большой каналъ и въ половинѣ одиннадцатаго стали на привалъ у послѣдней отъ Мерва (Коушютъ-ханъ-калы) воды. Здѣсь были люди только въ 4 шалашахъ, остальные уже ушли; они приходили сюда только для обработки земли, такъ какъ плодородная мѣста разбросаны часто далеко отъ центра оазиса, куда къ зимѣ всѣ возвращаются. Этого дѣнь мы шли не по большой дорогѣ, ибо по ней вѣтъ воды и запасъ пришлось бы дѣлать въ Мервѣ; ранѣе лѣтомъ, кромѣ воды, гдѣ мы останавливались, есть еще арыкъ близъ Кипмана, гдѣ наша дорога соединяется съ главнымъ; въ августѣ же сборы посѣвовъ были кончены и арыкъ былъ сухой. Вообще можно считать, что послѣдняя вода изъ Мургаба—въ 40 верстахъ отъ Коушютъ-ханъ-калы. Грунтъ вездѣ плотный глиннистый; весьма рѣдки грады песка 5—6 саж. шириною; кое-гдѣ его немного напесло на дорогу, но не настолько, чтобы затруднить ходъ лошади. Сдѣлавъ запасъ воды, мы выступили въ два часа и шли до пяти все по такой же мѣстности; полей встрѣчалось менѣе; бугры и развалины укрѣпленій также часты; здѣсь поселеній нѣтъ; встрѣчались лишь мервскія стада. На ночлегъ мы стали у мѣста Кипманъ; здѣсь развалины нѣсколькихъ укрѣпленій и отдѣльных кирпичныхъ домовъ, разбросанныхъ на весьма большой площади; развалины очень древнія; многое уже обратилось въ бугры, поросшіе травой. Только отъ одной калы, судя по воротамъ и способу постройки, не текинской, сохранились довольно хорошо стѣны и часть весьма высокой башни, видной издалека. Башня была построена изъ глины и обложена снаружы со всѣхъ сторонъ; теперь эта наружная обдѣлка обваливается большими глыбами. Верблюдовъ мы выпустили въ 9 часовъ вечера съ тѣмъ, чтобы на привалѣ напоить немного лошадей; какъ жогажъ, такъ и персъ не имѣли другаго оружія кромѣ пашекъ и шли всю ночь, рискуя каждую минуту нагнуться на сарыковъ.

Отъ Кипмана грунтъ дороги плотный; бугры песка не выше 1—2 саж.; кустарникъ невысокій.

Здѣсь мы шли уже по большой дорогѣ, которая, судя по количеству тропинокъ, много посѣщается; по ней идти всѣ большіе ка-

раваны из Мерва на восток; прямая дорога в Хиву всё безводная и пролегалъ черезъ пески и по нимъ рѣдко кто ѣздитъ, не смотря на полную ихъ безопасность отъ набѣговъ эрсарей и сарыковъ. Чѣмъ далѣе отъ Кишмана, тѣмъ чаще попадались пески; особенно послѣднія 5 верстъ до колодезь; здѣсь пески уже преобладаютъ. Во всякомъ случаѣ можно считать, что до Сираба дорога въ благоприятныхъ условияхъ; здѣсь даже колесное движеніе было бы не затруднительно.

Подѣзжая къ колодезю, отрядъ нашъ былъ очень не великъ; утромъ одинъ изъ моихъ текинцевъ заболѣлъ лихорадкою; припадокъ былъ на столько силенъ, что больной не могъ ѣхать; пришлось его оставить въ кустахъ около дороги и при немъ еще одного человѣка; со мною ѣхали три текинца, вооруженные бердаками и переводчикъ—магазиникъ; данный намъ изъ Мерва проводникъ былъ такъ старъ и на такой старой лошади, что совершенно не могъ идти въ счетъ, и при томъ онъ былъ вооруженъ только шашкою.

Колодези Сирабъ (96 верстъ отъ Коушютъ-ханъ-калы) лежатъ среди небольшого круглаго такира; вода соленая; впрочемъ животные пьютъ ее охотно, люди же только въ случаѣ очень сильной жажды; колодези очень обильны и не выбираютъ; самыя большіе караваны не встрѣчаютъ недостатка въ водѣ.

Съ бугровъ окружающихъ такиръ мы увидѣли много барановъ и верблюдовъ. „Баруанъ, каруанъ“, закричали текинцы, очень обрадованные встрѣтѣ у колодезья караванъ, а не сарыковъ или эрсарей. Караванъ, напротивъ, не зная, кто приближается и при выѣздѣ мы увидѣли 3 человѣкъ въ засадѣ, которые направили на насъ ружья; думая, что видъ моего костюма ихъ успокоитъ, я продолжалъ впередъ; они не стрѣляли, но и не опустили ружей, а слѣдили за моимъ движеніемъ, все приближаясь; слова моего текинца не помогали и только нашъ мервскій проводникъ Нуръ-Али-сердаръ успокоилъ ихъ. Когда дѣло разъяснилось, люди изъ засады вмѣстѣ съ нами подошли въ колодезю. Переводчикъ посмѣялся надъ ними: „васъ 60 человѣкъ, а испугались пяти; развѣ не стыдно“.—Сарыки кругомъ, былъ отвѣтъ; а текинца сразу не отличишь отъ сарыка, русскаго же они никогда не видали и потому костюмъ мой имъ ничего не объяснилъ. Оказалось, люди были правы. Я расположился спагахъ въ 150 отъ колодеза на возможно незагрязненномъ мѣстѣ. Мы еще не успѣли спать вывокъ съ лошадей, какъ въ лагерь каравана стали раздаваться крики и всѣ схватились за ору-

жіе; при грубости и дикости мервцевъ нападеніе съ ихъ стороны въ пустынь, гдѣ нѣтъ разсудительныхъ людей, чтобы ихъ удержать, было возможно и мы также схватились за оружіе, но тутъ увидѣли, что люди бѣгутъ не въ нашу сторону, а прямо по дорогѣ въ Чарджуй. На буграхъ, саженихъ въ 150 отъ насъ, показались всадники; раздались крики: „Сарыкъ, сарыкъ!“ Всадники кинулись на пасущихся верблюдовъ, начали обрѣзывать и сбрасывать съ нихъ сѣдла и погнали животныхъ въ пески; раздались выстрѣлы, но туркменскія ружья за 150 саж. вещь совершенно безвредная. Командиръ подбѣгавшіе люди изъ каравана: „У насъ узнали верблюдовъ, мы всѣ пѣшіе; разрѣшите нашимъ людямъ отбить“.—Сколько сарыковъ? — „Тридцать, сорокъ“.

У насъ всего три берданки и одна магазинка; за нами шли верблюды съ вѣшами; лошади были крайне утомлены, а впереди оставалось 120 верстъ песковъ, изъ нихъ 90 безъ воды; наконецъ одинъ раненый стѣснилъ бы дальнѣйшее движеніе. Я отказалъ.

Бѣгутъ другіе: „человѣка упрями“. Отказывать далѣе было нельзя; соблазненные обѣщаніемъ награды мои текинцы стали говорить, что ихъ купленіемъ въ Мервѣ лошади годятся для погони; переводчикъ въпросилъ у нашего слугника перса свѣжую лошадь и вотъ вчетверомъ отправились за разбойниками. Я остался съ мерцами; довольные моимъ разрѣшеніемъ, они перенесли мои вещи къ себѣ въ лагерь и стали меня угощать какими-то отравительными лепешками, отъ которыхъ и поспѣшилъ отказаться. Собесѣдники мои кромѣ Мерва видѣли только дороги въ пустынь; это были совершенные дикари; они громко выражали свое удивленіе по поводу моего поступка и каждой видной вещи; вилка, ножъ и даже столовая соль, которую они приняли за сахаръ, ихъ приводили въ совершенное недоумѣніе; объясненія безъ переводчицы велись съ большимъ трудомъ. Часа черезъ два вернулись наши люди; они надѣялись, стрѣляли съ разстоянія, на которомъ текинскія ружья недействительны, заставить сарыковъ бѣжать и бросить верблюдовъ; если бы это было сдѣлано подъ самыми лагерьемъ, то можно было бы ждать успѣха, но сарыки успѣли отойти довольно далеко, пока текинцы появили своихъ лошадей, и когда они нагнали бѣгущихъ и во второмъ залпу одного изъ нихъ сбили съ лошади, унаваго сарыки тотчасъ подобрали и затѣмъ раздѣлились: нѣсколько человѣкъ погнавши верблюдовъ, остальные засѣли въ оврагѣ; преимущество скорострѣльнаго оружія не имѣло болѣе значенія и нашимъ людямъ оставалось только вернуться; при этомъ ихъ вовсе не пре-

слѣдовали. Аламань всегда бывають въ томъ же родѣ какъ этотъ; разбойники спрячутся и ждутъ удобной минуты отогнать верблюдовъ или напасть на спящихъ; разъ это сдѣлано и они ушли на нѣкоторое разстояніе, серьезной погоны не будетъ; если бы охранители каравана были не пѣшие, а всадники, то все же они не пошли бы на огонь, также какъ разбойники не рискнули бы угонять верблюдовъ съ такого разстоянія, гдѣ они могутъ подвергнуться опасности. Только трусость персовъ могла составить текинкамъ репутацию храбрецовъ. Если же при этомъ такъ много пѣшихъ мерцевъ въ Персіи и Пенде, то это объясняется непрѣмнымъ качествомъ всякаго труса—полною безпечностью, пока не наступитъ опасность.

На вопросъ, можетъ-ли шайка встрѣтиться еще разъ, мерцы отвѣтили отрицательно. Караванъ пришелъ на колодцы утромъ; слѣдовательно лошади разбойниковъ поены развѣ почью, затѣмъ они спрятались; теперь бѣгутъ къ водѣ. Да при этомъ украдено 8 верблюдовъ, каждый стоитъ около 60 руб.; 500 рублей довольно на 40 человѣкъ, аламанъ удачный и люди пойдутъ домой. Вѣроятно, это сарыки и они погнали добычу въ Юлатанъ; если же это ереари, то они выйдутъ на нашу дорогу на Шоръ и мы можемъ ихъ встрѣтить въ Адиль-куи. Ограбленный караванъ состоялъ изъ 1.800 барановъ, которыхъ гнали изъ Мерва для продажи въ Бухару; верблюды и ишаки везли запасъ воды; при караванѣ было до 50 человѣкъ, вооруженныхъ самыми фантастическими оружіемъ: шашками, ножами, старыми пистолетами, весьма пригодными для коллекции, но никакъ не для обороны. Кромѣ того, хозяева каравана, для охраны его, наняли за плату, по 6 руб. каждому, 12 пѣшихъ, вооруженныхъ старыми ружьями. Мы видѣли, какъ они исполняли свое назначеніе, даже караульщики при пашпихъ верблюдахъ спали. Вечеромъ мерцы подобрали сѣдла и выгнѣли со всякими грузомъ, безъ котораго можно было обойтись, закопали въ пескахъ въ сторонѣ отъ дороги, затѣмъ долго совѣщались и пришли, путемъ совершенно непонятныхъ разсужденій, къ убѣжденію въ необходимости остаться въ Сирабѣ еще одинъ день. Намъ большой текинецъ и его спутникъ прибыли только, когда стемнѣло. Являлся вопросъ какъ намъ идти далѣе; несмотря на всѣ просьбы продолжать путь съ караваномъ, я отказался; во-первыхъ, при медленномъ движеніи могло не хватить припасовъ, а во-вторыхъ, караваны движутся преимущественно почью, а это совершенно не входило въ мои рассчеты: меня интересовало видѣть дорогу, а хотя ночи и

были лунныя, но это недостаточно для съемки. Нападенія намъ бояться было нечего, мы могли отстрѣляться и отъ большаго числа людей; затруднить только вожакъ верблюдовъ, которому приходилось двигаться одному, но онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ: Аллахъ великъ, и къ 11 часамъ ночи выступилъ впередъ; персъ предпочелъ идти съ нами. На ночь были приняты всѣ предосторожности, какъ всегда по минованіи опасности. Вечеромъ мы много толковали по какой дорогѣ идти: въ Бухару изъ Мерва вѣдетъ много дорогъ; въ Сирабѣ раздѣляются двѣ: южная черезъ Тюря-куи (3 мензила или верблюжьихъ перехода по 20—22 версты), въ Чарджуй (2 мензила) и сѣверная черезъ Адиль-куи въ Бокунъ-узунъ на Аму-Дарьѣ, верста 25 ниже Чарджау. На Тюря-куи идти было опасно, такъ какъ, по слухамъ, онъ засыпанъ сарыками и уже давно все движеніе направлено на Адиль-куи. Также брошена и дорога въ Чарджуй черезъ Рапатекъ, когда-то считавшаяся лучшею изъ всѣхъ. Вообще въ этихъ мѣстахъ рѣдко одна и та же дорога существуетъ продолжительное время; разбойники, чтобы затруднить погоню, бросаютъ трупъ въ колодезь или вовсе засыпаютъ его; гдѣ нибудь выроютъ другой и всѣ идутъ по новой дорогѣ, несмотря на сопряженное съ этимъ удлиненіе пути. Въ Хиву направленіе черезъ Бокунъ-узунъ весьма выгодно; напротивъ, для идущихъ въ Бухару этотъ поворотъ равносильнъ удлиненію дороги на 25 версты.

Утромъ мы выступили на разсвѣтѣ, оставивъ караванъ у колодцевъ. Два раза прошли по твердому грунту сажень по дѣйстви и затѣмъ начались пески безъ всякихъ перерывовъ; холмы очень невысокіе, но песокъ утомительный для лошадей, особенно при разстояніи между колодцами въ 90-верстѣ и болѣе.

Дорога много посѣщается, но слѣды быстро заматаются вѣтромъ; указательными знаками служатъ кости верблюдовъ, которыхъ по всему пути весьма много; люди сопровождающіе караваны, разбиваютъ черепа, позвонки и другія кости по кустамъ; по нимъ издали видна дорога; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, на возвышенностяхъ, съ тою же цѣлью сложены пирамиды изъ вѣтвей и корней саксаула. Въ 27 верстахъ отъ Сираба находится небольшое обнаженное отъ песковъ мѣсто, называемое Шоръ; затѣмъ пески становятся выше и труднѣе для движенія; стали попадаться гряды совершенно сыпучія. На почлегѣ мы остановились въ сторонѣ отъ дороги, гдѣ кустиками росла трава, отъ которой наши голодные лошади не отказывались.

31-го августа еще до свѣта выпустили верблюдовъ и затѣмъ выступили сами въ неизвѣстности какъ дойдемъ; проводникъ утверждалъ, что осталось до колодезь не меньше двухъ мензелей, а лошади отъ выхода изъ Сираба получили два раза по полведра воды. Пески по дорогѣ становились все труднѣе, мѣста безъ кустарника и совершенно сыпучія — все чаще; въ 72 верстахъ отъ Сираба вступили въ длинную впадину, съ болѣе твердымъ грунтомъ, деревья повыше чѣмъ въ пескахъ, впадина всего сажени на три ниже окружающихъ холмовъ; по словамъ текинцевъ, это старое русло Аму-Дары, часть такъ называемаго Чарджуйскаго русла. Проводникъ сообщалъ: „здесь когда-то текла Аму-Дары, говорятъ люди; впрочемъ, это было очень давно; теперь уже не живетъ никто изъ видѣвшихъ здѣсь течение воды“. Другой проводникъ указалъ русло нѣсколько далѣе. Трудно понять, почему эти впадины принимаются за русла, онѣ встрѣчаются по всѣмъ дорогамъ, въ степи по разнымъ направленіямъ, на разныхъ горизонтахъ; впрочемъ часто онѣ очень узкія сравнительно съ длиною и потому на планѣ въ маленькомъ масштабѣ напоминаютъ изображенія рѣкъ. Въ природѣ это просто твердыя глиняныя поверхности, не покрытыя пескомъ, внутри степи онѣ большею частью лишены всякой растительности; близъ Аму-Дары, вслѣдствіе большаго количества влаги, растительность почти нѣздѣ есть, болѣе или менѣе богатая, въ зависимости отъ свойствъ грунта. Эти впадины иногда отдѣльныя, иногда идутъ одна за другою, прерывающъ болѣе или менѣе значительными песчаными пространствами; движеніе по обнаженному грунту весьма удобно и потому дорога часто дѣлаетъ большіе изгибы, чтобы воспользоваться рядомъ такихъ впадинъ. Та, которую мы шли, была длиною около пяти верстъ. Тотчасъ за нею на 4 верстахъ тянутся совершенно сыпучіе барханы; затѣмъ снова идутъ пески, поросшіе кустарникомъ, и опять впадина длиною около 3 верстъ, которую второй проводникъ считаетъ за старое русло Аму-дары. Здѣсь паслись лошади; бывшіе при нихъ хивинцы и бухарцы, увидѣвъ русскую форму, приняли насъ безъ всякой тревоги. Лошади принадлежали каравану, шедшему въ Менхедъ и стоявшему на колодцѣ Адиль, который находился около 150 саж. въ сторонѣ отъ русла.

Колодезь Адиль (90 верстъ отъ Сираба) совершенно прѣсный и весьма обильный; вода не выбирается вовсе; глубина до воды 7 аршинъ. Вырѣтъ онъ племянникомъ старшины селенія Баратгызъ, по имени котораго и названъ. Травы у колодезь совершенно нѣтъ,

мѣсто страшно загрязнено; каждый караванъ знаетъ, что ему стоять лишь нѣсколько часовъ и о послѣдующихъ не думаетъ; по этой причинѣ мы поспѣшили уйти подальше отъ колодезь; выступивъ въ 4 часа, мы шли до заката солнца по довольно труднымъ пескамъ.

Всю ночь дулъ сѣверо-западный вѣтеръ; насъ сильно занесло пескомъ и когда мы выступили на разсвѣтъ, то тотчасъ почти сбились съ дороги. Проводникъ старъ и ничего не видѣлъ; отыскиали дорогу мои люди. Послѣ двухчасоваго перехода въ пескахъ вышли на узкій шоръ длиною около 8 верстъ. По мнѣнію верблюдовозатаго, здѣсь также когда-то протекала Аму-дары; шоръ почти безъ растительности, мѣстами бѣлый палетъ. Мѣстами на шорѣ стояли отдѣльные барханы, передвигавшіеся по немъ. Здѣсь мы уже находились верстахъ въ пятнадцать отъ селенія Баратгызъ; дорога вполне безопасная; встрѣчаются отдѣльные люди, которые въ пескахъ выкапываютъ изъ саксаула уголь и вносятъ его на продажу въ Чарджуй. Послѣ полуднечасоваго перехода по барханамъ, такимъ же какъ описаны выше, мы увидѣли сады береговыхъ поселенъ и черезъ часъ, выйдя изъ песковъ, подошли къ селенію Баратгызъ (45 верстъ отъ Адиль-куи) и затѣмъ къ Вонъ-узунъ на Аму-дарѣ.

Я повторю вкратцѣ сказанное выше о послѣднемъ участкѣ дороги: она весьма удобная на первыхъ 91 верстѣ отъ Мерва до колоды Сирабъ; весною и лѣтомъ здѣсь есть вода по срединѣ пути; въ остальное время на 26 верстѣ отъ начала.

Отъ Сираба на 125 верстѣ дорога очень плохая: за исключеніемъ нѣсколькихъ тапировъ, въ сложности около 15 верстъ, она все время идетъ песками болѣе или менѣе закрѣпленными растительностью и прерываемыми совершенно сыпучими грядками, а въ двухъ мѣстахъ (всего на 13 верстахъ) барханами, т. е. находится въ худшихъ условіяхъ, какія только бывають въ пустынѣ. Дорога годится только для вьючнаго движенія; колесное встрѣтило бы слишкомъ большія затрудненія, хотя, конечно, нельзя признать совершенно невозможнымъ протаскивать здѣсь легкія пушки. Благопріятныя условія — это расположеніе самыхъ трудныхъ мѣстъ не на безводныхъ переходахъ, а вблизи Аму-дары и прѣснаго колоды Адиль. Южнѣе описанной дороги есть еще нѣсколько другихъ, не посѣщаемыхъ теперь вслѣдствіе опасности отъ сарыковъ и ерсарей; по словамъ проводниковъ, онѣ лучше пройденной нами.

VI.

Дорога въ Хиву и отсюда въ Ахаль.

Отъ Бокунъ-узунъ въ Хазаръ-аспъ 280 верстъ; мы ихъ прошли въ пять дней, двигааясь все время по южному берегу рѣки; дорога болѣею частью пролегаетъ близъ нея и отходитъ въ сторону только въ крутыхъ колѣнахъ для спрямленія пути. Главныя переправы съ одного берега на другой на этомъ протяженіи—въ Чарджубъ, Кавахлы и Хазаръ-аспъ. Дорога вездѣ весьма удобная; по ней свободно могутъ двигаться арбы; лишь въ двухъ, трехъ мѣстахъ къ берегу подходятъ небольшія гряды сыпучаго песка. Есть также и здѣсь, въ мѣстахъ, гдѣ дорога отходитъ отъ рѣки, длинные узкіе шоры, подобные тѣмъ, которые южнѣе называли старыми русами.

Изъ Бокунъ-узунъ идущіе въ Бухару поднимаются къ Чарджую, идущіе же въ Хиву возвращаются почти до самаго Барагиза, откуда идетъ дорога въ этомъ направленіи.

На 20 верстахъ отъ Барагиза есть поселеніи, затѣмъ въ 10 верстахъ нѣсколько палатей замѣдѣльцевъ, приходящихъ сюда на лѣто. Далѣе жителей нѣтъ до бухарскаго укрѣпленія Кавахлы; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ имѣется порядочный базаръ, единственный на всемъ пути. Отсюда берегъ снова не заселенъ до Хазаръ-аспа; только близъ этого города кочуютъ ата-туркмены.

По всей дорогѣ кормъ для лошадей прекрасный и въ изобиліи; трава и камышъ всюду; наши лошади на этихъ переходахъ поправились послѣ утомленія и лишеній на участкѣ отъ Мерва до Бокунъ-узунъ. Утверждаютъ, что въ густыхъ камышахъ, растущихъ по берегу Аму-Дарьи, водятся въ большомъ количествѣ тигры; вслѣдствіе этого лошадей для пастбы на ночь приходилось привязывать въ камышахъ на длинныхъ веревкахъ какъ можно ближе къ лагерю. Тигровъ мы, конечно, не видѣли и на сколько справедливы толки мѣстныхъ жителей—сказать трудно.

Вдоль дороги много развалинъ укрѣпленій и караванъ-сараевъ, много брошенныхъ арыковъ и часто видны слѣды полей. Всѣ разрушенія и обращеніе края въ пустыню результатъ хозяйничанья въ степи текинцевъ; теперь есть надежда, что берегъ снова будетъ скоро заселенъ.

Развалины крѣпостей всѣ, очевидно, не древнія. Онѣ были разрушены подалѣе отъ рѣки, тамъ, гдѣ на берегу была широкая

полоса, годная для обработки; вода проводилась каналами; поэтому расцѣтъ найти ее въ настоящее время близъ укрѣпленій почти всегда ошибоченъ.

На югъ отъ Кавахлы по дорогѣ мы почти никого не встрѣчали; все еще по старой привычкѣ предпочитается сѣверный берегъ.

Отъ Кавахлы на сѣверъ уже часто встрѣчаются караваны и даже одиночные люди. Верстахъ въ десяти недолгая Хазаръ-аспа начинаются хивинскія поселенія.

Изъ Хивы въ Ахаль я вернулся по большой караванной дорогѣ черезъ Шахъ-Сенемъ, Бала-Ишемъ, Казы и Дурунъ. Современное состояніе этого пути будетъ описано въ связи съ описаніемъ остальныхъ дорогъ въ Кара-кумахъ, изслѣдованныхъ мною въ апрѣлѣ и маѣ 1883 г.¹⁾

ДѢЙСТВІЯ ОБЩЕСТВА.

Журналъ засѣданія Отдѣленія Статистики. — 1 ноября 1883 г.

Засѣданіе происходило подъ предѣлательствомъ И. И. Вильсона, предѣлательствующаго въ Отдѣленіи.

Д. чл. Ю. Э. Янсонъ представилъ Отдѣленію изданный подъ его наблюдениемъ С.-Петербургскою Городскою Думою трудъ: С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1881 года т. I, ч. I. Въ этой части заключаются данныя, о населеніи столицы съ распределеніемъ по возрастамъ, состояніямъ, грамотности, семейному состоянію и пр., а въ концѣ книги приложены рядъ диаграммъ, иллюстрирующихъ съ статистической стороны наиболѣе типичныя черты столичнаго населенія.

Предѣлательствующій предложилъ дѣйствительнымъ членамъ избрать комисію по присужденію почетныхъ наградъ Обществу за статистическіе труды. По произведенной баллотировкѣ избранными оказались слѣдующія лица: С. И. Канустинъ, В. И. Ковалевскій, Л. И. Майдовъ, А. И. Пштейнъ и Ю. Э. Янсонъ.

Д. чл. Ю. Э. Янсонъ сдѣлалъ сообщеніе по вопросу о регистраціи данныхъ движенія населенія и о необходимости изысканій въ этой регистраціи. Въ настоящее время дѣйствующія узаконенія по этой части, помѣщенныя въ IX томѣ Св. Законовъ, не обеспечиваютъ въ достаточной мѣрѣ вѣрность и своевременность метрическихъ записей, служащихъ у насъ основными источниками статистики движенія населенія, вслѣдствіе чего въ этой важной отрасли статистики являются многіе недостатки,

¹⁾ Подробная карта мѣстностей, изслѣдованныхъ г. Лессаромъ изготовляется и будетъ приложена къ этому тому Извѣстій; для появленія ея, поясненіемъ описаннаго выше путешествія можетъ служить приложенная маршрутная карта путей между Муръ-абохъ и Гери-рудомъ и изъ Серахъ въ Мервъ.

МАРШРУТЫ ПУТЕЙ,
ПРОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗ ПЕРВОГО КИТАЙСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ
(ИЗМЕДУ МУРГА-АШМЪ И ГЕРИ-РАДЪМЪ И ИЗЪ СЕВЕРНОГО ВЪЗМЕРЬ)

МАСШТАБЪ
1:100,000
10 верст 100 миль 100 км

—	Дорога	—	Водоотводная канава
—	Рельсы и телеграфы	—	Пустыня
—	Горы, холмы и скалы	—	Вулканы
—	Водоотводная канава, канавы	—	
—	Рельсы	—	
—	Пустыня, степь	—	

